

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 7/2 (319) 2018

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscow, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Руслан АБДУЛЛАЕВ. Применение международно-правовых санкций ЕС по Лиссабонскому договору: проблематика правовой основы	3
Andrey AKIMOV. Mechanisms of electronic democracy in the administrative services office	7
Роза АРАКЕЛЯН. Пути решения криминальных конфликтов при содействии института медиации в криминальном производстве	11
Александр БИГНЯК. К вопросу определения способов защиты прав в корпоративных конфликтах (корпоративных спорах).....	15
Евгений БУЗОВЕРЯ. Понятие и формы противодействия выявлению и расследованию разбоев, совершаемых организованными преступными группами	20
Ярослав БУРЯК. Охрана атмосферного воздуха как составляющая прав лица на безопасную для жизни и здоровья окружающую природную среду органами публичного управления на примере местных органов государственной исполнительной власти в Львовской области	24
Елена ЗАПОТОЦКАЯ. Направления совершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции	27
Юлия ИВЧЕНКО. Государственно-правовой подход к гражданско-патриотическому воспитанию в Украине	32
Михаил ИЛЬНИЦКИЙ. Избирательная система как форма участия общества в формировании государственных, представительских, законодательных, судебных и исполнительных органов	37
Илья КИСЕЛЁВ, Анастасия ФИЛИПП. Структура и динамика умышленных убийств в Украине	42
Tatyana KOBZEVA, Yevheniia MYKHAILOVSKA. Official career in the state administration system in the conditions of the state service reform in accordance with the European Union requirements	47
Павел КОЛОМИЕЦ. Сравнительно-правовой анализ института установления налогов по законодательству Украины и зарубежных стран	51
Виталий КОСТРИЦКИЙ. Особенности регламентации уголовной ответственности за подкуп избирателей, участников референдума по законодательству зарубежных стран	55
Маргарита КОХАНСКАЯ. Общие тенденции в обеспечении эффективности гражданского судопроизводства в Украине	60
Andrey KULKO. Contemporary international legal regime governing non-navigational use and protection of the Indus river basin	64
Татьяна КУРМАН. Теоретико-правовые основы органического сельского хозяйства в Украине	67

Виктория ЛУЦЕНКО. Законодательное обеспечение политики в сфере религии в Европейском Союзе ...	72
Мария ПОЖИДАЕВА. Правовое обеспечение безопасности платежей как гарантия бесперебойного функционирования платежных систем.....	76
Владимир РЕШОТА. Судебное применение актов местных органов исполнительной власти как источников административного права	80
Оксана РУСОВА. Идентификационное значение орфографических и пунктуационных ошибок в исследовании рукописных записей	83
Егор РЯДИНСКИЙ. Правовой механизм акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на территории Украины	86
Виталий СТАРОЖИЛОВ. О принципах правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий	90

Елена СЫТНИК. Основные виктимогенные факторы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность (ст. 304 УК Украины).....	95
Olga US. Rules of criminal and legal estimation of committed act	99
Виоллета ФЕДЧИШИНА. Специальные экономические знания: организационно-правовые аспекты и практика судопроизводства Польши.....	103
Сергей ХАРИТОНОВ. Лишение воинского звания по уголовному законодательству Украины.....	108
Ростислав ЩОКИН. Особенности административно-правового статуса субъектов с делегированными полномочиями в сфере образования	112

УДК 341.174

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ ЕС ПО ЛИССАБОНСКОМУ ДОГОВОРУ: ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ

Руслан АБДУЛЛАЕВ,

аспирант кафедры права Европейского Союза
и сравнительного правоведения
Национального Университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается правовая проблема применения международно-правовых санкций ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора. Прослеживаются особенности новых правовых оснований для применения санкций ЕС. Проводится различие между санкциями против государств и индивидуальными санкциями против физических лиц. Рассматривается соотношение статей 75 и 215 Договора о функционировании Европейского Союза и их влияние на развитие Пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС и Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Демонстрируется превосходство статьи 215 над статьёй 75 и её большая универсальность.

Ключевые слова: право ЕС, международно-правовые санкции, ограничительные меры ЕС, общая внешняя политика и политика безопасности, пространство свободы, безопасности и правосудия.

APPLICATION OF INTERNATIONAL SANCTIONS BY THE EU UNDER THE TREATY OF LISBON: THE PROBLEM OF LEGAL BASIS

Ruslan ABDULLAYEV,

Postgraduate Student at the Department European and Comparative Law
of the National University "Odessa Academy of Law"

SUMMARY

The article deals with the legal problem of application of international sanctions by the EU after the Treaty of Lisbon took effect. It traces the specifics of new legal basics of EU sanctions. The article distinguishes between the sanctions against states and individual sanctions against persons. It further reviews the correlation between articles 75 and 215 of the Treaty on the Functioning of the European Union and their influence on the development of the Area of Freedom, Security and Justice as well as Common Foreign and Security Policy of the EU. The article demonstrates the superiority of article 215 over article 75 due to its greater universality.

Key words: EU law, international sanctions, EU restrictive measures, common foreign and security policy, area of freedom, security and justice.

Постановка проблемы. Санкции являются одним из наиболее употребимых и действенных инструментов ЕС в его международной политике. Этот инструмент постоянно эволюционирует, в том числе и в правовой плоскости. Наиболее значимые инновации в правовой институт санкций ЕС были привнесены Лиссабонским договором, которым были созданы достаточные юридические основания для применения как санкций против государств, так и санкций против отдельных юридических и физических лиц. Вместе с тем эти новшества поставили ряд новых вопросов, в первую очередь касающихся соотношения санкций, при-

меняемых в рамках общей внешней политики и политики безопасности и санкций, применяемых в рамках создания пространства безопасности, свободы и правосудия ЕС.

Актуальность темы исследования для всего региона Восточной Европы определяется тем, что ЕС применяет санкции в отношении как бывших украинских чиновников, так и в отношении Российской Федерации и отдельных её граждан и юридических лиц. Государства региона, стремящиеся к членству в ЕС, в том числе Молдова и Украина, должны строить свою политику с учётом внешних политик ЕС, для чего необходимо исследование,

в том числе, права и практики Союза в вопросе использования санкций.

Состояние исследования. Правовые проблемы, связанные с институтом санкций ЕС, достаточно широко освещены в европейской литературе. Отдельно следует упомянуть исследования, проведённые М. Кремона и П. Елсуwege. Вместе с тем в литературе Молдовы и Украины проблематика применения санкций ЕС практически не рассматривается.

Целью и задачей статьи является исследование института санкций ЕС после вступления в силу Лиссабонского договора, в том числе правовые основы применения европейских санкций.

Изложение основного материала.

Лиссабонский договор вступил в силу 1 декабря 2009 года, внося изменения в Договор о Европейском Союзе (ДЕС) и Договор о Европейском Союзе (ДЕЕС). Договором были введены две новые нормы относительно санкций против физических лиц и других негосударственных акторов, которые были отражены в новых статьях 75 и 215 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Вместе они позволили вводить три типа санкций, в то время как ДЕЕС позволял только один тип санкций (против третьих стран). Статья 75 ДФЕС заменила прежнюю статью 60 ДЕЕС и позволила принятие новых мер, необходимых для достижения целей ЕС в пространстве свободы, безопасности и правосудия ЕС (ПСБП), касающихся предотвращения и борьбы с терроризмом и связанными с ним явлениями [3, с. 109].

Лиссабонским договором были созданы «правовые основы административных мер в отношении перемещения капиталов и платежей, таких как замораживание фондов, финансовых активов или экономических прибылей, принадлежащих физическим или юридическим лицам, группам или негосударственным образованием, находящихся в их владении» [2, ст. 75]. Статья 215 ДФЕС заменила прежнюю статью 301 ДЕЕС и стала частью Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ). Ею было введено два типа санкций: санкции против государств и санкции против физических лиц. Статьей Раде были предоставлены полномочия для введения санкций против физических лиц, групп и негосударственных образований в соответствии с той же процедурой, что используется для введения санкций против государств [3, с. 110].

Наложение ограничительных мер по политическим причинам осуществляется в рамках ОВПБ и требует решения Совета, принятого в соответствии со статьей 29 ДЕС и по процедуре, указанной в статьях 30 и 31. Предложение о применении санкций может исходить от любого государства-члена или от верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, который может действовать при поддержке Комиссии (в таком случае, подается совместное предложение).

Согласно Лиссабонскому договору основанием для внедрения санкций стала статья 215 ДФЕС. Ее первый пункт касается санкций против государств, а вторым был введен новый правовой базис для ограничительных мер против физических и юридических лиц и групп, а также других негосударственных образований. Согласно первому пункту в случаях, когда решение, принятое в рамках ОВПБ, «предусматривает полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами, Совет, вынося квалифицированным большинством по совместному предложению Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и Комиссии, принимает необходимые меры. Совет информирует о них Европейский Парламент». Аналогичная процедура предусматривается вторым пунктом для принятия целевых санкций против лиц, групп и негосударственных образований.

Бросается в глаза то, что по статье 215 Европейскому Парламенту отводится лишь очень ограниченная роль в процессе принятия санкций. Формально Парламент не принимает активного участия в процедуре принятия санкций, а лишь информируется о таких мерах после их принятия. На практике же Парламент во многих случаях пытался участвовать в санкционном процессе, в частности в принятии решений, приводящих к внедрению санкций, в выборе наиболее подходящих для ситуации санкций, а также в определении критериев их оценки и мониторинга имплементации в рамках механизма просмотра и снятия санкций. В ряде случаев Парламент также выражал политические взгляды относительно сущности санкционной политики ЕС, предлагая Раде ввести санкции против определенных государств, или даже обвиняя ЕС в том, что он «часто применял санкционные политику непоследовательно, относясь к государствам с подобными историями прав человека и демократии по-разному, и вызвал критику за применение двойных стандартов» [10].

Статья 215 позволяет принятие «необходимых мер». При использова-

нии этой юридической формулировки институты Союза могут обращаться ко всем типам правовых актов, указанных в статье 288 ДФЕС (регламенты, директивы, решения, рекомендации) [2, ст. 288]. Как правило, инструментом европейского законодательства, который используется в таком случае, являются регламенты. Только через них можно гарантировать необходимую единообразие в применении ограничительных мер, с учетом того факта, что они имеют всеобщую юридическую силу и сферу применения, и являются обязательными для всех государств-членов, в которых они имеют прямое действие [2, ст. 288]. Что касается автономных санкций, Совет, как правило, использует свои полномочия для принятия актов, в которых даются рекомендации по имплементации регламентов и которыми обеспечиваются единые условия для имплементации [2, ст. 291].

Вторым основанием для внедрения санкций ЕС стала статья 75 ДФЕС, направленная на предотвращение и борьбу с терроризмом и связанной с ним деятельностью. Согласно ей «когда это необходимо для достижения целей, указанных в статье 67, в том, что касается предотвращения терроризма и связанной с ним деятельности, а также борьбы с этими явлениями, Европейский парламент и Совет, вынося посредством регламентов в соответствии с обычной законодательной процедурой, определяющие правовые основы административных мер по отношению к перемещению капиталов и платежей, таких как замораживание фондов, финансовых активов или экономических доходов, принадлежащих физическим или юридическим лицам, группам а также негосударственным образованием, находящихся в их владении или содержатся ними. Совет по предложению Комиссии принимает меры для воплощения в жизнь правовых основ, указанных в первом абзаце. Акты, предусмотренные в этой статье, должны содержать необходимые положения в сфере правовых гарантий» [2, ст. 75].

Обе статьи содержат нормы о введении подобных санкций и между ними нелегко провести различия. Можно указать на то, что статья 75 ДФЕС имеет более узкую сферу охвата, поскольку

ку она касается движения платежей, в то время как статья 215 ДФЕС сформулирована более общее [6, с. 100]. Назначение статьи 75 ДФЕС состояла в том, чтобы создать возможность для введения индивидуальных санкций в рамках борьбы ЕС с терроризмом там, где меры необходимо принять немедленно, в то время как санкции по статье 215 используются во всех других случаях [3, с. 110].

Другим отличием является то, что статья 215 ДФЕС содержит нормы, регулирующие ОВППБ, в то время как статья 75 касается ПСБП. Это находит отражение в их процессуальных различиях. В соответствии со статьей 75 Совет и Парламент действуют по обычной законодательской процедуре, описанной в статье 294 ДФЕС без предварительного решения в сфере ОВППБ. С другой стороны, статья 215 предусматривает двухэтапную процедуру, подобную той, что применялась по прежней статье 301 ДЕЕС, согласно которой решение сначала подлежит единогласному одобрению в рамках ОВППБ, а позже имплементируется через голосование квалифицированным большинством в Совете по предложению Верховного представителя и Комиссии.

Выбор надлежащего правового основания становится особенно значимым из-за участия в соответствующих процедурах различных институтов. Хотя вторая фаза процедур более или менее схожа, первая часть процедуры по статье 75 предписывает принятие административных мер с участием Европейского Парламента, в то время как статья 215 ДФЕС требует предварительного принятия общей позиции Совета, о которой Парламент только информируется.

С одной стороны, Лиссабонский договор решил часть проблем, связанных с правовым базисом принятия санкций против физических лиц. С другой, представляется, что Договор создал ряд новых сложностей. Одной из задач Договора было усиление последовательности и согласованности внешней политики ЕС из-за введения важных институциональных инноваций, таких как отмена структуры опор (статья 1 ДЕС), единый набор целей внешней политики (статья 21 ДЕС) и введение новых институтов как Верховный представитель

по иностранным делам и политике безопасности и Европейская служба внешнеполитической деятельности [9, с. 121]. Однако согласно статье 24 ДЕС ОВППБ подчиняется специальным правилам и процедурам, а следовательно, отличается от остальной внешнеполитической деятельности Союза. Структура договоров явно иллюстрирует это различие, поскольку все крупные направления внешнеполитической деятельности ЕС описаны в части V ДФЕС, в то время как положения об ОВППБ включены в раздел V ДЕС. Более того, даже в рамках этого раздела имеется глава, которая содержит специальные положения относительно ОВППБ.

Эти различия явно показывают важность различия между мероприятиями в рамках ОВППБ и любыми другими мерами, которые принимаются соответственно по статьям 75 и 215 ДФЕС. В то же время оба типа мер должны соответствовать одним и тем же политическим целям, поскольку вся внешняя деятельность ЕС по Лиссабонскому договору должна быть последовательной и согласованной [7, с. 51]. Это приводит к определенному размыванию ОВППБ и ее переплетению с ПСБП.

Лиссабонским договором была введена новая статья 40 ДЕС, которая заменила собой предыдущую статью 47. Согласно последней «ничто в настоящем Договоре не будет менять договоров о создании Европейских сообществ или последующих договоров или актов, которые дополняют». Введение этой статьи в предыдущей редакции ДЕС объяснялось опасением того, что межправительственная природа ОВППБ может негативно повлиять на наднациональный процесс принятия решений и сделать ДЕЭС выше по отношению к ДЕС. Эта проблема нашла свое отражение в решении суда ЕС по делу Комиссия против Совета [5]. В данном деле Суд заявил, что когда меры осуществляются одновременно в соответствии с задачами ОВППБ и другими задачами Союза, такие меры должны приниматься на правовой основе отличной от ОВППБ. Такой вывод основывался на статье 47 ДЕС, не позволяет принимать меры на основании положений о ОВППБ в случаях, когда такое мероприятие можно принять на основании ДЕЕС [5].

Новая статья 40 отменила такой подход. Согласно ей «осуществление ОВППБ не затрагивает применения процедур и соответствующего объема полномочий институтов, поскольку эти процедуры и полномочия установлены Договорами для реализации компетенции Союза, предусмотренной в статьях 3-6 ДФЕС. Аналогичным образом осуществление политики, предусмотренной в упомянутых статьях, не затрагивает применения процедур и соответствующего объема полномочий институтов, как эти процедуры и полномочия установлены Договорами для реализации компетенции Союза» [1, ст. 40]. Эта статья отражает изменение взаимоотношения между бывшими ДЕЕС и ДЕС. Исчезла иерархия между положениями о ОВППБ и положениями, которые стали защищенными от взаимного влияния [8, с. 273]. Однако хотя договоры считаются равноценными, статья 40 ДЕС явно подчеркивает особую природу ОВППБ и тот факт, что она отделена от других направлений политики ЕС по ДФЕС [7, с. 275].

Развитие ПСБП согласно Лиссабонскому договору стало логическим продолжением эволюции, которая началась еще в Амстердамском договоре. Определение общих задач соответствующей политики представляется нелегким делом, ведь существующие договоры кодифицировали ряд часто несовместимых задач. Хотя они в основном связаны с внутренней безопасностью ЕС, создается впечатление, что ПСБП также тесно связана с внешними политиками ЕС, в том числе ОВППБ, поскольку угрозы внутренней безопасности часто происходят из-за пределов Союза [9, с. 120]. Лиссабонский договор не предоставляет ПСБП внешнего измерения, которое позволило бы решать подобные вопросы, поскольку в ПСБП отсутствуют явно выраженные внешнеполитические задачи. Однако статья 21 ДЕС косвенным образом указывает на внешнеполитическое измерение ПСБП, указывая, что в своей внешнеполитической деятельности «Союз придерживается принципов и преследует цели, указанные в пунктах 1 и 2, при разработке и реализации своей внешнеполитической деятельности в различных сферах, регулируемых настоящим разделом и частью пятой

ДФЕС, а также при разработке и реализации других направлений своей политики по отношению к их внешне-политических аспектов» [1, ст. 21(3)]. Это, а также тот факт, что ПСБП использует другие внешние политики, в том числе ОВППБ для достижения своих целей, устанавливает между ними явную связь, из-за чего провести между ними четкое различие становится практически невозможным.

Наиболее очевидным решением является применение статьи 75 для принятия санкций против внутренних акторов (к примеру, внутренних террористов), а 215 – против внешних акторов. Проблемой такого подхода становится то, что не всегда возможно провести четкое различие между внутренними и внешними акторами, что, в частности, касается физических лиц, не связанных с государством. Другим возможным решением является применение подхода, который был использован Судом ЕС по делу Европейский Парламент против Совета [4]. Он заключался в том, что статья 75 ДФЕС используется для применения автономного режима санкций ЕС, а статья 215 – для имплементации санкций ООН.

Выводы. Лиссабонским договором был создан всеобъемлющий набор правовых оснований для применения санкций ЕС как в отношении государств, так и в отношении юридических и физических лиц. Вместе с тем им была привнесена проблема соотношения санкций согласно статье 75 ДФЕС, используемой в рамках создания пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС и статье 215, используемой в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Анализ положений обеих статей демонстрирует большую универсальность статьи 215. Её широкое применение привело к более чёткому разграничению полномочий между европейскими институтами, отдав вопрос применения санкций на усмотрение Европейского Совета и Комиссии и фактически исключив Европейский Парламент из процесса принятия решений относительно применения санкций.

Список использованной литературы:

1. Договор о Европейском союзе, 07.02.1992. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_029/ed19920207 (дата обращения: 10.10.2016).

2. Договор о функционировании Европейского Союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 01.04.2017).

3. Cardwell P. J. EU External Relations, Law and Policy in the Post-Lisbon Era. The Hague : TMC Asser Press, 2012. 436 p.

4. Case 130/10 European Parliament v. Council. Judgment of the Court (Grand Chamber) 19 July 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62010CJ0130>. (Дата обращения: 28.11.2017).

5. Case C-91/05, Commission v Council (ECOWAS). 2008. ECR I-3651. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-91/05>. (Дата обращения: 25.11.2017).

6. Cremona M. EU External Action in the JHA Domain. The External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice / M. Cremona, J. Monar, S. Poli (eds.). Brussels : P.I.E. Peter Lang, 2011. P. 91-124.

7. Cremona M. The two (or three) Treaty Solution: The new Treaty structure. EU Law After Lisbon / A. Biondi, P. Eeckhout (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 40-62.

8. Eeckhout P. The EU's Common Foreign and Security Policy after Lisbon: From Pillar Talk to Constitutionalism. EU Law After Lisbon / A. Biondi, P. Eeckhout, S. Ripley (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 265-291.

9. Elsuwege P. The interface between the Area of Freedom, Security and Justice and the Common Foreign and Security Policy of the European Union: Legal Constraints to Political Objectives. Freedom Security and Justice in the European Union: Internal and External Dimensions of Increased Cooperation after the Lisbon Treaty / R. L. Holzhaecker, P. Luif (eds.). New York : Springer, 2013. P. 119-135.

10. European Parliament recommendation to the Council on a consistent policy towards regimes against which the EU applies restrictive

measures, when their leaders exercise their personal and commercial interests within EU borders (2011/2187(INI)). 2 February 2012. - URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P7-TA-2012-0018>. (Дата обращения: 19.11.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуллаев Руслан Аллимович – аспирант кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Национального Университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abdullayev Ruslan Allimovich – Postgraduate Student at the Department European and Comparative Law of the National University “Odessa Academy of Law”

Arao1981@ukr.net

UDC 338.242

MECHANISMS OF ELECTRONIC DEMOCRACY IN THE ADMINISTRATIVE SERVICES OFFICE

Andrey AKIMOV,

Postgraduate Student at the Department of Business Administration
and Management of Foreign Economic Activity
of the Zaporizhzhya National University

SUMMARY

In the article e-democracy is considered as a mechanism of social and political communication of power and society, which corresponds to the needs of the modern information society to the greatest extent. mechanisms for providing electronic administrative services as a set of administrative, institutional, integration and service mechanisms. These mechanisms are key to building an e-government. The mechanisms of e-governance development can be divided into five groups: security mechanisms in the information space, electronic interaction mechanisms, mechanisms for providing electronic services, mechanisms for e-democracy and open government. It is proved that the creation of an effective system of e-democracy is possible only on condition of e-interaction, including citizens and their associations, not only rights, but also responsibility. At the same time, the constitutional rights of citizens, such as the right to freedom of speech and freedom of assembly, privacy, personal and family secrets, correspondence, postal, telegraph and other communications, the free search, reception, transmission, production and dissemination of information of any -which is a legitimate way. Thus, the results of research indicate that the development of e-democracy is based on the introduction of a set of interrelated mechanisms.

Key words: e-democracy, e-government, e-government, service state, electronic administrative services, administrative regulations, institutional mechanisms, integration mechanisms, service mechanisms.

МЕХАНИЗМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СИСТЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ УСЛУГ

Андрей АКИМОВ,

аспирант кафедры бизнес администрирования и менеджмента внешнеэкономической деятельности
Запорожского национального университета

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена e-демократия как механизм общественно-политической коммуникации власти и общества, который в наибольшей степени отвечает потребностям современного информационного общества. Механизмы предоставления электронных административных услуг как совокупность административных, институциональных, интеграционных и сервисных механизмов. Эти механизмы являются главными для построения электронного правительства. Механизмы развития электронного управления условно можно разделить на составляющие из пяти групп: механизмы безопасности в информационном пространстве, механизмы электронного взаимодействия, механизмы предоставления электронных услуг, механизмы электронной демократии и открытого правительства. Доказано, что создать эффективную систему электронной демократии возможно только при условии e-взаимодействия, включая граждан и их объединения, не только права, но и ответственность. При этом должны быть соблюдены такие конституционные права граждан, как право на свободу слова и свободу собраний, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, свободный поиск, получение, передача, производство и распространение информации любым законным способом. Таким образом, результаты исследований свидетельствуют, что развитие электронной демократии базируется на введении совокупности взаимосвязанных механизмов.

Ключевые слова: электронная демократия, электронное управление, электронное правительство, сервисное государство, электронные административные услуги, административные регламенты, институциональные механизмы, интеграционные механизмы, сервисные механизмы.

Formulation of the problem. In today's society is the emergence of new forms of social and political system based on electronic means of mass communication, the organization of relations of public institutions and civil society. At the same time, the state ceases to be the exclusive subject of the political process, since e-technologies allow citizens to gradually expand their influence on the political process, that is, a citi-

zen also becomes a subject of political activity.

It can be argued that e-communications, as they develop and spread in society, can largely transform the political structure and the nature of political relations in society, contributing primarily to the democratization of political institutions. In particular, many researchers are turning to the highly relevant idea of using e-communications as the basis for democ-

ratization of the socio-political system, as well as the model of the relationship between government and society, the formation of a new social interface between the authorities and the state in the eyes of ordinary citizens and the public.

Relevance of research topic. Among the important tasks of Ukraine on the way to the European community is the development of an information society. One of the priority stages of its development is

informatization of state authorities. It will promote its transparency and openness, will positively influence the efficiency of government structures, modernize public administration in general. As a consequence, the public will be able to receive high-quality administrative services, join management decisions at different levels. Among indicators of modernization of public administration are considered, in particular, the site of the authority, a page in the social network, a blog. Internet representation of power in the network testifies to its willingness to dialogue with society, the desire to respond promptly to the challenges of the present. An effective technology aimed at overcoming challenges in public administration is electronic democracy

State of research. The theoretical basis of the information society and e-government, implementation of e-government and e-democracy are analyzed in the works of foreign scientists: D. Bell, M. Bonham, M. Vershinin, L. Grossman, A. Danilina V. Drozhzhynova, D. Seifert, M. Castells, S. Clift, A. Koshkin, crystal B., J. Masoudi, P. Norris, M. Raskladkinoyi V. Solodova E. Toflera, Travkina Yu, K. Hill, Yakovlev and others. Different approaches to information and analytical support of the authorities and the introduction of e-government in public administration explained some Ukrainian researchers like Alexander Baranov, A. Golobutsky, N. Hrytsiak M. Demkova D. Dubov S. Dubov, O.H. Emelianenko, P. Klimushyn, I. Klimentenko, I. Koliushko, N. Korytnikova, K. Lynov A. Serenok A. Semenchenko, V. Parkhomenko, Pocheptsov G., S. Chukut O. Shevchuk and others. In this wide range of work relevant to further study the state of administrative services as the main component of building service state.

The purpose of the article is to analyze and generalize approaches to the definition of mechanisms of electronic democracy in the system of providing administrative services.

Presentation of the main material. In defining e-democracy as the socio-political system in which the interaction is as highly informative as possible, it should be recognized as its largest, compared to other models of political democracy, its proximity to the ideal of participatory democracy, since e-democracy allows for participation in the discussion and adoption of socio-political decisions

by the broadest the masses of the population using e-communications. At the same time, e-democracy can be viewed not only as a socio-political system, but as a set of mechanisms and e-communications, used in the interests of optimizing the relations between government and society, which provides for expanding the space of socio-political communication of the state and citizens and its further democratization through increase of the real participation of citizens in the political life of the state.

Consequently, e-democracy should be considered as a mechanism of socio-political communication of power and society, which corresponds to the needs of the modern information society to the greatest extent. E-democracy stimulates civic social activity, as citizens are given the opportunity to discuss the most acute issues related to their life and the life of the country. In other words, one of the hallmarks of e-democracy is its focus on citizens' initiative.

E-democracy at the expense of widespread use of ICT a qualitatively new level of interaction of citizens with each other, with state authorities, local authorities, public organizations and commercial structures.

Active development of e-democracy needs:

1) a clearly marked vector on the state level in the direction of system strengthening of democratic institutions – the state should allocate serious resources for the development of civil society, to provide support to numerous civil society organizations;

2) implementation of various Internet projects in order to protect the rights and freedoms of citizens and their communication with authorities and socio-political organizations;

3) development of state and private programs of informatization of the system of public relations in business, medicine, education, science, culture and public administration;

4) implementation of interactive (bilateral) e-interaction of citizens with authorities on socio-political issues;

5) dissemination of procedures for identification and authentication of participants in information interaction, including in the part of practical implementation;

6) popularization of effective measures of e-democracy among the population and formation of an environment of confidence in these measures.

The development of e-democracy should be carried out at the national level, involving representatives of civil society organizations and NGOs, experts, state authorities, local self-government bodies, as well as mass media and private companies.

The active introduction of e-democracy at all levels of government and civic participation will promote convergence of government and society, increase public participation in the public sector and make socio-political decisions, make authorities more accessible and open to citizens, create additional incentives for the development of a partner model of interaction between organs government and civil society.

Among the mechanisms of e-democracy are:

1) e-voting (mobile voting, internet-based elections, etc.);

2) mechanisms of network communication of citizens and collective discussion of socially significant problems and issues of socio-political issues in the on-line mode; mechanisms for the formation of online communities, including mechanisms for planning and implementation of community initiatives and collective action projects;

3) mechanisms of network communication of citizens with authorities, including tools for influencing decision-making and civilian control over the activities of government bodies;

4) mechanisms of public online governance at the municipal level.

Electronic voting is a vote without the use of a newsletter, which is made on a paper medium, using a complex of automation means. In turn, an electronic bulletin means a newsletter prepared by software and hardware in electronic form, which is used for electronic voting.

Before the introduction of specialized means of network communication, remote communication on the principle of many with many was extremely difficult and virtually impossible. The so-called technologies of the Web have allowed to organize mass discussions with a multitude of independent participants, geographically distant from each other, in real time.

Today there is no need to gather people in some closed physical space for the purpose of collective discussion of any issues. Such a discussion can be successfully organized on specialized Internet

resources (forums, Internet conferences, webinars, Skype sessions, etc.), on the site of virtually any social network, as well as in blogs. It simplifies communication with hard-to-reach audiences (territorially, disabled, for other reasons). On a number of portals in the period of election campaigns, this mechanism is embodied in the projects «Internet debates».

Collective discussion of socially significant problems, as well as the formation of consolidated positions often contributes to the fact that in the Internet environment, the so-called «network communities» (online communities), which are represented in the Internet space and are defined as groups of people united by certain common interests or problems that interact with each other through Internet resources and / or mobile communications to discuss various social and political issues and issues.

In some cases, this form of communication may serve as a kind of analogue of citizen associations, citizen gatherings, street pickets, rallies, campaigns or demonstrations. At the same time, modern digital technologies allow in a matter of minutes to send such images and recordings for huge distances, to place them in publicly accessible social media (blogs, forums and social networks), where these materials become the property of the public, and often the subject of litigation.

Public condemnation still remains the mechanism of effective struggle against various ailments of the modern system of public relations. Publicity allows more effective combating bureaucracy and corruption in the political sphere. However, in most cases, informal publications in forums and blogs do not reach the responsible person: there are no official status in the forums and blogs, the law does not oblige officials to respond to such publications, and it is not always the authorities that have the opportunity to know in due time. On the availability of such publications.

Moreover, it is commonly accepted that such publications are considered to be marginal in their entirety in the public administration, and it is considered that they do not deserve objective attention and dialogue.

The mechanisms of network communication of citizens with the authorities, including the tools for influencing decision-making and civilian control over the activities of the authorities, have a real, rather than

declarative, influence on the processes of social and political governance.

One of such mechanisms is the formation of collective positions in the format of electronic appeals to authorized organizations, primarily to bodies of state power and local self-government. Collective appeals express a consolidated opinion of users on essentially debated issues. Consolidated opinion is a useful result of network communication, one of the most important elements on which electronic democracy is based.

The most progressive technologies of e-interaction between citizens and government are the establishment of partnership relations between them in the decision-making process. This is what is called active participation of citizens in the decision-making process. Critically important for this process is not just the active contribution of citizens, but also the government's actions on the practical implementation of this contribution. Therefore, the most important criteria for this level of interaction are:

- 1) an opportunity for citizens to submit online petitions;
- 2) taking into account the received opinion of citizens in the decision-making process;
- 3) official government response to citizens' opinion;
- 4) an obligation to respond to online appeals and online requests and the timing of such an answer.

Thus, in the process of introduction of e-participation technologies, there are new opportunities for participation in the socio-political process, such as raising awareness about actual social problems, strengthening feedback with government institutions, and influencing the formation of the agenda and the process of adoption. Social and political decisions. This increases the level of citizens' trust in state institutions and allows them to achieve transparency of their activities

The mechanism of the formation of online communities provides planning and implementation of civil initiatives and collective action projects. This mechanism saves resources for social mobilization and expands the limits of direct democracy, in which citizens can participate independently and on the principles of self-organization not only in initiating, developing and adopting public and political decisions, but also in implementing them both locally

and nationally level, as well as in arranging measures that affect the authorities and other responsible organizations.

A collective discussion of socially significant problems and the formation of consolidated positions often contributes to the fact that in the Internet environment, so-called virtual communities are united by certain common interests or problems that interact with each other in order to discuss various social and political issues and problems. In a number of cases, this form of communication may serve as a kind of analogue of citizens' associations, citizens' meetings, street pickets, rallies, campaigns or demonstrations. At the same time, modern digital technologies allow in a matter of minutes to disseminate the results of the activities of virtual communities in public social media (blogs, forums and social networks), where these materials become the property of the public, sometimes even the subject of litigation.

Public condemnation is still an instrument of effective struggle against various illnesses of the modern system of social relations.

Publicity allows more effective combating bureaucracy and corruption in the political sphere.

Adding public awareness to socially significant problems is not the only tool for influencing the adoption of the necessary socio-political decisions. Online communities are also used by their members as a convenient means of planning and organizing real events.

So-called flash mobs, as well as protest rallies, have become very popular, which, unfortunately, in a number of cases grow into mass riots and pogroms.

Today, the resource of organized online communities is not only an additional and significant foundation for the formation of new structures of civil society (mutual societies, volunteer and environmental movements, virtual parties and mass media, etc.), but also an influential economic and political resource. Many social networks, including the Facebook network, have the function of inviting users to events, as well as providing opportunities for organizing mass mailing, which ensures that these functions are much more operational and cost effective than traditional tools.

The mechanism of automated monitoring provides the following opportunities for researchers [3]:

1) submission of data on the dynamics of votes;

2) monitoring of the current state;

3) use filters and sections to find initiatives and analyze the current status and dynamics of voting.

The use of automated monitoring capabilities allows for some analytical research: positive feedback analysis; negative feedback analytics; Identification of problem issues in specific regions on the basis of content analysis of initiatives by region; assessment of citizens' interest in the project of public initiatives, etc.

All analytics are based on a database (database) with access to it based on the formation of queries and the receipt of data for further analysis.

The implementation of the considered technologies provides citizens with a real opportunity to influence the quality of work of state authorities and local self-government bodies not sporadically, but systematically - in the order of public dialogue when solving socially significant problems and publicly assessing the quality of work of the authorities.

It is possible to create an effective system of e-democracy only on condition of e-interaction, including citizens and their associations, not only rights, but also responsibility. At the same time, the following constitutional rights of citizens, such as the right to freedom of expression and freedom of assembly, privacy, personal and family secrets, correspondence, postal, telegraph and other communications, free access to, obtaining, transmitting, producing and disseminating information of any kind should be respected. -which is a legitimate way.

Thus, the results of research indicate that the development of e-democracy is based on the introduction of a set of inter-related mechanisms.

It is also problematic to introduce tools for network control over public authorities, which involves not only continuous monitoring of unresolved problems in the housing and communal services sector, education, medicine, etc., and informing about these problems of government officials through e-technologies, but also monitoring the very procedure for the development and implementation of decisions taken by the authorities with the participation of citizens in this procedure.

Conclusions. Active introduction of service mechanisms into the system

of public administration and interaction of citizens and state authorities is accompanied by simultaneous processes of automation of administrative regulations and introduction of official electronic document circulation. The need for such innovative mechanisms of organization of state management is due to the objective inability to implement the concept of a service state through traditional management technologies characterized by high time and economic costs, as well as corruption risks.

The aforementioned mechanisms of provision of electronic administrative services as a set of administrative, institutional, integration and service mechanisms. These mechanisms are key to building an e-government. The mechanisms of e-governance development can be divided into five groups: security mechanisms in the information space, electronic interaction mechanisms, mechanisms for providing electronic services, mechanisms for e-democracy and open government.

Referenses:

1. Дьякова Е. Г. Переход к электронному правительству как процесс институциональной адаптации. Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения РАН. 2011. № 11. С. 235–252.

2. Коженко Я.В. Особенности правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг в сервисном государстве. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7602>.

3. Франгулова Е.В. Классификация подходов к интеграции и интероперабельности информационных систем. Вестник Астраханского гос. техн. ун-та. Серия «Управление, вычислительная техника и информатика». 2010. № 2. С. 176–179.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akimov Andrey Vladimirovich – Postgraduate Student at the Department of Business Administration and Management of Foreign Economic Activity of the Zaporizhzhya National University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акимов Андрей Владимирович – аспирант кафедры бизнес администрирования и менеджмента внешнеэкономической деятельности Запорожского национального университета

anticor1770@gmail.com

УДК 343.137.9

ПУТИ РЕШЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ ПРИ СОДЕЙСТВИИ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В КРИМИНАЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Роза АРАКЕЛЯН,

соискатель кафедры уголовного права, криминологии,
гражданского и хозяйственного права
ВУЗ «Национальная академия управления»,
главный юрист Частного предприятия «Лизинговая компания ВЛ»

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование путей решения уголовных конфликтов при содействии института медиации в уголовном производстве. Освещаются некоторые законодательные предложения, разработанные по итогам проведенного системно-эмпирического исследования потребностей целевой аудитории, в которую входят должностные лица органов досудебного расследования и пострадавшие в конкретном уголовном производстве, в контексте решения уголовных конфликтов при содействии института медиации в уголовном производстве. Обосновывается позиция о том, что процедура медиации в уголовном производстве будет способствовать решению уголовных конфликтов определенной категории. Доказывается положение о том, что консенсуальная модель института медиации в уголовном производстве на стадии «производственного» внедрения существенно повлияет на изменение количественных показателей уровня преступности и количества возбужденных уголовных производств.

Ключевые слова: конфликты, уголовные конфликты, институт медиации в уголовном производстве Украины.

WAYS OF CONFLICT RESOLUTION UNDER THE AUSPICES OF THE INSTITUTE OF MEDIATION IN CRIMINAL PROCEEDING

Rosa ARAKELYAN,

Applicant at the Department of Criminal Law,
Criminology, Civil and Economic Law
of National Academy of Management,
chief legal officer of the Private Enterprise «Leasing Company VL»

SUMMARY

In this article is researched ways of the conflict resolution under the auspices of the Institute of mediation in criminal proceedings. In this article is illuminated result of systemic empirical research regarding demands target audience, which includes officers of preliminary investigation and victims in the criminal proceeding, which were connected with the ways of the conflict resolution under the auspices of the Institute of mediation in criminal proceeding. It is substantiated our position that the mediation procedure in criminal proceedings contribute to solving criminal conflicts minor, reckless criminal offenses moderate, criminal offenses of small and moderate against property, criminal offenses of small and moderate against freedom, honor and dignity. It is being reasonably proved that consensual model of the institute of mediation in criminal proceedings at the stage of «production» implementation greatly affect the change of quantitative indicators of crime and the number of criminal cases in temporal and spatial dimensions. It is providing that the consensual model of the institution of mediation in criminal production, at the stage of «industrial» implementation, will significantly affect the change in the quantitative indicators of the level of crime and the number of criminal proceedings instituted.

Key words: conflicts, criminal conflict mediation institute criminal proceeding in Ukraine.

Постановка проблемы. Исследование путей решения уголовных конфликтов при содействии института медиации в уголовном производстве обусловлено: международно-правовыми обязательствами и положениями отечественных стратегических нормативно-правовых актов, которые предусматривают создание альтернативных внесудебных способов регулирования уголовных конфликтов, действенность которых подтверждена зарубежным опытом; потребностями пострадавших

в уголовном производстве; недостатками традиционного уголовного производства, в частности незначительным количеством и качеством уголовных процессуальных действий, осуществляемых следователями в отношении потерпевших в разрезе преступлений небольшой, средней тяжести и преступлений против собственности, на стадии досудебного расследования (следствия) и судебного производства.

Актуальность темы исследования подтверждается отсутствием законода-

тельных предложений, предоставленных с учетом системно-эмпирических исследований, основанных на изучении и обобщении потребности целевой аудитории, которая состоит из должностных лиц органов досудебного расследования и пострадавших в конкретном уголовном производстве, в контексте решения уголовных конфликтов при содействии института медиации в уголовном производстве.

Состояние исследования. Значительный вклад в исследовании путей

решения криминальных конфликтов при содействии института медиации в криминальном производстве принадлежит следующим украинским ученым: В.В. Землянкой, В.И. Галаган, В.К. Гришук, В.М. Куц, Ю. Никитину.

Целью и задачей статьи является освещение некоторых законодательных предложений, разработанных по итогам проведенного автором системно-эмпирического исследования потребностей целевой аудитории, которая состоит из должностных лиц органов досудебного расследования и пострадавших в конкретном криминальном производстве, в контексте решения криминальных конфликтов при содействии института медиации в криминальном производстве.

Изложение основного материала.

Большой толковый словарь современного украинского языка определяет термин «конфликт» как «столкновение противоположных интересов, мнений, взглядов, серьезные противоречия, острый спор» [1, с. 570]. В юридической энциклопедии под общей редакцией Ю.С. Шемшученко под понятием «конфликт» (лат. *conflictus* – столкновение) понимают столкновения взглядов, интересов, позиций, которые сопровождаются конфронтацией, соперничеством, конкуренцией или противоборством его участников, наличием сложных коллизий [2, с. 335]. Сегодня наблюдается наличие плюралистических подходов к типизации и классификации конфликтов, при этом значительная часть конфликтов имеет юридическую направленность. Одной из разновидностей юридических конфликтов является криминальный конфликт, под которым понимают столкновение с криминальным законом, что детерминировано совершением преступления [2, с. 336]. Значительное количество криминальных конфликтов имеет неоднородный характер, что обусловлено совершением преступлений, предусмотренных Криминальным кодексом Украины [3, с. 75].

Специфика правового конфликта определяется юридическими характеристиками, к которым относятся: отразь права, в сфере которой может находиться конфликт, структура правовой нормы, разновидность правоприменительной (исполнительной) институции и т. д. [4, с. 90–95]. По составу

и количеству сторон или участников криминально-правового конфликта они делятся на внутрилличностные, межличностные, личностно-групповые и между групповые [5, с. 41].

В аспекте исследуемой проблематики в предложенном автором проекте Закона Украины «О медиации в криминальном производстве» закреплена действенный путь решения криминальных конфликтов определенной категории с помощью института медиации в криминальном производстве, который является вспомогательным звеном наряду с традиционным криминальным производством. В статье 13 проекта Закона Украины «О медиации в криминальном производстве» определены основания инициирования процедуры медиации в криминальном производстве и предложен ряд преступлений, которые могут быть основанием для направления криминального производства на процедуру медиации в криминальном производстве, в частности, определено следующее: «На процедуру медиации в криминальном производстве при наличии предусмотренных в данном Законе оснований направляются: 1) преступления небольшой тяжести; 2) неосторожные преступления средней тяжести; 3) преступления небольшой и средней тяжести против собственности; 4) преступления небольшой и средней тяжести против свободы, чести и достоинства личности. Процедура медиации в криминальном производстве иницируется: 1) следственным судьей, судьей на стадии судебного производства с письменного согласия потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого при наличии оснований считать, что такая процедура обеспечит возмещение ущерба, причиненного преступлением; 2) прокурором до принятия судебного решения по делу с письменного согласия потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого при наличии оснований считать, что такая процедура обеспечит возмещение ущерба, причиненного преступлением. Решение следственного судьи, судьи, во время судебного разбирательства, о направлении криминального производства на процедуру медиации в криминальном производстве принимается в форме постановления суда, которое направляется в службу медиации в криминальном производстве в пределах территориальной юрисдикции суда. Решение прокурора в ходе досудебного расследования о направлении криминального производства на процедуру медиации в криминальном производстве принимается в форме постановления и направляется в службу медиации в криминальном производстве, которая функционирует в рамках ее юрисдикции. Решение о применении медиации в криминальном производстве принимается на всех стадиях криминального производства. Разрешается применение процедуры медиации в криминальном производстве в виде альтернативной стадии криминального процесса при условии, что такая процедура была проведена до возбуждения криминального производства, отвечает интересам потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и не затрагивает публичные интересы государства». О необходимости активизации вышеизложенного процессуального порядка института медиации в криминальном производстве выразились 44% следственных респондентов в противовес 28% следственных респондентов, которые не поддержали вышеизложенную процедуру оснований инициирования процедуры медиации в криминальном производстве и взамен не предложили альтернативного варианта.

Вышеизложенная законодательная инициатива свидетельствует о том, что процедура медиации в криминальном производстве будет способствовать решению криминальных конфликтов: небольшой тяжести (за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет, или другое, более мягкое наказание за исключением основного наказания в виде штрафа в размере трех тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан), о чем свидетельствуют изученные автором материалы криминальных производств; неосторожных преступления средней тяжести (за которое предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере не более десяти тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан или лишение свободы на срок не более пяти лет), о чем свидетельствуют изученные автором материалы криминальных производств; преступления небольшой и средней тяжести против собственности (предусмотренных в раз-

решения криминальных конфликтов при содействии института медиации в криминальном производстве принадлежит следующим украинским ученым: В.В. Землянкой, В.И. Галаган, В.К. Гришук, В.М. Куц, Ю. Никитину.

деле VI Криминального кодекса Украины), о чем свидетельствуют изученные автором материалы криминальных производств; преступления небольшой и средней тяжести против свободы, чести и достоинства личности (предусмотренных в разделе III Уголовного кодекса Украины), о чем свидетельствуют изученные автором материалы криминальных производств [6].

Изученные автором материалы криминальных производств свидетельствуют о наличии априорных практических основ для эффективного и действенного решения криминальных конфликтов с помощью вышеизложенной институциональной основы, что подтверждается количественным процентным показателем проанкетированных респондентов, которые считают, что внедрение института медиации в криминальном производстве должно применяться к преступлениям: небольшой тяжести – 21%; неосторожным преступлениям средней тяжести – 17%; преступлениям небольшой тяжести против собственности – 26%; преступлениям средней тяжести против собственности – 23%; преступлениям небольшой тяжести против свободы, чести и достоинства человека – 7%; преступлениям средней тяжести против свободы, чести и достоинства человека – 6%.

Исследованием выявлено, что 0,5% обвиняемых (подозреваемых) представили правдивые показания только когда им было предложено заключить соглашение о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым и / или соглашение между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности (регламентируется главой 35 Криминального процессуального кодекса Украины) при отсутствии у следствия доказательств, которые подтверждают вину подозреваемого. Установлено, что по итогам заключения соглашения о примирении между потерпевшим и подозреваемым или обвиняемым и / или соглашения между прокурором и подозреваемым или обвиняемым о признании виновности сторонами криминального конфликта (всего таких сделок заключено 0,5%) надлежащим образом выполнены взятые ими обязательства, в частности, в 0,2% таких криминальных производств обязательства полно-

стью выполнены, а в 0,3% частично выполнены обязательства.

Консенсуальная модель института медиации в криминальном производстве уделяет особое внимание потребностям пострадавших в криминальном производстве, направлена на получение компенсации в полном размере + возмещения морального вреда, причиненного преступлением [7, с. 28]. Концептуальные положения рассматриваемой институциональной основы в первую очередь призваны учитывать весь спектр потребностей, интересов потерпевшего [8, с. 49]. Получение компенсации в криминальном производстве является основной мотивационной составляющей активизации указанной процедуры [9, с. 15]. Положительным, на наш взгляд, является утверждение 43% опрошенных следователей респондентов, которые считают, что практическое внедрение предложенной нами институциональной основы существенно повлияет на уменьшение уровня преступности, в частности, преступлений небольшой тяжести, неосторожных преступлений средней тяжести, преступлений небольшой и средней тяжести против собственности; преступлений небольшой и средней тяжести против свободы, чести и достоинства человека.

Зарубежная практика применения института медиации в криминальном производстве свидетельствует о действенной ответственности преступника в рамках процедуры медиации в криминальном производстве [10 с. 28], аналогичной позиции придерживаются 50% анкетированных следственных респондентов в противовес 36% следователей респондентов. Следователи пяти терри-

ториальных подразделений районных управлений Главного управления МВД Украины г. Киева охотно поддержали концептуальные положения института медиации в криминальном производстве, обусловленные восстановительным и компенсационным характером причиненного преступлением вреда и свидетельствуют о практической ответственности института медиации в криминальном производстве, учитывая следующие показатели: 53% следственных респондентов в противовес 32% следственных респондентов считают, что медиация в криминальном производстве способна освободить пострадавшего от тяжелых последствий преступления; 52% следственных респондентов в противовес 36% следственных респондентов считают, что медиация в криминальном производстве будет способствовать активному участию сторон криминального конфликта с целью отыскивания взаимоприемлемого решения; 56% следственных респондентов в противовес 30% следственных респондентов считают, что медиация будет способствовать интеграции правонарушителя в социальное общество; 76% следственных респондентов в противовес 11% следственных респондентов считают, что действенность института медиации в криминальном производстве, в противовес традиционному криминальному производству, обусловлена функционированием, наряду с юридическим, гуманитарных методов работы по исправлению последствий преступления и социализации правонарушителя.

Следует обратить особое внимание на количественные показатели криминальных производств с 2012 г. – первое полугодие 2015 г. (Рис. 1.1.).

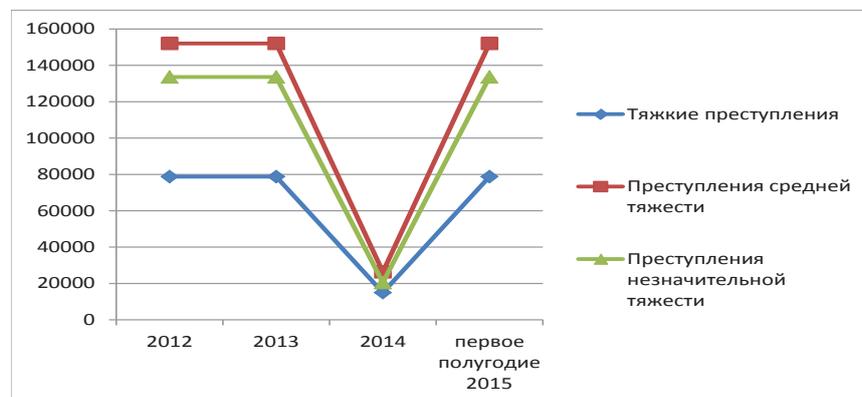

Рис. 1.1. Количественные показатели уголовных производств с 2012 – первое полугодие 2015

Источник: Разработано автором по итогам анкетирования следователей и потерпевших относительно внедрения института медиации в криминальное процессуальное законодательство Украины.

Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что медиация в криминальном производстве является вызовом времени и необходимостью гуманистически настроенного демократического украинского общества, в это верят 46% следственных респондентов в противовес 25% следственных респондентов. Потребность во внедрении данного механизма с целью решения криминальных конфликтов обусловлена недостатками традиционного криминального производства. Так, 50% следственных респондентов в случае внедрения на национальном уровне криминальных процессуальных основ процедуры медиации в криминальном производстве желают воспользоваться таким правовым механизмом в своей практической деятельности.

Внедрение института медиации в криминальном производстве уменьшит нагрузку на судебные органы государственной власти в сторону уменьшения количества нерассмотренных дел и материалов криминального судопроизводства местными и апелляционными судами общей юрисдикции [11, с. 27]. Аналогичной позиции придерживаются 57% следственных респондентов, которые считают, что процедура медиации в криминальном производстве будет способствовать уменьшению нагрузки на судебные и правоохранительные органы в связи с уменьшением количества криминальных конфликтов и в связи с функционированием служб медиации в криминальном производстве.

Выводы. Исследование путей решения криминальных конфликтов при содействии института медиации в криминальном производстве обнаружили нижеизложенные обобщения.

Проведено исследование терминологического понятия сущности «конфликт», что обусловило понимание последнего как столкновения взглядов, интересов, позиций, сопровождаемого конфронтацией, соперничеством, конкуренцией или противоборством участников, сложными коллизиями. Установлено, что сущность криминального конфликта обусловлена стол-

кновением с криминальным законом, детерминирована совершением преступником общественно опасного, преступного деяния.

По итогам проведенного анкетирования (респондентов) следователей и потерпевших пяти территориальных подразделений районных управлений Главного управления МВД Украины г. Киева предложены пути решения криминальных конфликтов, которые нашли свое практическое воплощение в разработанном автором проекте Закона Украины «О медиации в криминальном производстве», который является вспомогательным правовым механизмом наряду с традиционным криминальным производством. С учетом итогов анкетирования респондентов определены основания инициирования процедуры медиации в криминальном производстве и предложены категории преступлений, криминальные производства по которым могут быть отправлены на процедуру медиации в криминальном производстве.

Обосновывается позиция автора о том, что процедура медиации в криминальном производстве будет способствовать решению криминальных конфликтов небольшой тяжести, неосторожных преступлений средней тяжести, преступлений небольшой и средней тяжести против собственности, преступлений небольшой и средней тяжести против свободы, чести и достоинства человека. Автор статьи считает, что консенсусальная модель института медиации в криминальном производстве на стадии «производственного» внедрения существенно повлияет на изменение количественных показателей уровня преступности и количество возбужденных криминальных производств (преступлений небольшой тяжести, неосторожных преступлений средней тяжести, преступлений небольшой и средней тяжести против собственности, преступлений небольшой и средней тяжести против свободы, чести и достоинства человека) во временном и пространственном измерениях. На основании статистических данных и обобщений обосновывается возможность оперативного, качественного и результативного решения криминальных конфликтов при содействии предложенных автором правовых основ и механизмов.

Список использованной литературы:

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і доповн.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. К.; Ірпінь, 2005. 1736 с.
2. Юридична енциклопедія в 6 т. том 3: Юридична енциклопедія / За ред. Ю.С. Шемшученка та ін. К.: «Укр. енцикл.», 2008. 789 с.
3. Сегай М.Я. Судова експертологія – наука про судово-експертну діяльність. Вісн. Акад. прав. наук України. 2001. № 2(33) – № 3 (34). С. 745.
4. Юридическая конфликтология / О.В. Бойков, Н.В. Варламова, А.В. Дмитриев и др.; В.Н. Кудрявцев (отв. ред.). М., 1995. 316 с.
5. Балабанова Л.В. Конфліктологія: Навч. посібник. К.: Видавничий дім «Професіонал», 2009. 280 с.
6. Кримінальний кодекс України від 05 квітня 2001 р. Відомості Верховної Ради України. 2001. № 25-26. Ст. 131.
7. Galaway, B. and J. Hudson Criminal Justice, Restitution, and Reconciliation. Criminal Justice Press, 2000. P. 27–39.
8. Michael E. The Moral Worth of Retribution: character and emotions. London, 1987. P. 49–60.
9. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Survey of Victim-Offender Mediation Programs in the United States (NCJ 176350) / U.S. Department of Justice – New York, 2000. P. 14–27.
10. Fellegi B. 'Explaining Impact of Restorative Justice: the «4-Way Interaction» of Morality, Neutralisation, Shame and Bonds'. Thesis submitted for the degree of M. Phil in Criminology / Fellegi B. – University of Cambridge, Institute of Criminology, 2004. P. 27.
11. Koval R., Zemlyanska V. Restorative Justice in Ukraine, in Miers D. and Willemsens J. (eds.), A comparative review of restorative justice and victim-offender mediation in Europe / Koval R., Zemlyanska V. – Leuven: European Forum For Victim-Offender Mediation and Restorative Justice, 2004. 75 p.
12. Статистична інформація розміщена на офіційному веб-сайті Генеральної прокуратури України станом на 02.10.2015 р. URL: <http://www.gp.gov.ua/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аракелян Роза Фердинандовна – соискатель кафедры криминального права, криминологии, гражданского и хозяйственного права ВУЗ «Национальная академия управления», главный юрист Частного предприятия «Лизинговая компания ВЛ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arakelyan Rosa Ferdinandovna – Applicant at the Department of Criminal Law, Criminology, Civil and Economic Law of National Academy of Management, chief legal officer of the Private Enterprise «Leasing Company VL»

rozyna@ukr.net

УДК 347.9

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ В КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТАХ (КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ)

Александр БИГНЯК,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

Публикация посвящена гражданско-правовым способам решения корпоративных конфликтов. Через правовую природу корпоративных конфликтов и их признаки выяснены характерные способы, которые применяются для защиты корпоративных прав.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, корпоративный спор, корпорации, корпоративные отношения, корпоративные права, корпоративное управление.

ON THE ISSUE OF DEFINING WAYS TO PROTECT RIGHTS IN CORPORATE CONFLICTS (CORPORATE DISPUTES)

Aleksandr BIGNYAK,

Doctor of Law,

Associate Professor of the Department of Intellectual Property Rights and Corporate Law of the National University "Odessa Law Academy"

SUMMARY

A publication is sanctified to the civil-law methods of resolving corporate conflicts. The characteristic methods that are used for the protection of corporate rights are found out through the legal nature of corporate conflicts and their characteristic signs.

Key words: corporate conflict, corporate dispute, corporations, corporate relations, corporate rights, corporate management.

Постановка проблемы. В Украине стабильность экономики зависит от корпоративного сектора, между тем общее состояние корпоративного законодательства свидетельствует о его несовершенстве, поэтому создание конфликтных ситуаций в свою очередь влияет на экономику государства. Рассматривая вопросы корпоративного управления, нельзя оставить без внимания такую правовую категорию, как «корпоративный конфликт», который возникает в процессе корпоративного управления и имеет свои особые характеристики.

В настоящее время в украинском законодательстве отсутствует легальное понятие «корпоративный конфликт», нераскрытым оно остается и в национальной правовой доктрине.

Целью статьи является характеристика корпоративного конфликта

как понятия, имеющего самостоятельный характер, проявляющийся в его особенностях, и определение гражданско-правовых способов защиты корпоративных прав с учетом объекта корпоративного конфликта, унификации законодательства Украины и практики его применения с законодательством Европейского Союза, а также установление гражданско-правовых способов решения корпоративных конфликтов.

Состояние исследования проблемы. Стоит отметить, что значительное внимание корпоративным конфликтам было уделено О.М. Винник, которая вводит понятие корпоративной конфликтологии как одного из современных направлений юридической и правовой конфликтологии [1]. Исследуются проблемы корпоративных конфликтов и другими учеными [2]. Одна-

ко единой точки зрения относительно видения сущности и правовой природы корпоративного спора и корпоративного конфликта так и не достигнуто.

Изложение основного материала.

Анализ определения механизмов и способов предупреждения, эффективного решения корпоративных конфликтов и выяснения вопросов соотношения категорий «корпоративный конфликт» и «корпоративный спор» необходимо начать с позиции защиты корпоративных прав. События последних лет показали, насколько эта тема актуальна для Украины. Ведь, к сожалению, правилом стали «рейдерские» захваты, постоянно разворачиваются конфликты, в которых стороны сражаются за получение корпоративного контроля над организациями. Происходит «захват» заводов, комбинатов и фабрик. Корпоративные конфликты, получившие в средствах массовой информации название «корпоративные войны», влекут приостановление деятельности производств, убытки для организаций, их владельцев и работников, недополучение налоговых платежей в бюджет и, как следствие, подрыв экономической стабильности страны. Кроме того, корпоративные конфликты негативно отражаются на общей инвестиционной привлекательности государства, вызывая недоверие у потенциальных иностранных инвесторов, препятствуют созданию правового государства, снижают авторитет судебных и правоохранительных органов, тем самым негативно сказываются на правосознании всего населения страны.

В сфере корпоративного права конфликт всегда имеет экономический характер, поскольку цель таких конфликтов заключается в присвоении его участниками материальных благ, созданных или связанных с корпорацией [3]. Эти конфликты следует рассматривать как разновидность гражданско-правовых конфликтов, несмотря на подведомственность данной категории корпоративных споров хозяйственным судам. Подведомственность корпоративных споров хозяйственным судам обусловлена экономическим характером спора, основанием возникновения спорного правоотношения (участие в хозяйственном обществе), формой корпорации (хозяйственное общество), связью с деятельностью хозяйствен-

ного общества, а именно организационно-хозяйственными и внутрихозяйственными отношениями. Однако корпоративный спор не является хозяйственным спором, поскольку возникает между участниками корпоративных отношений не по поводу хозяйственной деятельности, а по поводу материальных правоотношений по приобретению, осуществлению и прекращению их корпоративных прав и интересов.

Прежде чем определиться с вопросом способов защиты корпоративных прав, следует выяснить особенности корпоративного конфликта и его соотношение с корпоративным спором. Корпоративный конфликт понимается как в узком, так и в широком смысле, его определяют как столкновение противоположных целей, взглядов, позиций, интересов субъектов взаимодействия; как острое социальное противоречие, характеризующееся наличием противостояния общественных сил и способностью вызывать осложнения для каждой из сторон противостояния [3]. Само слово «конфликт» означает столкновение. В словаре С.И. Ожегова есть такое толкование: столкновение, серьезное разногласие, спор [4, с. 252]. Любой конфликт является столкновением интересов, но при этом интересы должны быть взаимоисключающими [5, с. 7].

О.М. Винник рассматривает корпоративный конфликт как видовое понятие по отношению к конфликту интересов, поскольку корпоративный конфликт возникает только между субъектами корпоративных отношений как носителями корпоративных интересов (как общекорпоративных (общество, его органы, должностные лица), так и индивидуально корпоративных (учредители, участники/акционеры)) и обычно характеризуется более или менее активным поведением участников конфликта либо одного из них [6]. Корпоративный конфликт рассматривается как любой конфликт, возникающий между участниками корпоративных отношений, вызывая для них (одного из участников отношений) негативные последствия или создавая угрозу их наступления, в том числе нарушения их прав и законных интересов (включая корпоративные интересы), или создавая угрозу такого нарушения [7].

Под корпоративными конфликтами в акционерных обществах В.В. Самойленко понимает существенные различия между акционерами акционерного общества, а также между акционерами и самим обществом в лице его органов управления и должностных лиц по вопросам корпоративного управления обществом и его финансово-хозяйственной деятельностью, вызванные разным пониманием акционерами и должностными лицами акционерного общества отдельных положений корпоративного законодательства Украины [8].

Г.В. Алексеев определяет корпоративные конфликты как разногласия (споры) между акционерами (инвесторами) и менеджерами общества в связи с нарушением прав акционеров, которые приводят или могут привести к искам против общества, которое контролирует акционера или руководителей в отношении решений, принимаемых ими, досрочного прекращения полномочий органов управления, существенных изменений в составе акционеров [9, с. 11].

А.А. Данельян предлагает следующее определение: корпоративный конфликт – это спор между участниками корпорации или между участником (участниками) корпорации и корпорацией, объектом которого являются корпоративные правоотношения, а также другие правоотношения, связанные с деятельностью компании, или требования, предъявляемые в интересах корпорации, а также спор между участником (участниками) корпорации или корпорацией, с одной стороны, и другими лицами (исполнительным органом корпорации, держателем реестра владельцев ценных бумаг, депозитарием, внешним инвестором), с другой стороны, если они касаются либо могут коснуться отношений внутри корпорации, обусловленный противоположными целями и интересами сторон конфликта в связи с желанием контролировать и направлять поведение другой стороны или изменять свой статус и юридическое положение [10, с. 3, 9].

Корпоративный конфликт является специфическим состоянием корпоративных отношений, которому присущи свои характеристики:

– наличие не менее двух сторон конфликта, в качестве которых, в частности, могут выступать корпорация,

участник (участники) корпорации, исполнительные органы корпорации, депозитарий;

– правовое противостояние сторон конфликта, обусловленное противоположностью целей и интересов участников корпоративных отношений; ведь субъекты корпоративных отношений имеют общий корпоративный интерес (в лице корпорации) и частный корпоративный интерес (в лице отдельных участников);

– объектом конфликта являются корпоративные отношения, а также отношения, связанные с деятельностью компании, или требования, предъявляемые в интересах корпорации;

– содержанием конфликта является желание контролировать, влиять на поведение других участников, изменять свой статус или юридическое положение;

– предпосылкой конфликта является противоречие, которое заключается в злоупотреблении своим правом, невыполнении обязанностей и так далее;

– конфликт является процессом, который объединяет две составляющие – субъективную и объективную.

Таким образом, корпоративный конфликт – это состояние двусторонней связи участников корпоративных отношений, основанное на правовом противоречии и характеризующееся нарушением либо препятствием для реализации ими своих корпоративных прав и законных интересов.

При этом следует отметить, что корпоративный конфликт и корпоративный спор не могут рассматриваться как синонимичные понятия, учитывая позицию законодателя. Так, в соответствии со ст. 12 Хозяйственного процессуального кодекса Украины к корпоративным спорам относятся споры между хозяйственным обществом и его участником (учредителем, акционером), в том числе участником, который выбыл, а также между участниками (учредителями, акционерами) хозяйственных обществ, связанные с созданием, деятельностью, управлением и прекращением деятельности этого общества, кроме трудовых споров [11]. Такой подход к корпоративному спору является, на наш взгляд, суженным, при этом корпоративный спор поглощается понятием «корпоративный конфликт».

Необходимо согласиться с мнением В.А. Лаптева, что понятие корпоратив-

ного спора и корпоративного конфликта можно отождествить в большинстве случаев, однако следует представить это соотношение как родовое понятие (корпоративный конфликт) и видовое понятие (корпоративный спор) [12, с. 4].

Разрешение корпоративных конфликтов, которое по своей сути не тождественно решению корпоративного спора, может происходить в определенных юрисдикционных и неюрисдикционных формах посредством применения соответствующих приемов и способов. Относительно понятия способов защиты прав в целом отсутствуют дискуссии. Так, под способами защиты понимают закрепленные в законе материально-правовые меры принудительного характера, с помощью которых происходит восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на нарушителя [13]. Между тем возникает вопрос о том, какие же способы решения корпоративных конфликтов можно применять. Представляется, что для юрисдикционной (в нашем случае судебной) формы решения корпоративного конфликта вполне пригодны способы защиты, изложенные в ст. 16 Гражданского кодекса Украины и ст. 20 Хозяйственного кодекса Украины, но не все. Использование общих способов защиты корпоративных прав требует индивидуального подхода. Так, например, не всегда при защите неимущественных прав участников корпоративных отношений можно применить такой способ защиты, как исполнение обязанности в натуре; не может лицо в такой способ защиты, как признание права, защитить нарушенное право на преимущественное приобретение акций и так далее.

Кроме того, учитывая тот факт, что ст. 16 Гражданского кодекса Украины и ст. 20 Хозяйственного кодекса Украины имеют неисчерпывающий характер, допустимо применение других способов защиты, если для их применения есть прямое указание закона. Среди других способов следует назвать ст. 50 Закона Украины «Об акционерных обществах», согласно которой акционер вправе обжаловать в суде решение общего собрания акционеров, которым нарушены его права и охраняемые законом интересы.

Следовательно, положения ст. 16 Гражданского кодекса Украины и ст. 20 Хозяйственного кодекса Украины имеют общее значение и находят свою конкретизацию в нормах общей части гражданского законодательства, в нормах институтов гражданского права (права собственности, институте сделок, обязательственного права).

В случае возникновения корпоративного конфликта один из его участников может применить тот способ защиты корпоративных прав, который имеет правовосстанавливающий характер и который не запрещен законодательством. Таким образом, следует отметить, что для устранения последствий противоправного поведения необходимо осуществить определенные действия, признать наличие либо отсутствие правоотношений, изменить или прекратить правоотношения. Сторона корпоративного конфликта может выбрать несколько способов защиты одновременно, главное, чтобы выбранный способ рассматривался как мера, характеризующаяся восстановлением правового положения в материальных правоотношениях до уровня их равенства, баланса прав и обязанностей.

Условно перечень способов защиты корпоративных прав следует разделить на такие четыре группы:

1) способы, применение которых возможно только судом (признание права, признание сделки недействительной, расторжении сделки, внесение изменений в систему реестра владельцев именных ценных бумаг, признание недействительным решения общего собрания, наблюдательного совета и тому подобное);

2) способы, которые применимы не только судом, но и государственными органами, наделенными полномочиями по защите корпоративных прав в административном порядке (получение информации о деятельности общества, устранение нарушений по требованиям законодательства о ценных бумагах с помощью Национальной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку);

3) способы, применяемые стороной правоотношения для защиты своих прав как с помощью суда, так и самостоятельно (исключение лиц из состава общества, возмещение убытков, взыскание неустойки и так далее);

4) способы, используемые стороной самостоятельно без участия суда путем разрешенного физического воздействия на правонарушителя, то есть самозащита (прекращение правоотношения путем одностороннего отказа от исполнения в случаях, предусмотренных законом или договором, приостановление исполнения обязательства и тому подобное).

В литературе существует классификация способов защиты прав в зависимости от их целевой направленности на превентивно-пресекающие (направленные на предупреждение и пресечение правонарушения, оспаривание, непризнание права), восстановительные (направленные на восстановление нарушенного права), компенсационные (направленные на дополнительную компенсацию вреда, причиненного нарушением права) [14, с. 197].

К превентивно-пресекающим способам защиты корпоративных прав обычно относят признание права, когда такое право еще не нарушено, а лишь оспаривается, или когда право уже нарушено. При этом применение такого способа возможно, когда спор касается того, имеет ли акционер преимущественное право на приобретение акций. В корпоративных конфликтах к превентивно-пресекающим способам (комбинированным) следует отнести такой способ, как замена правоотношений путем перевода на акционера-истца прав и обязанностей покупателя. Значительная часть превентивно-пресекающих способов защиты, которые характерны для гражданских прав, является нецелесообразной для защиты корпоративных прав, поскольку согласно Рекомендациям Президиума Высшего хозяйственного суда Украины «О практике применения законодательства о рассмотрении дел, возникающих из корпоративных отношений» от 28 декабря 2007 г. № 04-5/14 споры о признании права собственности на акции, заключении, расторжении, изменении, исполнении, а также признании недействительными договоров купли-продажи акций и споры относительно других сделок с акциями, кроме споров, связанных с нарушением преимущественного права на приобретение акций, не являются такими, которые возникли из корпоративных отношений.

К превентивно-останавливающим способам защиты корпоративных прав

следует отнести прекращение действия (бездействия), нарушающего право или создающего угрозу его нарушения, либо запрет действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Так, в случае, если общество не предпринимает действия в связи с подачей участником заявления о выходе из общества (не решается вопрос о внесении изменений в учредительные документы общества, об их государственной регистрации), член общества вправе обратиться в хозяйственный суд с иском о принуждении общества к государственной регистрации изменений в учредительных документах общества в связи с изменением в составе участников общества на основании ст. 7 Закона Украины «О хозяйственных обществах» [15, с. 7]. Примером превентивно-останавливающего способа защиты является побуждение к выполнению обществом действий – предоставление соответствующей информации, ведь согласно ст. 10 Закона Украины «О хозяйственных обществах» и ст. 116 Гражданского кодекса Украины участник имеет право на получение информации о деятельности общества.

Восстановительные способы защиты корпоративных прав заключаются в восстановлении положения, существовавшего до нарушения права (нарушение произошло вследствие решений, действий или бездействия корпорации и ее органов). К восстановительным способам следует отнести признание сделки недействительной. Однако следует отметить, что не все споры о признании сделки недействительной будут корпоративными. В корпоративных спорах данный способ защиты подлежит применению только в случае, если истец обосновывает исковые требования нарушением его корпоративных прав или интересов. Итак, признание сделки недействительной будет ограничено необходимым условием – наличием нарушения корпоративного права.

Признание недействительным решения общего собрания, наблюдательного совета и исполнительного органа общества (правления, дирекции и так далее) как средство защиты корпоративного права применяют тогда, когда нарушение произошло со стороны определенного органа, к компетенции

которого относился спорный вопрос, и является противоправным с точки зрения несоответствия его корпоративному законодательству, а также произошло с нарушением порядка созыва и проведения, нарушены права и интересы лица или круга лиц (участников корпоративных отношений).

Признание недействительными учредительных документов хозяйственных обществ и прекращение юридического лица в связи с нарушением требований действующего законодательства о порядке принятия и учреждения также относится к восстановительным способам защиты корпоративных прав.

Компенсационные способы защиты корпоративных прав включают возмещение имущественного и неимущественного вреда и имеют место при нарушении корпоративных прав. Так, это возможно при злоупотреблении корпоративными правами, при корпоративном шантаже и так далее.

Особенность корпоративных конфликтов и способов защиты зависит от объектов – корпоративных отношений, которые возникают, изменяются и прекращаются в отношении корпоративных прав. В соответствии со ст. 2 Закона Украины «Об акционерных обществах» и ст. 167 Гражданского кодекса Украины корпоративные права – это совокупность имущественных и неимущественных прав лица, вытекающих из права собственности на акции (доли), включающие право на участие в управлении акционерным обществом, получение дивидендов и активов акционерного общества в случае его ликвидации в соответствии с законом, а также другие права и правомочия, предусмотренные законом либо учредительными документами. Итак, учитывая специфику объекта и его содержания, сторонам следует использовать, на наш взгляд, такой способ защиты корпоративных прав и интересов, который исключает вмешательство в процесс разрешения конфликта суда и ограничивает вмешательство третьих лиц.

Данная позиция объясняется тем, что при вынесении судом решения удовлетворяются интересы одной стороны. Дальнейшее поведение другой стороны в форме обжалования решения или невыполнения исполнительного документа, основанного на судебном акте, объективно отражает ситуацию:

участники корпоративных правоотношений продолжают находиться в состоянии правового конфликта. В связи с этим особенное значение приобретают альтернативные формы решения корпоративных конфликтов, применение которых, по нашему мнению, позволит реально обеспечить защиту корпоративных прав и интересов. При этом следует констатировать, что речь идет не о замене юрисдикционного способа решения конфликтов, а об альтернативе, например медиации.

Выводы. Проведенное исследование дало основание для следующих выводов:

1) правовая природа корпоративного конфликта имеет гражданско-правовой характер, а корпоративный спор не является хозяйственным;

2) правовая природа корпоративных правоотношений предопределяет ведущую роль гражданско-правовых способов в защите корпоративных прав и интересов;

3) специфика корпоративных отношений заключается в том, что их субъекты имеют общий корпоративный интерес (в лице корпорации) и частный корпоративный интерес (в лице отдельного участника). Это определяет частноправовую и публично-правовую природу применяемых гражданско-правовых способов защиты корпоративных прав и интересов;

4) специфика способов защиты требует дальнейших исследований, поскольку будет способствовать повышению эффективности защиты корпоративных прав.

Список использованной литературы:

1. Вінник О.М. Ключові питання корпоративної конфліктології. Підприємництво господарство і право. 2000. № 12. С. 3–6.

2. Жорнокуй Ю.М. Цивільно-правова природа корпоративних конфліктів в акціонерних товариствах: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 «Цивільне право і цивільний процес; сімейне право; міжнародне приватне право». Х., 2016. 476 с. URL: http://nauka.nlu.edu.ua/download/diss/Zornokui/d_Zornokui.pdf.

3. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. 551 с.; Бандурка

А.М., Друзь В.А. Конфликтология. Х., 1997. 179 с.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. 797 с.

5. Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Изд-во ИГиПРАН, 1995. 316 с.

6. Вінник О.М. Корпоративні конфлікти та зловживання корпоративними правами в акціонерних товариствах: традиційні та інноваційні способи попередження й розв'язання. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Apir/2012_2/Vynnyk%202.pdf.

7. Вінник О.М. Корпоративні конфлікти: поняття види, правові механізми попередження і розв'язання. Українське комерційне право. 2006. № 7. С. 70–71.

8. Самойленко В.В. Типологія корпоративних конфліктів. Юридична газета. 2003. № 11(11). URL: <http://www.yur-gazeta.com/oarticle/366/>.

9. Алексеев Г.В., Бобрышев А.Д., Боханова Е.Н. Корпоративные конфликты: причины их возникновения и способы преодоления. М.: Едиториал, 2002. 298 с.

10. Данельян А.А. Корпорация и корпоративные конфликты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 20 с.

11. Господарський процесуальний кодекс України: Закон України від 6 листопада 1991 р.: офіційне видання. Х.: Одиссей, 2013. 88 с.

12. Лаптев В.А. Корпоративные споры: понятие, виды и способы предотвращения. Предпринимательское право. 2007. № 4. С. 2–4.

13. Гражданское право / под ред. Ю.К. Толстого и А.П. Сергеева. СПб.: Теис, 1996. 550 с.; Цивільне право України: підручник: у 2 т. / В.І. Борисова, Л.М. Баранова, І.В. Жилінкова та ін.; за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасиво-Фатєєвої. К.: Юрінком Інтер, 2004. Т. 1. 552 с.

14. Стефанчук Р.О. Особисті немайнові права фізичних осіб (поняття, зміст, система, особливості здійснення та захисту): монографія / відп. ред. Я.М. Шевченко. К.: КНТ, 2008. 626 с.

15. Про практику розгляду судами корпоративних спорів: Постанова Пленуму Верховного Суду України від 24 жовтня 2008 р. № 13 / Верховний Суд України. Вісник господарського судочинства. 2009. № 2. С. 7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бигняк Александр Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bignyak Aleksandr Valentinovich – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Intellectual Property Rights and Corporate Law of the National University “Odessa Law Academy”

УДК [343.71:343.221] (477)

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ РАЗБОЕВ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

Евгений БУЗОВЕРЯ,
соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ научных подходов относительно понятия и форм противодействия расследованию. Рассматриваются формы противодействия выявлению и расследованию преступлений. Раскрываются приемы нейтрализации противодействия выявлению и расследованию разбоев. Акцентируется внимание, что реализация мер нейтрализации противодействия выявлению и расследованию разбоев, совершаемых организованными преступными группами, имеет ситуационно-эвристический характер, особенно в условиях нетипичных оперативно-розыскных и следственных ситуаций. Обосновывается, что наиболее эффективным является комбинирование всех доступных следователю и оперативному работнику мер, в соответствии с интенсивностью и характером противодействия, наличием сил и средств, имеющихся в их распоряжении.

Ключевые слова: противодействие расследованию, сокрытие преступления, уклонение от ответственности, расследование преступлений, разбои, организованные преступные группы, нейтрализация противодействия.

CONCEPT AND FORMS OF COUNTERACTION TO THE DETECTION AND INVESTIGATION OF ROBBERIES COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Evgeniy BUZOVERYA,

Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article has conducted analysis of scientific approaches in regard to the concept and forms of counteracting the investigation. Forms of counteraction to the detection and investigation of crimes have been considered. The methods of neutralizing the counteraction to the detection and investigation of robberies have been revealed. Special attention has been focused on the fact that the implementation of measures to neutralize the counteraction to the detection and investigation of robberies committed by organized criminal groups has situational and heuristic nature, especially in conditions of atypical operative and search, investigative situations. It has been substantiated that the most effective is the combination of all measures available to an investigator and an operative officer in accordance with the intensity and nature of the counteraction, the availability of the forces and means at their disposal.

Key words: counteraction to investigation, reticence of a crime, evasion of liability, investigation of crimes, robberies, organized criminal groups, neutralization of counteraction.

Постановка проблемы. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция количественного роста разбоев, изменения мотивации их совершения и форм организованности. Вместе с тем количество выявленных и раскрытых преступлений сокращается. Такое положение дел позволяет говорить о неудовлетворительном качестве их раскрытия, несмотря на то, что действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины, а также внесенные изменения в законодательство и ведомственные нормативно-правовые акты предусматривают новые подходы к использованию оперативно-розыскного обеспечения нейтрализации противодействия выявлению и расследованию преступлений.

Актуальность темы исследования. Проблема противодействия выявлению и расследованию престу-

плений приобрела особую остроту в связи с социально-политическими изменениями в обществе и, в частности, с признанием существования организованной и международной преступности, коррупции, с которыми без применения приемов и методов оперативно-розыскной деятельности бороться невозможно [1, с. 14]. Оперативные и следственные подразделения Национальной полиции все чаще сталкиваются с заранее спланированным противодействием со стороны организованных преступных групп при выявлении и расследовании преступлений, и в частности разбоев. Очевидно, что это является следствием расширения масштабов организованной преступности. Длительная продолжительность существования организованных преступных группировок связана с модер-

низацией форм и способов противодействия правоохранительным органам, преступным воздействием на доказательственную базу и участником уголовного судопроизводства. Защитный механизм от разоблачения преступных групп постоянно совершенствуется и охватывает значительное количество субъектов [2, с. 8]. И хотя проблему противодействия выявлению и расследованию преступлений нельзя назвать новой, однако в настоящее время она приобрела качественно новое социальное значение в связи с осложнением криминогенной ситуации в Украине. Данное обстоятельство указывает на необходимость более глубокого исследования понятия и форм противодействия расследованию преступлений.

Проблемные вопросы нейтрализации противодействия расследова-

нию преступлений рассматривались в работах А.М. Бандурки, А.Ф. Волобуева, А.Ф. Долженкова, А.В. Дулова, С.Ю. Журавлева, В.Н. Карагодина, В.П. Корж, В.П. Лаврова, В.А. Некрасова, В.М. Цымбалюка и других отечественных и зарубежных ученых, теоретическая и практическая значимость которых несомненна. В настоящее время сформировался достаточно широкий спектр неоднозначных, различных по объему и содержанию определений противодействия расследованию преступлений, что свидетельствует о продолжении процесса его теоретического осмысления. Однако значительное количество этих исследований основывались на иной правовой базе и социально-политических оценках. С изменениями криминогенной обстановки в государстве и реформированием уголовного процессуального законодательства требуется новый методологический подход в исследовании этой проблемы, который бы позволил усовершенствовать тактические основы нейтрализации такого противодействия оперативными и следственными подразделениями Национальной полиции Украины.

Цель статьи заключается в проведении анализа научных взглядов как ученых, так и практиков относительно понятия и форм противодействия расследованию разбоев, совершаемых организованными преступными группами на стадии досудебного следствия, а также путей его нейтрализации подразделениями Национальной полиции во время выявления и расследования преступлений в современных условиях.

Изложение основного материала исследования. Среди ученых существуют разные взгляды относительно определения противодействия расследованию преступлений. Одно из первых определений противодействия расследованию было предложено А.В. Дуловым в работе, посвященной использованию психологического анализа на предварительном следствии. Рассматривая противодействие на примере отдельного следственного действия, он определил его как сознательно активные действия, направленные на его срыв и изменение его целей. Обосновывая это определение, А.В. Дулов говорит о том, что противодействие может выражаться в физических дей-

ствиях, в умышленном искажении выполняемой функции (в передаче ложной информации), в сознательном создании остроконфликтной ситуации или препятствий в осуществлении функций другими лицами (умышленное отвлечение внимания и др.). Также может иметь место и скрытое противодействие, которое внешне не создает препятствий либо острого конфликта и т. д. Это противодействие заключается в том, что определенные участники принимают решение изменить ожидаемые от них действия и осуществить другие, которые препятствуют расследованию и достижению целей конкретного следственного действия» [3, с. 95].

Относительно целей противодействия следует сказать, что наиболее содержательное и полное их определение, по сравнению с А.В. Дуловым, дал В.Н. Карагодин, который отметил, что «противодействие расследованию – это умышленные действия (бездействия), направленные на препятствование установлению объективной истины в уголовном производстве и выполнению задач досудебного следствия» [4, с. 5].

С.Ю. Журавлев также рассматривает противодействие расследованию как систему действий (или бездеятельности), направленную на достижение цели сокрытия преступления путем недопущения его следов в сферу уголовного судопроизводства и их последующего использования в качестве доказательств [5, с. 7–16]. С данным определением сложно согласиться, поскольку автор оперирует категориями, характеризующими понятие сокрытия преступлений, для которого характерно противоправное влияние не столько на следы, даже в самом широком смысле этого слова, сколько на организационно-правовые отношения, которые складываются в процессе выявления и расследования преступлений. Непосредственными объектами такого воздействия являются участники уголовного процесса, среди которых потерпевшие, свидетели, а также оперативные работники, следователи, прокуроры, судьи.

А.Ф. Вольнский и В.П. Лавров характеризуют противодействие раскрытию и расследованию преступлений как «совокупность противоправных и иных действий, направленных на

воспрепятствование установлению истины правоохранными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [6].

В.М. Цымбалюк противодействие разделяет на «внутреннее» и «внешнее». Под «внутренним» подразумевается противодействие деятельности специальных подразделений со стороны лиц, причастных к совершению преступлений и владеющих информацией об особенностях совершения преступлений, пытающихся скрыть, изменить или уничтожить эту информацию, а также ее носителей. «Внешнее» – это противодействие деятельности специальных служб со стороны лиц, которые хотя и не имеют непосредственного отношения к уголовному производству, но в силу служебного или социального положения осуществляют противодействие правоохранным органам в интересах преступного формирования [7, с. 10].

Заслуживающими внимания считаем результаты монографического исследования А.Ф. Волобуева. По мнению автора, «противодействие расследованию преступления заключается в принятии заинтересованными лицами мер, направленных на создание препятствий в выявление, изъятие и использование доказательств с целью уклонения от ответственности преступников, которые осуществляются ими уже после обнаружения преступления и начала его расследования» [8, с. 42]. В то же время уклонение от ответственности может осуществляться не только путем сокрытия преступления, но и другими способами, не связанными с его маскировкой. Например, путем дискредитации следствия в средствах массовой информации, применения подкупа, угроз в отношении представителей правоохранных органов и т. д.

Проведенный выше анализ точек зрения различных авторов показывает, что в литературе противодействие расследованию преступлений рассматривается как действие или как деятельность преступников и других заинтересованных лиц, направленная на воспрепятствование изучению обстоятельств совершения преступления и установлению по нему фактических данных. Исходя из изложенного выше,

считаем, что в понятийном смысле наиболее точным будет определение противодействия расследованию как умышленного совершения поступков, а также как поведения и действий, направленных на воспрепятствование осуществлению общественного контроля за ней, эффективному выполнению задач правоохранительной функции государства с целью уклонения от ответственности виновных лиц или смягчения ответственности за содеянное. Считаем, что предложенное определение противодействия отражает его социальную сущность.

Необходимо также сказать о том, что существуют разные взгляды на определение форм противодействия расследованию преступлений. Попытки систематизировать и классифицировать формы противодействия расследованию преступлений делались и в теории оперативно-розыскной деятельности, и в криминалистике, и в уголовном процессе. В теории криминалистики одну из важнейших попыток классификации форм противодействия расследованию в качестве самостоятельного социального явления осуществил В.Н. Карагодин [9, с. 21]. Используя предложенную Р.С. Белкиным систему криминалистических классификаций, он разделил акты противодействия по их направленности на препятствия решению задач досудебного расследования. По этим основаниям им, прежде всего, были выделены акты, препятствующие раскрытию преступления, а именно: выявлению события преступления; отдельным эпизодов преступной деятельности; установлению участия субъектов в преступлении и их роли. Действия по сокрытию преступлений им были классифицированы в зависимости от того, являются они самостоятельными или они представляют собой элемент способа совершения преступления.

Таким образом, под формой противодействия следует понимать вид активного поведения противодействующего субъекта, где в определенных признаках, проявляющихся внешне, отражаются его психофизиологические реакции на сложившуюся ситуацию, при совершении преступления или в ходе его расследования.

Существует мнение определенной группы ученых, что для следственной

практики наибольшее значение имеют классификации форм противодействия расследованию отдельных видов преступлений. Так, В.П. Корж при расследовании преступлений, совершаемых организованными группами, предлагает выделять противодействие расследованию конкретного уголовного производства и противодействие деятельности правоохранительных органов в целом [10, с. 43]. Противодействие расследованию конкретного уголовного производства, по мнению В.П. Корж, может выражаться в форме применения способов сокрытия преступлений: инсценировка, уничтожение, маскировка, фальсификация, а также в применении способов уклонения от привлечения к уголовной ответственности: воздействие на следователя, оперативных работников (подкуп, шантаж), воздействие на доказательственную базу (подкуп свидетелей, применения к ним психического и физического воздействия). В свою очередь, противодействие деятельности правоохранительных органов в целом заключается в использовании коррупционных связей в органах государственной власти с целью обеспечения беспрепятственного функционирования организованного преступного объединения, дальнейшего развития его криминальной деятельности и легализации доходов, полученных преступным путем.

Следует отметить, что, на стадии подготовки преступления (информационно-поисковая, разведывательная фаза, фаза создания условий для реализации и собственно реализация преступного замысла) преступники применяют следующие меры противодействия: проведение разведывательных мероприятий с целью выявления и изучения объектов посягательства; установление коррумпированных связей с органами власти и управления, в том числе правоохранительных органов, с целью последующего получения консультаций, советов, информации, оказания конкретной помощи в совершении преступления и сокрытия его следов; обеспечение алиби, разработка линии поведения в различных ситуациях, применение средств маскировки и способов конспиративной связи между членами преступной группы и т. д.

Необходимо отметить, что преступ-

ники, пытаясь действовать конспиративно, обеспечивают высокий уровень собственной защиты и одновременно постоянную готовность к активному противодействию правоохранительным органам в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. С этой целью создаются охранные и частные детективные структуры, на которые возлагаются функции не только обеспечения собственной безопасности, разведки, но и проведения контрразведки. Изучение оперативно-розыскных дел по фактам совершения преступлений, анализ качественной характеристики служб безопасности коммерческих и других предприятий показал, что в легальных и нелегальных службах безопасности работают профессиональные оперативные сотрудники, разведчики из числа пенсионеров, а также уволенных квалифицированных специалистов МВД, СБУ. Данная категория лиц обладает определенными знаниями, навыками и умениями ведения разведывательной и контрразведывательной деятельности. В связи с этим одной из наиболее опасных форм противодействия на стадии подготовки и совершения преступления является преступная контрразведка, направленная на выявление сил и средств оперативно-розыскной деятельности, запланированных и проведенных оперативно-розыскных мероприятий, оперативных комбинаций, создание различных препятствий при их осуществлении и т. д. Для этих целей преступники применяют различные приемы и способы, в том числе сознательно идут на конфиденциальное сотрудничество с Национальной полицией с целью получения большей информации, а также используют различные методы дезинформации, тщательную проверку членов организованной преступной группы и их окружения [11, с. 93].

Среди общих тактических приемов нейтрализации противодействия, на наш взгляд, целесообразным является: дискредитация членов преступной группы; своевременная регистрация материалов уголовного производства; использование фактора внезапности при задержании преступников «по горячим следам», а также сокрытия степени осведомленности о преступной деятельности и последующего плана расследования.

Считаем, что к числу специфических приемов нейтрализации противодействия расследованию можно отнести: демонстрацию неблагоприятной перспективы для лица, которое противодействует расследованию; создание недоверия между участниками преступной группы; выявления источников утечки служебной информации; осуществление контроля за материалами уголовного производства со стороны оперативного или следственного подразделений высшего уровня.

Противодействие криминальной среды на стадии досудебного следствия выражается в создании различных препятствий установлению объективной истины по делу, процессу доказывания виновности причастных к преступлению лиц. Наиболее часто на этой стадии преступники применяют следующие приемы противодействия уголовному судопроизводству:

1) используют заранее созданные коррумпированные связи в органах власти, средствах массовой информации, правоохранительных органах с целью прекращения уголовного производства, оправдания подозреваемых (обвиняемых), а также дискредитации лиц, осуществляющих расследование;

2) манипулируют показаниями свидетелей и потерпевших, обеспечивают их отказ от дачи показаний, неявку на допрос или их физическое устранение;

3) принимают меры для «волоките» в уголовном производстве, приостановления расследования по всевозможным предложениям;

4) используют защитников не с целью законной защиты задержанных подозреваемых, а для создания различных препятствий расследованию;

5) прибегают к попыткам подкупа оперативных работников, следователей, работников прокуратуры и суда;

6) угрожают убийством следователю, который проводит расследование, его близким, а иногда и реализуют такие угрозы;

7) осуществляют целенаправленную дискредитацию оперативных работников и следователей, в том числе с помощью клеветнических жалоб и заявлений.

В данном случае из числа специальных мер нейтрализации таких форм противодействия необходимо выделить следующие:

1) умелое использование оперативной информации о замыслах по противодействию следствию, о предполагае-

мых шагах ее членов и лидеров в этом направлении;

2) активное и продуманное использование при контактах с задержанными эффекта внезапности и разработанных для этой ситуации оперативно-розыскных и криминалистических приемов;

3) проведение, в случае необходимости, оперативно-тактических операций по защите свидетелей и потерпевших от оказываемого на них давления, а также обеспечение их безопасности;

4) зашифровка сведений о свидетелях и потерпевших в процессуальных документах;

5) использование специальных технических средств, исключающих непосредственный контакт свидетелей с подозреваемыми и обвиняемыми, при проведении отдельных следственных действий (допрос, предъявление для опознания и др.), которые могут проводиться в режиме видеоконференции;

6) устранение от расследования следователей и работников оперативных подразделений, подозреваемых в неформальных связях с членами преступных групп, с последующей передачей материалов уголовного производства следователям другого территориально-следственного подразделения и т. д.

Вывод. Проведенный анализ научных исследований показал, что реализация мер нейтрализации противодействия выявлению и расследованию разбоев, совершаемых организованными преступными группами, имеет ситуационно-эвристический характер, особенно в условиях нетипичных оперативно-розыскных и следственных ситуаций, требующих осуществления неординарных приемов и средств. При этом достаточно перспективным является комбинирование всех доступных следователю и оперативному работнику мер в соответствии с интенсивностью и характером противодействия, наличия сил и средств, имеющихся в их распоряжении.

Список использованной литературы:

1. Бандурка О.М. Теорія і практика оперативно-розшукової діяльності: монографія. Харків: Золота миля. 2012. 620 с.

2. Долженков О.Ф. Основы розвідки в середовищі та інфраструктурі злочинності: монографія. Одеса: РВВ ОЮІ НУВС. 2003. С. 8–12.

3. Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М.: Юридическая литература, 1973. С. 95.

4. Карагодин В.Н. Проблемы подготовки к расследованию в условиях противодействия. Актуальные проблемы следственной деятельности. Свердловск, 1990. С. 5.

5. Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. С. 7–16.

6. Вольнский А.Ф., Лавров В.П. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики). Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: Материалы научно-практической конференции (29–30 октября 1996 г., г. Руза). М.: ЮИ МВД России, 1997.

7. Цимбалюк В.М. Діяльність спеціалізованих підрозділів по боротьбі з організованою злочинністю по подоланню протидії з боку злочинних формувань: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 21.00.06 «Оперативно-розшукова діяльність». К., 1999. 16 с.

8. Волобуев А.Ф. Проблеми методики розслідування розкрадань майна у сфері підприємництва. Харків: Вид-во Ун-ту внутр. справ, 2000. 336 с.

9. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск из-во Урал. ун-та, 1992. С. 21.

10. Корж В.П. Методика расследования экономических преступлений, совершаемых организованными группами, преступными организациями. Руководство для следователей: Научно-практическое пособие. Х., 2002. С. 253.

11. Некрасов В.А. Тактичні основи негласного проникнення у злочинне середовище. Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. № 4. 2000. С. 93–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бузоверя Евгений Юрьевич – соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buzoverya Evgeniy Yuryevich – Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru

УДК 342.9

ОХРАНА АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВ ЛИЦА НА БЕЗОПАСНУЮ ДЛЯ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ОКРУЖАЮЩУЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ярослав БУРЯК,

кандидат юридических наук, ассистент
кафедры гражданского права и процесса
Учебно-научного Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется охрана атмосферного воздуха как составляющая прав человека на безопасную для жизни и здоровья природную среду органами публичного управления на примере местных органов государственной исполнительной власти во Львовской области. Акцентируется внимание, что важным правовым мероприятием в сфере экологической безопасности является разработка государственных и местных программ предотвращения и преодоления экологически опасных последствий, вызванных природными явлениями или созданных действиями человека. Раскрываются меры охраны атмосферного воздуха, осуществляемые Львовской областной государственной администрацией как местным органом государственной исполнительной власти в пределах административно-территориальной единицы – области.

Ключевые слова: атмосферный воздух, мероприятия, программа сокращения выбросов, уровень загрязнения, природоохранные мероприятия.

ATMOSPHERIC AIR PROTECTION AS A COMPOSITION OF THE RIGHTS OF A PERSON FOR SAFETY FOR LIFE AND HEALTH OF ENVIRONMENT BY PUBLIC ADMINISTRATION BODIES BY THE APPL OF LOCAL AUTHORITIES OF THE STATE EXECUTIVE AUTHORITY IN LVIV REGION

Yaroslav BURYAK,

Candidate of Law Sciences,
Assistant at the Department of Civil Law and Process,
Educational and Scientific Institute of Law and Psychology,
National University «Lviv Polytechnic»

SUMMARY

The article examines the protection of atmospheric air as a component of the person's rights to a safe environment for life and health by public administration bodies, as an example of local executive authorities in the Lviv region. It is emphasized that an important legal measure in the field of environmental safety is the development of state and local programs for the prevention and overcoming of environmentally hazardous consequences caused by natural phenomena or created by human actions. The measures of the protection of atmospheric air are carried out by the Lviv regional state administration as a local body of state executive power within the administrative-territorial unit of the oblast.

Key words: atmospheric air, measures, emission reduction program, pollution level, nature protection measures.

Постановка проблемы. Атмосферный воздух является одним из основных жизненно важных элементов окружающей природной среды. Фактически это жизненно важный компонент окружающей природной среды, представляющий собой естественную смесь газов, находится за пределами жилых, производственных и других помещений. Охрана атмосферного

воздуха важна для нормальной жизнедеятельности человека в окружающей природной среде и должна включать в себя систему мероприятий, связанных с сохранением, улучшением и восстановлением состояния атмосферного воздуха, предотвращением и снижением уровня его загрязнения и влияния на него химических соединений, физических и биологических факторов.

Актуальность темы исследования. Подтверждается нераскрытость этой темы и необходимостью освещения охраны атмосферного воздуха органами публичного управления в лице местных органов государственной исполнительной власти во Львовской области.

Состояние исследования. Проблемы охраны атмосферного воздуха достаточно мало исследуется от-

ественными учеными. В частности, право человека на безопасную окружающую среду для жизни и здоровья исследовали С.Б. Булеца, В.В. Королева, Т.В. Грушкевич, В.В. Иванюшенко, правовой охране атмосферного воздуха при осуществлении градостроительной деятельности исследовал И.В. Игнатенко [1–6]. В то же время вопросы охраны атмосферного воздуха органами публичного управления практически не исследуются.

Целью и задачами статьи является научное исследование атмосферного воздуха органами публичного управления на примере местных органов государственной исполнительной власти во Львовской области.

Изложение основного материала.

В соответствии со статьей 16 Конституции Украины обеспечение экологической безопасности и поддержание экологического равновесия на территории Украины, преодоление последствий Чернобыльской катастрофы – катастрофы планетарного масштаба, сохранение генофонда Украинского народа является обязанностью государства [7].

Статьей 1 Закона Украины «О местных государственных администрациях» предусмотрено, что местная государственная администрация в пределах своих полномочий осуществляет исполнительную власть на территории соответствующей административно-территориальной единицы, а также реализует полномочия, делегированные ей соответствующим советом. В соответствии со статьей 21 настоящего Закона местная государственная администрация разрабатывает, подает на утверждение соответствующего совета и обеспечивает выполнение региональных экологических программ; принимает меры к возмещению вреда, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей среды предприятиями, учреждениями, организациями и гражданами [8].

Важным правовым мероприятием в сфере экологической безопасности является разработка государственных и местных программ предотвращения и преодоления экологически опасных последствий, вызванных природными явлениями или созданных действиями человека [9].

С целью уменьшения выбросов в атмосферный воздух была разработа-

на «Программа сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками крупнейшей предпринимательской территории Львовской области на 2009–2017 гг.», утвержденная Распоряжением председателя Львовской областной государственной администрации от 26.11.2009 г. № 1269 / 0 / 5-09. Программой запланировано выполнение 85 мероприятий по уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Всего в период 2009–2015 гг. 10 предприятиями выполнено 90 природоохранных мероприятий, что обусловило уменьшение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на 16 тыс. 602 тонн и привлечение средств предприятий на сумму 267 млн. 725 тыс. грн. [10].

Объемы выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников загрязнения в атмосферный воздух Львовской области 2015 год составили 102 тыс. 397 тонн.

Уровень загрязнения в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников в расчете на один квадратный километр территории области составляет в среднем 9,3 тонны загрязняющих веществ.

В расчете на одного жителя Львовской области выброшено в атмосферу в среднем 81,2 кг загрязняющих веществ.

Из общего количества выбросов загрязняющих веществ стационарных источников выбросы метана составили 48,3 тыс. тонн, веществ в виде взвешенных твердых частиц – 6,4 тыс. тонн, диоксидов азота - 6,0 тыс. тонн, оксида углерода - 5,8 тыс. тонн, диоксида и других соединений серы – 31,8 тыс. тонн [9].

В течение 2015 лаборатория КП «Административно-техническое управление» Департамента градостроения Львовского городского совета проводила замеры по качеству атмосферного воздуха на территории г. Львова по таким показателям, как углерода оксид, азота оксид, азота диоксид, ангидрид сернистый. Проведено 100 контрольных замеров на 25 перекрестках г. Львов. Наблюдалось загрязнение по оксиду углерода и диоксида азота.

В 2015 году лабораторией наблюдение за загрязнением атмосферного воз-

духа Львовского регионального центра по гидрометеорологии было выполнено 19740 анализы определения вредных веществ в атмосферном воздухе г. Львов.

В настоящее время основными источниками загрязнения атмосферного воздуха г. Львова являются: автотранспорт, ТЭЦ-1, ТЭЦ-2, Государственное коммунальное предприятие «Львовтеплокоммунэнерго», ГТОО «Львовская железная дорога» [9].

Работа Львовской областной системы мониторинга природной среды началась по распоряжению председателя Львовской областной государственной администрации № 1318 от 23.12.2005 «Об организации системы мониторинга окружающей среды».

После проведения административной реформы в течение 2012–2013 годов в субъектах областной системы мониторинга окружающей среды произошли структурные изменения. В связи с этим потеряли актуальность Соглашения о сотрудничестве в сфере мониторинга окружающей среды и регламенты обмена экологической информацией в этих соглашениях, распоряжение председателя Львовской облгосадминистрации «Об организации системы мониторинга окружающей среды», которым был утвержден состав межведомственной комиссии по вопросам мониторинга и определены координаторы. Учитывая вышеизложенное, назрела необходимость в восстановлении документов системы мониторинга [11].

Для налаживания работы Львовской областной системы мониторинга окружающей среды в 2013 департаментом экологии и природных ресурсов Львовской облгосадминистрации инициировано проведение рабочего совещания по организации проведения мониторинга во Львовской области с участием руководителей соответствующих учреждений. По итогам совещания подготовлен проект распоряжения председателя облгосадминистрации «Об областной системе мониторинга окружающей среды».

Согласно распоряжению председателя облгосадминистрации «Об областной системе мониторинга окружающей среды», от 29.07.2013 № 465/0/ 5-13 определены субъекты областной системы мониторинга окружающей среды.

В эту систему объединяются государственные, коммунальные и научные учреждения и лаборатории, осуществляющие исследования качества воздуха, воды, почвы, наблюдают за состоянием биоресурсов и загрязнением окружающей среды.

Если сокращение выбросов загрязняющих веществ регулируется на местном уровне, а именно местными органами государственной исполнительной власти, то ответственность за загрязнение атмосферного воздуха предусмотрена на законодательном уровне.

Так, в соответствии со ст. 11 Закона Украины «Об охране атмосферного воздуха» выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками могут осуществляться после получения разрешения, которое выдается территориальным органом специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти по вопросам экологии и природных ресурсов по согласованию с территориальным органом специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти по вопросам здравоохранения [12].

Статьями 33 Закона Украины «Об охране атмосферного воздуха» предусмотрено, что лица, виновные, в частности, в выбросах загрязняющих веществ в атмосферный воздух без разрешения специально уполномоченных органов исполнительной власти в соответствии с законом несут ответственность согласно закону.

Согласно ч. 1 ст. 41 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» экономические меры обеспечения охраны окружающей природной среды предусматривают возмещение в установленном порядке ущерба, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей природной среды [13].

Порядок расчета размеров компенсации убытков за сверхнормативные выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух установлен Методикой расчета размеров возмещения убытков, причиненных государству в результате сверхнормативных выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, утвержденной приказом Министерства охраны окружающей природной среды Украины № 639 от 10.12.2008 года [14].

Пунктом 2.1. Методики определено, что сверхнормативными выбросами загрязняющих веществ в атмосферный воздух считаются выбросы загрязняющих веществ, на которые отсутствует разрешение на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками, включая отдельные загрязняющие вещества, выбросы которых подлежат регулированию в соответствии с законодательством [14].

Согласно п. 2.2. Методики факт сверхнормативного выброса загрязняющих веществ в атмосферный воздух устанавливается государственными инспекторами при проведении проверки субъектов хозяйствования инструментально-лабораторными методами контроля и расчетными методами.

Согласно п. 3.11. Методики расчета размеров возмещения убытков время работы источника в режиме сверхнормативного выброса определяется с момента выявления нарушения до момента его устранения, с учетом фактически отработанного времени.

Выводы. Таким образом, в соответствии с п. 4.1 Методики размер возмещения убытков за сверхнормативный выброс одной тонны загрязняющего вещества в атмосферный воздух рассчитывается на основе размера минимальной заработной платы, установленной на момент выявления нарушения, умноженной на коэффициент 1,1, с учетом регулирующих коэффициентов и показателя относительной опасности каждого загрязняющего вещества.

В то же время проблемным вопросом остается конечная сумма штрафа за сверхурочные загрязнения атмосферного воздуха, которая в настоящее время является низкой, и малое количество проверок как стационарных, так и передвижных источников загрязнения атмосферного воздуха.

Список использованной литературы:

1. Булеца С.Б. Право человека на безопасную окружающую среду для жизни и здоровья. Актуальные проблемы государства и права. 2010. Вып. 53. С. 29–33. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/apdp_2010_53_4.

2. Королева В.В. Теоретико-правовые основы обеспечения права на без-

опасную для жизни и здоровья окружающую среду в Украине. Юридический вестник Университета «КПОК». 2014. Вып. 19. С. 14. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pvuk_2014_19_4.

3. Грушкевич Т.В. Теоретико-правовая характеристика права на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду. Право и общество. 2015. № 4(4). С. 136–143. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pis_2015_4\(4\)_26](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pis_2015_4(4)_26).

4. Иванюшенко В.В. Право человека и гражданина на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду: понятие и содержание. Юридический вестник Университета «КПОК». 2010. Вып. 6(1). С. 17–23. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pvuk_2010_6\(1\)_5](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pvuk_2010_6(1)_5).

5. Иванюшенко В.В. Право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду в контексте конституционных прав человека и гражданина. Вестник Харьковского национального университета внутренних дел. 2006. № 35. С. 70–78. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKhnivs_2006_35_12.

6. Игнатенко И.В. Правовая охрана атмосферного воздуха при осуществлении градостроительной деятельности. Право и общество. 2015. № 5.2(3). С. 141–146. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pis_2015_5.

7. Конституция Украины от 28.06.1996 года (с изменениями). URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1515358769999657>.

8. Закон Украины «О местных государственных администрациях» от 9 апреля 1999 года № 586-XIV (с изменениями). URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/586-14/print1515358997495041>.

9. Региональный доклад о состоянии окружающей природной среды во Львовской области в 2015 году. URL: http://loda.gov.ua/upload/users_files/27/upload/L_vivs_ka_ND_2016_2.pdf.

10. Программа сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками предприятий-загрязнителей Львовской области на 2009–2017 годы, утвержденная распоряжением председателя Львовской облгосадминистрации от 26 ноября 2009 № 1269/0 / 5-09. URL: http://loda.gov.ua/upload/users_files/27/upload/Programa_atmosfer_pov.pdf.

11. Экологический паспорт Львовской области, утвержденный председателем Львовской облгосадминистрации от 24 июня 2016 года. URL: [http://loda.gov.ua/upload/users_files/27/upload/ekopasport_2016\(1\).pdf](http://loda.gov.ua/upload/users_files/27/upload/ekopasport_2016(1).pdf).

12. Закон Украины «Об охране атмосферного воздуха», от 16.10.1996 года № 2707-ХІІ (с изменениями). URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2707-12>.

13. Закон Украины «Об охране окружающей природной среды», от 25.06.1991 года № 1264-ХІІ. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1264-12>.

14. Методика расчета размеров возмещения убытков, причиненных государству в результате сверхнормативных выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, утвержденная приказом Министерства охраны окружающей природной среды Украины № 639 от 10.12.2008 года. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/z0048-09>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буряк Ярослав Ярославович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданского права и процесса Учебно-научного Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buryak Yaroslav Yaroslavovich – Candidate of Law Sciences, Assistant at the Department of Civil Law and Process, Educational and Scientific Institute of Law and Psychology, National University «Lviv Polytechnic»

yaroslawburiak@gmail.com

УДК 342.7

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И КАЧЕСТВА ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ

Елена ЗАПОТОЦКАЯ,

кандидат технических наук,

старший преподаватель кафедры административного, финансового и информационного права

Киевского национального торгово-экономического университета, докторант Университета современных знаний

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье автором выделены направления совершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции. Особое внимание уделено вопросам устранения проблемы несоответствия современного оборудования государственным стандартам; введения онлайн-сертификации путем обезличивания сертификационной дела; урегулирования порядка и условий возврата бракованной (просроченной) продукции; разработки и внедрения государственных программ помощи операторам рынков; устранения проблемы информационного «голода» по определению новейших передовых технологий определения состояния показателей безопасности и качества пищевых продуктов; необходимости усовершенствования интерфейса и наполнения сайта специального органа в сфере безопасности и качества пищевых продуктов – Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты прав потребителей.

Ключевые слова: пищевые продукты, надзор, документы разрешительного характера, государственная инспекция, надзорное производство.

DIRECTIONS OF IMPROVING PUBLIC ADMINISTRATION

Elena ZAPOTOTSKAYA,

Candidate of Technical Sciences,

Senior Lecturer at the Department of Administrative, Financial and Information Law

of Kyiv National University of Trade and Economics, Doctoral Student of the University of Modern Knowledge

SUMMARY

In this scientific article, the author identifies areas for improving public administration in the field of food safety and quality. Particular attention is paid to the issues of eliminating the problem of inconsistency of modern equipment with state standards; the introduction of online certification through the depersonalization of the certification case; settlement of the order and conditions for the return of defective (overdue) products; development and implementation of government programs to assist market operators; elimination of the problem of information «hunger» by definition of the newest advanced technologies for determining the state of food safety indicators and quality; the need for improving the interface and filling the site of a special body in the field of food safety and quality - the State Service of Ukraine on Food Safety and Consumer Protection.

Key words: food products, supervision, documents of permissive character, state inspection, supervisory proceedings.

Постановка проблемы. 18 февраля 2018 вступил в силу Закон Украины «О государственном контроле за соблюдением законодательства о пищевых

продуктах, корме, побочных продуктах животного происхождения, здоровье и благополучии животных». Данным актом определены правовые и организаци-

онные основы государственного контроля, осуществляемого с целью проверки соблюдения операторами рынка продовольственного законодательства, корма, здоровья и благополучия животных, а также законодательства о побочных продуктах животного происхождения при ввозе (пересылке) таких побочных продуктов на таможенную территорию Украины.

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью усовершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции.

Состояние исследования. Научный анализ проблем публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать Д.Ф. Крисанова, О.М. Шмалый и др.

Целью и задачей статьи является исследование направлений усовершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции.

Изложение основного материала. Статьей 1 данного Закона определено, что государственный контроль – это деятельность компетентного органа, его территориальных органов, государственных инспекторов, государственных ветеринарных инспекторов, помощников государственного ветеринарного инспектора и уполномоченных лиц, осуществляемая с целью проверки соответствия деятельности операторов рынка требованиям законодательства о пищевых продуктах, корме, здоровье и благополучии животных; а также устранение последствий несоответствия и привлечение к ответственности за нарушение соответствующих требований. Государственный контроль включает также деятельность по проверке соответствия законодательству о побочных продуктах животного происхождения при ввозе (пересылке) таких продуктов на таможенную территорию Украины [142, ст. 1]. То есть Законом предусмотрена возможность осуществления контроля в сфере безопасности и качества пищевых продуктов только государственными органами. При этом никоим образом ни в Законе Украины «Об основных принципах и требованиях к безопасности и качеству пищевых продуктов», ни в Законе Украины «О государственном контроле за соблюдением

законодательства о пищевых продуктах, корме, побочных продуктах животного происхождения, здоровье и благополучии животных» не определена возможность осуществления общественного контроля за безопасностью и качеством пищевых продуктов, что, по нашему мнению, идет вразрез с опытом европейских стран, где общественному контролю отведена значительная роль. Впрочем, не следует забывать, что сфера безопасности и качества пищевых продуктов является специфической и требует специальных знаний, делает невозможным привлечение в качестве компетентного субъекта рядового гражданина. Именно поэтому, по нашему мнению, внедрение общественного контроля является необходимым условием, которое необходимо учесть, чтобы обеспечить соответствие пищевых продуктов требованиям безопасности и качества путем дополнения государственного контроля общественным контролем.

Следующей насущной проблемой, по нашему мнению, является в сфере безопасности и качества пищевых продуктов наличие аккредитованных лабораторий, которые не имеют (в большем количестве) собственного специального оборудования для осуществления контроля за пищевыми продуктами с целью определения их безопасности и качества.

Следующим проблемным моментом является контроль и надзор за деятельностью аккредитованных лабораторий. Так, полномочия по мониторингу за соответствием аккредитованных лабораторий по оценке соответствия требованиям аккредитации путем осуществления надзора, повторных и внеочередных проверок относится к компетенции Национального агентства аккредитации Украины, то есть в данном случае стоит говорить о государственном контроле (надзоре) за аккредитованными лабораториями. Впрочем, по результатам проведенного нами анкетирования 84% респондентов из числа операторов рынка отметили, что наряду с государственным контролем за деятельностью аккредитованных лабораторий должен также осуществляться независимый аудит (возможно, с привлечением международных компаний) постоянно действующих процедур, основанных на принципах НАССР по проверке непрерывности и эффективности их применения, в том числе: 1) документации; 2) ведения записей; 3) процессов,

влияющих на безопасность пищевых продуктов и / или кормов; 4) системы внутреннего контроля оператора рынка; 5) корректирующих действий, принятых оператором рынка вследствие анализа выявленных несоответствий; 6) квалификации персонала. При этом данный независимый аудит постоянно действующих процедур может осуществляться по заявке оператора рынка как в порядке плановости, так и внепланово. Причем параллельно с государственным аудитом компетентного органа для обеспечения большей прозрачности результатов деятельности оператора рынка и предотвращения проявлений коррупции по установлению соответствия пищевых продуктов требованиям безопасности и качества.

Еще одной проблемой по определению безопасными и качественными пищевых продуктов украинского происхождения и выхода на международный рынок украинских операторов рынка как экспортера является отсутствие в Украине аудиторов (специалистов) НАССР, которые придают сертификат НАССР украинским операторам рынка. По состоянию на 01.05.2018 года в Украине всего 318 ветеринарных инспекторов Держпродспоживслужбы из всех регионов Украины имеют право проверять операторов рынка по внедрению системы анализа опасностей и критических точек контроля (НАССР). Данные лица получили квалификацию аудиторов, имеющих право проверять операторов рынка и 58 ведущих аудиторов, которые имеют полномочия в дальнейшем обучать коллег в регионах по процедурам проведения аудита внедрения принципов НАССР в рамках проведения мероприятий государственного контроля [1].

Другой не менее важной проблемой является нехватка высококвалифицированных кадров, имеющих квалификацию проводить соответствующие лабораторные исследования. Так, наличие образования, опыта работы в сфере применения (осуществления) санитарных и / или фитосанитарных и / или ветеринарно-санитарных мероприятий не являются теми определяющими критериями, которыми должен обладать работник аккредитованной лаборатории, ведь современное оборудование – иностранного производства, а соответственно, инструкции и алгоритмы действий могут быть на иностранном языке. Отметим, что в структуре Националь-

ного агентства по аккредитации Украины действует Аттестационная комиссия персонала по аккредитации, которая должна определять соответствие персонала по аккредитации документа «Квалификационные требования». Впрочем, вопрос о повышении квалификации персонала аккредитованных лабораторий не принадлежит ни полномочиям Аттестационная комиссия персонала по аккредитации, ни Национальному агентству по аккредитации Украины, и, по нашему мнению, является неуместным и недопустимым в условиях заключения вектора на внедрение принципов НАССР. Принимая во внимание, что задачами Национального агентства по аккредитации Украины являются: обеспечение единой технической политики в области оценки соответствия; обеспечение доверия потребителей к деятельности по оценке соответствия; создание условий для взаимного определения результатов деятельности аккредитованных органов на международном уровне, а также устранение технических барьеров торговли [2], считаем, что полномочия по обеспечению повышения квалификации специалистов аккредитованных лабораторий относится к компетенции Национального агентства по аккредитации Украины. Таким образом, предлагаем дополнить пункт 8 Положения о Национальном агентстве по аккредитации Украины положениями следующего содержания: «Осуществляет организацию и обеспечивает проведение повышения квалификации специалистов аккредитованных лабораторий».

Следующей проблемой в сфере обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов является безопасность сельскохозяйственной продукции, выращенной вдоль обочин дорог, частный забор молока и реализация молочных продуктов на стихийных рынках, а также условия забоя домашнего скота.

Согласно ст. 1 Директивы Совета 93/43 / ЕЕС от 14 июля 1993 «О гигиене пищевых продуктов», которой определены основные критерии качества и безопасности пищевых продуктов, определено, что гигиена пищевых продуктов – это любые меры, необходимые для обеспечения безопасности и безвредности пищевых продуктов для здоровья человека. Эти меры охватывают все стадии, которые происходят после первичного производства (последнее включает, например, сбор урожая, за-

бой скота и доения) независимо от: процесса приготовления, переработки, изготовления, упаковки, складирования, транспортировки, распределения, обращения или продажи или предоставления в распоряжение потребителю. То есть для того чтобы оператор рынка получил сертификат НАССР, ему необходимо гарантировать реализацию всех стадий процесса первичного производства. В данном случае первой стадией процесса обеспечения безопасности пищевых продуктов является сбор урожая, забой скота и доения скота. В то же время следует отметить, что на сегодняшний день наблюдается ситуация, когда поля, засеянные сельскохозяйственными зерновыми, которые в дальнейшем используются как отдельный пищевой продукт или для приготовления пищевых продуктов, засеиваются вдоль дорожных полос, что явно противоречит требованиям гигиены пищевых продуктов и влияет на их безопасность и качество. Отметим, что такая ситуация характерна для всех областей Украины, где вдоль дороги высаживают сельскохозяйственные культуры. Между тем отметим, что согласно ДБН В.2.3-4: 2007 в местности, где возможен выпас скота, выращивание сельскохозяйственных культур, ширина боковой придорожной полосы должна быть на расстоянии 25 м от кромки проезжей части для дорог I-б, II и III категорий и 15 м – для дорог IV и V категорий [3]. Что мы можем наблюдать в сельской местности? Засев полей заканчивается на расстоянии не более 5 метров от проезжей части. В связи с этим напрашивается вывод, что сельскохозяйственная продукция, выращенная в придорожной полосе, может представлять угрозу для жизни и здоровья конечного потребителя. Ведь транспорт выбрасывает массу вредных веществ, которые оседают в придорожной полосе. В их числе и тяжелые металлы, например свинец. Эти вещества накапливаются в организме человека, потребляющего выращенную и собранную в данных участках продукцию. В данном случае следует отметить, что процесс сбора урожая предусматривает его смешивание, и загрязненная продукция, выращенная вдоль обочин, автоматически смешивается с той, которая выращена дальше от дороги, а в процессе пере-

мещения опасная и безопасная продукция перемешиваются и утрачивают свои полезные свойства.

Похожей проблемой является и бесконтрольность условий забоя сельскохозяйственного скота, туши которого используют для производства готовой и полуготовой продукции. Существует пробел в осуществлении контроля (надзора) за частными индивидуальными местами такого забоя. Речь идет как о единичных случаях забоя домашнего скота, так и о периодических и системных.

Еще одним направлением, нуждающимся в совершенствовании, является устранение проблемы информационного «голода» по определению новейших передовых технологий определения состояния показателей безопасности и качества пищевых продуктов. С целью улучшения деятельности операторов рынка, государственных инспекторов, помощников государственных инспекторов и с целью обмена передовым опытом представляется необходимым ввести хотя бы один раз в год организацию и проведение в Украине международного форума, например «Продуктэкспо-2019». Данное мероприятие позволило бы объединить всех субъектов сферы безопасности и качества пищевых продуктов по направлениям работы, (секциями) определить достижения операторов рынка и других субъектов рынка в исследуемой сфере; очертить и акцентировать внимание на недостатках в работе операторов рынка, государственных инспекторов, аудиторов НАССР и других участников отношений в данной сфере и т.п.

Следующим шагом к совершенствованию безопасности и качества пищевых продуктов является необходимость усовершенствования интерфейса и наполнение сайта специального органа в сфере безопасности и качества пищевых продуктов – Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты прав потребителей. Так, если оператор рынка или другое лицо открывает интернет-страницу данного органа, то в перечне нормативно-правовых актов, регулирующих исследуемую сферу отношений, открывается возможность перехода только на 5 нормативно-правовых актов, при том, данные акты определяют общие принципы деятельности субъектов в сфере обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов, что, по нашему мне-

нию, является неправильным. В первую очередь, на сайте должны содержаться, кроме законов Украины «Об основных принципах и требованиях к безопасности и качеству пищевых продуктов», «О государственном контроле за соблюдением законодательства о пищевых продуктах, корме, побочных продуктах животного происхождения, здоровье и благополучии животных», приказы министерств и ведомств по регулированию отдельных вопросов безопасности и качества пищевых продуктов; акты, регламентирующие порядок сертификации, лицензирования, аккредитации, стандартизации и осуществления других процедур в исследуемой сфере. Также стоит обратить внимание, что на этикетке каждого упакованного пищевого продукта содержатся обозначения ДСТУ или ТУ и соответствующий номер. Например, если потребитель захочет поинтересоваться, что означают данные обозначения, то в первую очередь он должен получить запрашиваемую информацию на официальном сайте компетентного органа, причем в Украине он является единственным. Так, отметим, что необходимость нормативного наполнения сайта Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей акцентировало внимание 65,0% опрошенных респондентов из числа операторов рынка и 76,0% опрошенных из числа потребителей. Именно поэтому предлагаем вкладку «Нормативно-правовое обеспечение» сайта Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей систематизировать и заполнить по иерархии следующим образом: 1) международные договоры; 2) законы Украины; 3) акты Президента Украины; 4) акты центральных органов исполнительной власти (приказы, распоряжения, текст ДСТУ, ТУ) 5) акты местных органов власти; 6) акты органов местного самоуправления. Причем данные вкладки должны быть активными и находиться в открытом доступе, кроме конечно информации с ограниченным доступом.

Одним из актуальных направлений, по мнению опрошенных респондентов из числа операторов рынка, 55,0% является введение штатной единицы как в структуре компетентного государственного органа, или же в структуре другого предприятия независимо от формы соб-

ственности – куратор оператора рынка на получение сертификата НАССР. Причем операторы рынка акцентируют внимание на необходимости исключения коррупционных механизмов путем заключения платного договора на осуществление сопровождения субъекта, желающего получить советы, консультации, разъяснения и другую квалифицированную помощь с целью получения сертификата НАССР.

Актуальной, по нашему мнению, является проблема несоответствия современного оборудования государственным стандартам, которые устанавливают соответствующие нормы, правила, ограничения, определяющие структуру, механизм и порядок использования.

Д.Ф. Крысанов, анализируя факторы повышения эффективности обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов, акцентирует особое внимание на несоответствии и устарелости действующих ДСТУ, ТР и других документов, определяющих стандарты и требования к пищевым продуктам и оборудованию. Документами, регулирующими создание и производство пищевой продукции в Украине, является нормативная (стандарты, технические условия, методические указания и т.д.) и технологическая документация (рецептуры, технологические регламенты и инструкции, технические описания и т.п.) [4]. Тем самым фактически поставлено в рамки закона существование нормативных документов, регулирующих показатели качества и безопасности пищевой продукции, нескольких уровней и с разной степенью правовой ответственности за их соблюдение. Среди них: технические условия на производство продукции (могут корректироваться самими производителями по рецептуре продукции); стандарты различного правового статуса (бывшие республиканские, межгосударственные СНГ, государственные, гармонизированные с европейскими нормативными документами), соблюдение требований которых является обязательным условием, но внедрение их в производство – добровольное дело производителя; технические регламенты являются нормативными документами прямого действия, то есть введение в действие постановлением Кабинета Министров Украины своим следствием имеет безусловное выполнение всеми производителями предусмотренных ими требований;

законы на отдельные пищевые продукты являются документами прямого действия. Поскольку при производстве традиционных и создании новых продуктов питания широко используются нормативные документы с низким правовым статусом, логическим следствием этого является выпуск фальсифицированной продукции, даже по формальным признакам не соответствующей нормативным параметрам [5, с. 113]. Также Д.Ф. Крысанов акцентирует внимание на необходимости совершенствования нормативно-правовой базы, которой урегулированы требования относительно безопасности и качества пищевой продукции. Требования действующей базы отечественных стандартов, включая более 80% негармонизированных нормативных документов (республиканских, бывших союзных и межгосударственных стандартов СНГ), несопоставимы, а нередко и несовместимы с требованиями нормативной базы ЕС и ВТО. Инструментом преодоления такого несоответствия выступает повторная сертификация продукции, которая экспортируется за границу [5, с. 114]. Достаточно часто оператор рынка на своем предприятии с целью повышения объемов оборота пищевой продукции, повышения финансового платежа способности, повышения показателей безопасности и качества пищевых продуктов закупает оборудование для своих предприятий за рубежом. Причем оборудование, изготовленное за рубежом, не всегда соответствует устаревшим ДСТУ, которые действуют и по сей день в Украине. По нашему мнению, в данном случае стоит говорить о согласовании положений ГОСТ требованиям, которые определяют требования к оборудованию с целью обеспечивать высокий уровень качества и безопасность пищевых продуктов. При этом считаем, что государство должно всесторонне способствовать тому, чтобы в интересах оператора рынка имело место переоснащение и переоборудование собственного производства, а не обращение к коррупционным схемам и незаконному получению желаемого сертификата НАССР, наличие которого открывает широкие возможности экспорта товаров соответствующего оператора рынка.

Следующим направлением совершенствования в сфере безопасности и качества пищевых продуктов, по нашему мнению, является введение онлайн-сер-

тификации. Данный шаг позволит, в-первых, исключить человеческий фактор, то есть контакт между субъектом обращения (оператором рынка) и уполномоченным лицом; во-вторых, упростит и оптимизирует саму процедуру сертификации, когда по принципу «единого окна» субъект сможет сэкономить время и пройти сертификационные процедуры без личного присутствия; в-третьих, сделает невозможным проявления коррупции, когда за совершение сертификационных действий уполномоченное лицо компетентного субъекта сможет за определенную выгоду для себя ускорить или обойти отдельные действия во время административного производства по получению соответствующего сертификата; в-четвертых, реализация данного вида сертификации позволит ввести «обезличенный» характер сертификации, когда пакет документов регистрируется не от субъекта оператора рынка, а под отдельным номером, а результат рассмотрения сертификационной дела направляется на указанную электронную почту, причем выдача сертификата будет происходить по принципу единого окна в соответствующие дни и часы приема компетентного органа.

Актуальна проблема возвращения бракованной (просроченной) продукции. Продукция может становиться опасной, если она в определенное время для потребления не была реализована, а просроченная продукция реализуется под видом огромных скидок. В данном случае для пищевого продукта характерной является неуправляемость процесса, происходят отклонения в качественных показателях пищевой продукции, возникают факторы опасности пищевых продуктов. В идеале мониторинг должен своевременно предоставлять информацию, чтобы сделать возможным любые регулирования процесса, предотвращая таким образом потерю контроля за процессом и превышение предельных значений до момента, когда будет нужно изолировать продукт или забраковать. К сожалению, это не всегда возможно. На практике рабочие значения часто используются для обеспечения запаса безопасности, который оставляет дополнительное время для регулирования процесса до момента превышения порогового значения [5, с. 111]. Обычно на предприятиях назначается ответственное лицо, которое следит за процессом возвращения и отбраковки пищевой продукции.

Как процесс отбраковки и возвращения пищевой продукции происходит на практике? Оператор рынка, осуществляющий деятельность по реализации и / или обращению пищевых продуктов и / или других объектов санитарных мероприятий, соблюдает до последнего срока употребления тот или иной пищевой продукт с надеждой его выгодно реализовать.

Как процесс отбраковки и возвращения пищевой продукции происходит на практике. Оператор рынка, осуществляющий деятельность по реализации и / или обращению пищевых продуктов и / или других объектов санитарных мероприятий соблюдает до последнего срока употребления тот или иной пищевой продукт с надеждой его выгодно реализовать. Однако в случае, если данный пищевой продукт не был реализован, он возвращает пищевой продукт оператору рынка, который осуществляет хозяйственную деятельность, связанную с первичным производством или производством пищевой продукции, при этом все убытки за несвоевременно реализованный, а в результате просроченный пищевой продукт несет только оператор рынка, осуществляющий хозяйственную деятельность, связанную с первичным производством или производством пищевой продукции.

По нашему мнению, данная ситуация является практически и теоретически недопустимой, когда убытки в данной ситуации несет только одна сторона. Считаем, что в данном случае нужно говорить о гражданской ответственности, когда убытки распределяются между сторонами договорных отношений. Решение данной ситуации видится следующим образом: в договоре между сторонами предположить, что срок возврата нереализованной пищевой продукции – 10 дней до конечного срока потребления, который указан на упаковке. В случае возврата товара позже указанной даты убытки стороны несут в равных частях.

Раскрывая направления совершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевых продуктов, невозможно не акцентировать внимание на необходимости разработки и внедрения государственных программ помощи операторам рынков с целью переоборудования, улучшения систем управления качеством, получения сертификата HACCP, что даст возможность выхода украинско-

го экспортера пищевой продукции на международный уровень и обеспечит получение новых финансовых потоков в государственный бюджет.

В рамках реализации данных проектов предполагалось бы предоставление консультативных услуг пищевым предприятиям по разработке и внедрению системы HACCP или других систем менеджмента безопасности пищевой продукции. Услуги должны включать обмен международным опытом европейских и украинских экспертов для проведения диагностических выездов на производство, предоставление рекомендаций и плана работ по внедрению системы HACCP на основании аудита, разработки программ предварительных условий, обучение персонала, выбор системы менеджмента безопасности продуктов питания, наиболее соответствующей потребностям предприятия, осуществление консультативной поддержки на протяжении всего процесса внедрения системы HACCP и другое. В определенных случаях операторы рынка приняли бы участие в таких пилотных проектах, могло бы предусматриваться предоставление частичного финансирования или кредитования на наиболее благоприятных для бизнес-среды оператора рынка условиях.

Выводы. Таким образом, можем выделить следующие направления совершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции: 1) введение осуществления общественного контроля и соответственно статуса «общественный контролер»; 2) осуществление надзора за наличием в аккредитованных лабораториях собственного специального оборудования для осуществления контроля пищевых продуктов на определение их безопасности и качества; 3) осуществление контроля и надзора за деятельностью аккредитованных лабораторий, в том числе проведение независимого аудита (возможно, с привлечением международных компаний) постоянно действующих процедур; 4) контроль за квалификацией аудиторов (специалистов) HACCP, которые передают сертификат HACCP украинским операторам рынка; 5) организация и обеспечение осуществления учебных курсов, тренингов, семинаров для кадров, имеющих квалификацию проводить соответствующие лабораторные исследова-

дования; 6) контроль за показателями безопасности сельскохозяйственной продукции, выращенной вдоль обочин дорог, частным сбором молока и реализацией молочных продуктов, условиями забоя домашнего скота.

Список использованной литературы:

1. Сертифікати аудиторів НАССР мають лише 318 інспекторів Держпродспоживслужби. URL: <http://www.unn.com.ua/uk/news/1726274-sertifikati-auditoriv-nassr-mayut-lishe-318-inspektoriv-derzhprodspozhivsluzhbi>.

2. Положення про Національне агентство з акредитації України : затв. Наказом Міністерства економічного розвитку і торгівлі України від 08.02.2017 № 161. URL: https://naau.org.ua/wp-content/uploads/2018/04/Polozhennya-NAAU-skan_1.pdf.

3. ДБН В.2.3-4:2007 «Автомобільні дороги»: затв. Наказом Міністерства регіонального розвитку та будівництва України від 31.10.2007 р. № 292.

4. Крисанов Д.Ф. Якість і безпечність харчової продукції. URL: http://www.irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/econprog_2010_3_11.pdf.

5. Система НАССР. Довідник / Львів: НТЦ «Леонорм-Стандарт», 2003. 218 с. (Серія «Нормативна база підприємства»).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Запотоцкая Елена Васильевна – кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры административного, финансового и информационного права Киевского национального торгово-экономического университета, докторант Университета современных знаний

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zapototskaya Elena Vasilievna – Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative, Financial and Information Law of Kyiv National University of Trade and Economics, Doctoral Student of the University of Modern Knowledge

demidenkov@ukr.net

УДК 340.12

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В УКРАИНЕ

Юлия ИВЧЕНКО,
кандидат юридических наук,
докторант докторантуры и аспирантуры
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос государственно-правового обеспечения патриотического воспитания в Украине, основой которого являются гуманитарные ценности как фундаментальные составляющие современного общества. Особый акцент сделан на конкретизации теоретического обоснования необходимости патриотического воспитания и практических способах его реализации в границах нормативно-правовой базы Украины.

Ключевые слова: патриотизм, гуманитарные ценности, национальные интересы, национальная составляющая образования, национальная культура, национальная идентичность.

THE LEGAL CONTEXT OF CIVIL-PATRIOTIC EDUCATION

Yuliya IVCHENKO,
Candidate of Law Sciences,
Doctoral Student of Doctoral Studies and Postgraduate Study
of the National Academy of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the issue of state and legal support for patriotic education in Ukraine, based on humanitarian values as fundamental components of modern society. Particular emphasis is placed on the concretization of the theoretical justification for the need for patriotic education and practical ways of its implementation within the regulatory and legal framework of Ukraine.

Key words: patriotism, humanitarian values, national interests, national component of education, national culture, national identity.

Постановка проблемы. Неотъемлемой составляющей стабильного общественного развития являются гуманитарные ценности, которые определяются как базовые составляющие социальности, человечности, цивилизованности. Без них общество просто не может существовать. Переживая любые кризисы, спады и катаклизмы, человечество всегда возвращается к гуманитарным приоритетам как к единому духовному стержню и основе своего бытия. И особое место в этом контексте принадлежит именно национальной системе образования, которая является фактором формирования национальной идентичности граждан и фундаментальной основой утверждения патриотических ценностей как мировоззренческой составляющей.

Актуальность темы. Проблема патриотического воспитания и гражданского становления личности – сегодня одна из актуальных задач государства и общества. В наше время патриотическое воспитание является одним из приоритетных направлений государственно-правовой политики, так как именно сейчас акцент, сделанный на национальные интересы и традиционные духовно-моральные ценности украинского народа, является важным фактором возрождения и укрепления страны, утверждения единства всего общества. При этом патриотизм рассматривается как неотъемлемый компонент консолидирующей национальной идеи.

Состояние исследования. Анализ научной литературы по данной проблематике свидетельствует о ее

особой актуальности в национальном пространстве, поэтому исследованием данного явления занимались такие ученые как: И. Бех, П. Вербицкая, П. Игнатенко, А. Погребной, В. Поплужный, Ю. Руденко, К. Чорная, О. Шестопалюк, Ю. Бондаренко, М. Боришевский, О. Вишневский, Р. Захарченко, В. Кузь, Б. Цимбалистий, О. Ярмоленко и другие.

Целью и задачами статьи является исследование правовых оснований государственной политики Украины в сфере патриотического воспитания как важнейшей составляющей национального возрождения страны.

Изложение основного материала.

В. Андрущенко, раскрывая суть понятия «Дух эпохи», отмечает, что оно существует независимо от нашего понимания, рефлексии, ощущения и в то же время одновременно с ними, из-за них и благодаря им. Мы проникаемся «духом», мыслим его категориями, воплощаем их в полотно культуры через деятельность духовную и материальную. «Дух эпохи» вдохновляет нас на жизнь, подготовка же к его восприятию осуществляется через образование и культуру, науку и религию, искусство. «Философия духа» (эпохи) и является той единственной «философией образования», которая дает возможность организовать ее (как по содержанию, так и по форме) в соответствии с общесоциальной традицией и вызовами нового времени.

Сегодня современное образование рассматривается как функция общества по формированию гармоничной, всесторонне развитой, самодостаточной личности, способной ориентироваться в глобальных информационных потоках, жить и работать в мире постоянных изменений и трансформаций. В то же время, образование проявляется и как стратегический ресурс развития цивилизации [1, с. 19–23].

При этом любая образовательная парадигма основывается на определенном восприятии сущности человека. Именно на ее представления и идеалы в конечном счете ориентируются образовательные концепции. Своеобразные антропологические сдвиги в новой парадигме образования определяют самым духом нашего времени. Новая идея образования связана с необходимостью привлечь человека к постоян-

ному активному процессу открытия и освоения мира.

Исследователь Ю. Козелецкий считает, что необходим переход к совершенно иной образовательной системе, ориентированной на формирование инновационного человека, то есть такого, который постоянно находится в состоянии поиска, способный самостоятельно принимать нестандартные решения, творческой личности.

Поэтому основной задачей образования, на современном этапе, является переход от обучения, которое обеспечивает репродуктивное восприятие, формирование линейного мышления к обучению, которое основано на поисковых ориентациях, творческом подходе, вероятностном мышлении. Моделью личности в новой парадигме образования должен стать инновационный человек, который рассматривает окружающий мир не как постоянную, гармоничную структуру, к которой нужно приспособляться, а как сферу познавательной и практической неопределенности, которую нужно редуцировать как последовательность различных трудностей, которые необходимо преодолеть. Изобретательность становится архетипом деятельности для инновационного человека, а ведущей целью обучения формирование у него собственной исследовательской позиции, то есть, важное значение приобретает процесс перехода в образовательной деятельности от школы памяти к институту работы с мышлением.

Современные знания все больше ориентируются на гуманитарные ценности, на человека, на определенном представлении о мире. Они перестают быть ценностно-нейтральными, что, прежде всего, накладывает ответственность и на образование.

Таким образом, указанный социокультурный контекст обуславливает процесс кардинальных изменений в образовании, и, соответственно, пересмотра основных принципов образовательной политики. Они как конечные ориентиры образовательной деятельности неизбежно должны совпадать со стратегическими ориентирами общества и государства. Так, сфера образования, выполняя роль трансляции социокультурного опыта человечества и обеспечения таким образом возможностей вхождения новых поколений

в активную социальную жизнь, имеет своей непосредственной функцией воспроизведение общественного организма, а именно, его базовых ценностей, духовных ориентиров и стратегических интересов.

Сегодня влияние современных социокультурных тенденций на систему образования проявляется в усилении ее роли как источника идей, нового знания, технологии, информации, в осознании императива выживания и глобальной ответственности за свои действия, определяется степенью духовного в каждом человеке и в разнообразии социальных укладов общества, что обуславливает необходимость в гибкости мышления, восприятия мира и диалоге культур [1, с. 49–52].

Данный подход является частью государственной политики в сфере образования цивилизованных демократических стран, стремящихся к прогрессивному развитию и заинтересованных в воспитании поколения активных, целеустремленных, креативно и критически мыслящих, патриотически настроенных граждан, для которых общечеловеческие ценности и национальные интересы являются приоритетом. Подобный подход актуален и для Украины, которая стремится стать частью Европейского демократического пространства.

В этом контексте следует отметить, что в украинском праве базовым элементом образовательных стандартов стала Государственная национальная программа «Образование» («Украина XXI века»), которая была принята в 1996 году и определила приоритетные задачи и направление движения системы национального образования.

В ней указано, что со становлением Украины как самостоятельного демократического правового государства, образование стало собственным делом украинского народа. А его развитие и реформирование должны стать основой формирования интеллектуального, духовного потенциала народа, выхода отечественной науки, техники и культуры на мировой уровень, национального возрождения, а также становления государственности и демократизации общества в Украине. Ведь динамизм, присущий современной цивилизации (рост социальной роли личности, гуманизация и демократизация общества,

интеллектуализация труда, быстрая смена техники и технологий во всем мире), требует создания таких условий, при которых народ Украины стал бы нацией, которая постоянно учится и совершенствуется.

На сегодняшний день стратегическими заданиями образования в украинском государстве является возрождение и развитие национальной системы образования как важнейшего звена воспитания современных граждан Украинского государства, формирование образованной, творческой личности, обеспечение приоритетности развития человека, воспроизводство и трансляция культуры и духовности во всем разнообразии отечественных и мировых образцов, вывод образования на уровень образования развитых стран мира путем коренного реформирования его концептуальных, структурных, организационных основ, глубокой демократизации традиционных учебно-воспитательных заведений.

Соответственно, мировоззренческим принципом реализации данной программы, в контексте современного украинского общества, является гуманизация образования, которая заключается в утверждении человека как высшей социальной ценности; обеспечении приоритетности общечеловеческих ценностей; гуманизации образования, которая призвана формировать целостную картину мира, духовность, культуру личности и планетарное мышление; формировании принципов открытости образования, связанные с его ориентированностью на целостный неделимый мир; определении глобальных проблем с осознанием приоритетности общечеловеческих ценностей над групповыми и классовыми. Кроме этого, базовым принципом является национальная направленность образования, которая заключается в неотделимости образования от национальной основы, его органическом сочетании с национальной историей и народными традициями, сохранении и обогащении культуры украинского народа, признании образования важным инструментом национального развития и гармонизации национальных отношений [2].

То есть, данная национальная программа еще в начале становления Украины как независимого государства,

очертила цивилизованный демократический путь развития украинского образования, поставив на первый план формирование мировоззрения личности в процессе образовательной деятельности на основе общечеловеческих ценностей, моральных норм и с учетом национальных особенностей.

В современных украинских реалиях именно акцент на национальной составляющей образования является как никогда актуальным. И приоритетное место в этом аспекте принадлежит именно патриотическому воспитанию, ведь на сегодняшний день мы имеем обесценивание традиционных нравственных ценностей, пропаганду жестокости, бездуховности, насилия, в том числе через средства массовой информации, неопределенность в оценке событий исторического прошлого украинского народа. Все это негативно влияет на моральные и патриотические убеждения. Именно поэтому, в контексте дальнейшего развития общества, возникает потребность в формировании активной, творческой личности патриота, от деятельности которого в будущем в значительной степени будет зависеть духовное развитие и благосостояние украинского государства. При этом патриотическое воспитание направлено на необходимость привлечения личности к глубинным пластам национальной культуры и духовности, формирования национальных мировоззренческих позиций, идей, взглядов и убеждений на основе общечеловеческих ценностей. Оно обеспечивает развитие способностей и одаренности личности, ее гармоничность и целостность, обогащение на этой основе интеллектуального потенциала народа, воспитания гражданина Украины, способного к самостоятельному критическому мышлению и деятельности, направленной на процветание Украины. А в основу такого воспитания должны быть положены принципы гуманизма, демократизма и преемственности поколений.

Процесс патриотического воспитания неразрывно связан с учебными заведениями, целью которых является формирование чувства патриотизма; национальной гордости; понимание собственных действий и жизненной позиции; постижение смысла жизни и определение своего места в обще-

стве; стремление к милосердию, доброте, уважению, побуждению к самовоспитанию и самосовершенствованию. Ведь именно национально сознательная, ответственная за судьбу Отечества, воспитанная в духе уважения к традициям личность, может быть конкурентоспособной, достичь высокого уровня культуры и активного включения в динамичную систему функционирования современного украинского общества.

Главная цель национально-патриотического воспитания приобретение социального опыта, которое формируется путем наследования духовного достояния украинского народа и достижения высокой культуры межнациональных отношений. При этом важным компонентом является формирование нравственной и правовой культуры граждан. Эта цель должна конкретизироваться через систему воспитательных задач, которые являются одинаковыми не только для учебно-воспитательных заведений, но и для всего общества в целом. И прежде всего, это обеспечение условий для самореализации личности в соответствии с его способностями, общественными и собственными интересами [3].

В соответствии с этим, важным действенным шагом на пути к необходимости внедрения патриотического воспитания, стало принятие в 2017 году нового Закона Украины «Об образовании», который в статье 6 указал, что одной из основ государственной политики в сфере образования и одним из принципов образовательной деятельности является воспитание патриотизма, уважение к культурным ценностям украинского народа, его историко-культурного наследия и традиций, чем законодательно закрепил данное явление [4].

Следующим этапом государственно-правового подхода к процессу национально-патриотического воспитания было принятие в 2015 году «Концепции национально-патриотического воспитания детей и молодежи», которая определяла, что в основу системы национально-патриотического воспитания положена идея развития украинской государственности как консолидирующего фактора развития украинского общества и украинской политической нации.

Кроме того, в документе отмечается, что национально-патриотическое

воспитание не должно прививать идеи культурного империализма, то есть способа созерцания мира только глазами собственной культуры. Основу этой Концепции составляет позиция, определяющая объединение различных народов, национальных и этнических групп, проживающих на территории Украины, вокруг идеи украинской государственности, украинского гражданства, которые являются всеобщими достижениями, которые обеспечивают их всестороннее социальное и культурное развитие. При этом Украинское государство отрицает любые формы дискриминации, поддерживая все языки и культуры, которые раньше подвергались такой дискриминации.

Следует отметить, что в течение последних десятилетий был разработан целый ряд концепций, касающихся данного вопроса: Концепция национальной системы воспитания (1996), Концепция национально-патриотического воспитания (2009), Концепция Общегосударственной целевой программы патриотического воспитания граждан на (2013–2017), Концепция гражданского образования и воспитания в Украине (2012). Однако ни одна из них не была реализована и не имела практического воплощения. Именно поэтому в современных украинских реалиях наблюдается кризис национальной идентичности и патриотического мировоззрения, преодолеть который возможно только путем патриотического воспитания с целью формирования новых установок у украинских граждан, которые примут национальные и европейские ценности, смыслом которых является уважение к национальным символам Украины; приоритет прав человека; верховенство права; толерантное отношение к ценностям и убеждениям представителей другой культуры, а также региональным и национально-языковым особенностям; равенство всех перед законом; готовность защищать суверенитет и территориальную целостность Украины.

Итак, Концепция национально-патриотического воспитания детей и молодежи определила новую стратегию целенаправленного и эффективного процесса воспитания субъекта гражданского общества, гражданина и патриота Украины.

Анализируя практическую плодность данного документа, следует от-

метить, что важнейшим приоритетом национально-патриотического воспитания считается формирование ценностного отношения личности к Родине, государству, нации.

При этом патриотическое воспитание является составной национальной системы воспитания, главной целью которого является становление самодостаточного гражданина и патриота Украины, гуманиста и демократа, готового к выполнению гражданских и конституционных обязанностей, к наследованию духовных и культурных ценностей украинского народа, достижению высокой культуры взаимоотношений. Кроме этого, такое воспитание способствует единению украинского народа, укреплению социально-экономических, духовных, культурных основ развития украинского общества и государства. Соответственно, к воспитательным задачам патриотического воспитания относятся: утверждение в сознании и чувствах личности патриотических ценностей; воспитание уважения к Конституции Украины, законам, государственной символике; формирование толерантного отношения к другим народам, культурам и традициям; утверждение гуманистической нравственности как базовой основы гражданского общества; культивирование лучших черт украинской ментальности; формирование языковой культуры; повышение престижа военной службы и другие.

Особо следует отметить принципы, на основе которых основывается данная Концепция:

1) принцип национальной направленности, который предусматривает формирование национального самосознания, воспитание уважения к родной земле и украинскому народу, уважительного отношения к его культуре, способности сохранять свою национальную идентичность, а также уважение к культуре всех народов, населяющих Украину;

2) принцип самоактивности и саморегуляции, который обеспечивает развитие субъектных характеристик, формирует способность к критичности и самокритичности, формирует гражданскую позицию личности, чувство ответственности за ее реализацию в действиях и поступках;

3) принцип поликультурности, который предусматривает интегри-

рованность украинской культуры в европейское и мировое пространство и создание для этого необходимых предпосылок, а именно: формирование открытости, толерантного отношения к альтернативным идеям, ценностям, культуре, религии других народов;

4) принцип социального соответствия, который обуславливает потребность в согласовании содержания и методов патриотического воспитания с реальной социальной ситуацией, в которой реализуется воспитательный процесс;

5) принцип исторической и социальной памяти, направленный на сохранение духовно-нравственного и культурно-исторического наследия украинского народа;

6) принцип преемственности поколений, который сохраняет для потомков образцы украинской культуры и этнокультуры народов, живущих в Украине.

Кроме этого, в Концепции определяются три этапа реализации определенных позиций. Первый предусматривает создание нормативно-правовой базы, информационно методического обеспечения и Центра патриотического воспитания. Второй этап – это разработка программ, учебно-методических пособий по предметам гуманитарно-социальной направленности для образовательных учреждений. Третий этап, это проведение мониторинга и анализ эффективности системы патриотического воспитания.

Отмечается, что необходимым условием реализации Концепции в практику является широкое обсуждение его положений и задач, проведение конференций, круглых столов, семинаров, которые будут актуализировать затронутые вопросы и побуждать к разработке конкретных практических мероприятий [4].

Соответственно, для реализации положений Концепции национально-патриотического воспитания был создан Совет по национально-патриотическому воспитанию детей и молодежи в качестве совещательного органа при Министерстве образования и науки Украины, а также Центр национально-патриотического воспитания детей и молодежи [5].

Таким образом, принятие целого спектра нормативных документов по

проблеме патриотического воспитания является свидетельством того, что сегодня данное направление стало важным элементом государственной политики Украины.

Соответственно, свидетельством поступательности вышеуказанного курса стало принятие в том же 2015 году «Стратегии национально-патриотического воспитания детей и молодежи на 2016 – 2020 годы». В ней определено, что национально-патриотическое воспитание детей и молодежи должно стать одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества по формированию гражданина как высоконравственной личности, которому важны украинские традиции, духовные ценности; который обладает соответствующими знаниями, умениями и навыками; способен реализовать свой потенциал в условиях современного общества; принимает европейские ценности; готов к исполнению долга по защите Отечества, независимости и территориальной целостности Украины.

А основой системы национально-патриотического воспитания должна быть идея укрепления украинской государственности как консолидирующего фактора развития общества и формирования патриотизма у граждан. Соответственно, составляющими национально-патриотического воспитания должны стать гражданско-патриотическое, военно-патриотическое и духовно-нравственное воспитание.

Целью вышеуказанной Стратегии является определение приоритетов и основных направлений национально-патриотического воспитания, развитие соответствующих институтов государства и общества, обеспечение содержательного наполнения национально-патриотического воспитания на основе формирования национально-культурной идентичности, национально-патриотического мировоззрения, сохранения и развития духовно-нравственных ценностей украинского народа. При этом необходимо активное участие и скоординированная работа органов государственной власти и их эффективное сотрудничество с общественностью. Также, целью данной стратегии является содействие консолидации украинского общества вокруг идей общего будущего, защиты терри-

ториальной целостности Украины, реформ [6].

Следовательно, данная Стратегия определила на уровне государственного правового подхода необходимость формирования нового поколения граждан-патриотов с помощью образовательных методов обучения и воспитания.

Выводы. Подводя итоги, стоит отметить, что современные процессы построения демократического гражданского общества и интеграция в европейское и мировое сообщество предусматривают ориентацию на человека, нацию, достижения и опыт национальной культуры, которые и определяют основные направления реформирования образования прежде всего в правовом контексте. Ведь сегодня в Украине происходит процесс становления украинского народа как политической нации. Именно теперь, приоритетной задачей является построение современной Украины на основе собственных национальных интересов и с учетом особенностей образа жизни, традиций, обычаев и национального характера. И в этом процессе именно образование является едва ли не единственным действенным средством сохранения и дальнейшего существования национальной культуры, а также средством воспитания нового поколения свободных, критически мыслящих украинцев, которые с уважением относятся к своей стране и способны создавать эффективное гражданское общество, что и определяет движение государства по направлению к демократическим преобразованиям.

Список использованной литературы:

1. Філософія освіти: навч. посіб. / за заг. ред. В. Андрущенка, І. Передборської. Київ: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2009. 329 с.
2. Державна національна програма «Освіта» («Україна XXI століття»). URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/896-93-п> (дата звернення : 13.12.2017).
3. Грицай О. Сучасні підходи до формування громадянсько-патріотичного виховання школярів. URL: http://koippo414.at.ua/blog/suchasni_pidkhodi_do_formuvannja_gromadjansko_patriotichnogo_vikhovannja_

shkoljariv/2015-02-24-38 (дата звернення : 16.03.2018).

4. Концепція національно-патріотичного виховання дітей та молоді. URL: pnpu.edu.ua/files/vr/knpvdm16062015.doc (дата звернення : 25.12.2017).

5. Міністерство освіти і науки України. Наказ № 768 від 16 липня 2015 року. Про національно-патріотичне виховання в системі освіти. Позашкільна освіта. URL: http://osvita.ua/legislation/pozashk_osv/47457/ (дата звернення : 16.02.2018).

6. Стратегія національно-патріотичного виховання дітей та молоді на 2016–2020 роки. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/5802015-19494> (дата звернення : 16.02.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивченко Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, докторант докторантуры и аспирантуры Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivchenko Yuliya Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Doctoral Student of Doctoral Studies and Postgraduate Study of the National Academy of Internal Affairs

iv15@ukr.net

УДК 342.8 (477)

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ, СУДЕБНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Михаил ИЛЬНИЦКИЙ,
кандидат юридических наук, соискатель
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Современная избирательная система должна соответствовать принципам демократии и народовластия; обеспечивать максимальный уровень прозрачности проведения выборов, минимизацию возможностей фальсификаций, вмешательства для влияния на результат выборов; нейтрализовать любое внешнее вмешательство в избирательный процесс иностранных государств для влияния на исход выборов; быть достаточно понятной, чтобы избиратели имели возможности сделать собственный выбор; быть достаточно стабильной; обеспечивать условия для обновления власти, способствовать постоянной конкуренции на основе выполнения политическими силами задач государственного развития; быть гибкой; обеспечивать уровень стабильности политической системы, который эффективен для функционирования и развития государства; обеспечивать механизмы ответственности депутатов, воздействие общества на власть.

Ключевые слова: избирательная система, демократия, выборы, политика, правовое государство, процедуры.

ELECTORAL SYSTEM AS A FORM OF PARTICIPATION OF SOCIETY IN THE FORMATION OF STATE, REPRESENTATIVE, LEGISLATIVE, JUDICIAL AND EXECUTIVE AGENCIES

Mikhail ILNITSKIY,
Candidate of Law Sciences, Applicant
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The modern electoral system must correspond to the principles of democracy; ensure the maximum level of transparency in conducting the elections, minimize the possibility of falsifications, interfere with the impact on the election result; neutralize any external interference in the electoral process of foreign states to influence the results of elections; be sufficiently understandable for voters to have the opportunity to make their own choices; be rather stable; to provide conditions for the renewal of power, to promote constant competition on the basis of the fulfillment of the tasks of state development by the political forces; be flexible; ensure the level of stability of the political system that is effective for the functioning and development of the state; provide mechanisms for the responsibility of MPs, the influence of society on government.

Key words: electoral system, democracy, elections, politics, legal state, procedures.

Постановка проблемы. Одной из основ конституционного строя демократического государства является выборность как фундаментальный принцип формирования и функционирования институтов системы народовластия, органов публичной власти, общественных объединений, институтов гражданского общества и т.д. Выборность позволяет легитимизировать власть, что в условиях демократии означает переход власти от одной к другой политической силы на основе конституционных норм в соответствии с волей большинства.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что легитимной может быть признана только власть, сформированная на основе демократических

процедур, свободного волеизъявления лиц, имеющих право голоса, равенства всех участников политического процесса, их деятельности в рамках права. Выборность и легитимизация власти взаимосвязаны с такими правовыми институтами, как выборы и избирательная система.

Состояние научной разработанности темы. Избирательная система была предметом исследования в научных трудах таких ученых, как Г. Друзенко, Ю. Ключковского, В. Трипольского, В. Федоренко, В. Шаповала, Ю. Шемшученко, И. Сенюка, Ю. Шляхтуна и других, но единых подходов к освещению роли и места отдельных избирательных процедур в избирательном процессе, к анализу избиратель-

ных систем, формулировки самого понятия «избирательная система» нет.

Отдельные ученые рассматривают понятие «избирательная система» в широком и узком смыслах. В широком смысле под избирательной системой понимают систему общественных отношений, охватывающую порядок организации и проведения выборов представительных органов публичной власти [1, с. 206].

П. Шляхтун отмечает, что это совокупность норм, обеспечивающих участие граждан в формировании выборных органов государственной власти и местного самоуправления власти [2, с. 50].

А. Постриков считает, что это способ выдвижения кандидатов, голосова-

ние за них и определения результатов выборов [3]. Такие подходы к пониманию избирательной системы понятны, поскольку круг общественных избирательных отношений достаточно широк: определение инфраструктуры выборов, круга избирателей и лиц, которые будут избираться, процедуры на каждой стадии избирательного процесса.

В узком смысле избирательная система – способ определения результатов выборов. Именно от него зависит порядок распределения депутатских мандатов и механизм организации выборов. Как отмечает И. Сенюта, это способ определения того, кто из лиц, баллотировались, избран на должность стал депутатом [4, с. 301]. П. Шляхтун, дополняет, что это и способ голосования, и определение его результатов [2, с. 51].

Как видим, акцентируется внимание на понимании избирательной системы как принципа распределения мандатов (мажоритарного или пропорционального). Хотя не стоит забывать, что даже в более узком смысле понятие «избирательная система» включает более широкий круг отношений. Это, например, схема организации избирательных округов, порядок выдвижения кандидатов, организационные мероприятия по определению содержания избирательной документации, в частности бюллетеней и тому подобное.

Исходя из анализа содержания указанных определений понятий, следует рассматривать избирательную систему как компонент политической системы, представляющий собой совокупность законодательно определенных правил проведения выборов и регламентов осуществления избирательных процедур. При исследовании избирательных систем важное значение имеет выяснение политико-правовых факторов, влияющих на их формирование и функционирование. К таким факторам относят: политический, внутренне национальный и международный. По мнению Ю. Ключковского и Н. Богашевой, определяющим фактором формирования и функционирования избирательных систем является демократический политический режим, при котором «власть получает законную силу в ходе всеобщих выборов ..., благодаря свободным выборам получают возможность легально и легитимно работать органы представительной демократии» [5].

Демократический политический режим позволяет не допустить превращения избирательного процесса на техническую процедуру, как это может происходить при тоталитаризме, а обеспечить формирование и легитимизацию властных структур, исходя из таких принципов, как представительный характер власти, ее выборность, плюрализм и свобода политической деятельности, верховенство права.

На основе указанных принципов происходит формирование и функционирование таких основных структурных компонентов избирательной системы, как избирательное право и избирательный процесс. Как известно, избирательное право регулирует участие граждан в выборах и предоставляет избирательным демократическим принципам реальное содержание, закрепляя их на законодательном уровне. А избирательный процесс, в свою очередь, является их воплощением. Как видим, наличие в государстве демократического политического режима является политическим фактором формирования и функционирования демократической избирательной системы.

Демократическая избирательная система нуждается в правовой легитимации, что происходит путем закрепления на законодательном уровне таких общих принципов избирательного права, как всеобщее избирательное право, равное избирательное право, прямое голосование, тайное голосование, свободное участие в выборах и других. Не менее важным фактором формирования и функционирования избирательной системы является международный. Он проявляется через действие норм международного права, которые определяют международные избирательные стандарты. Как известно, к основным международным документам, регламентирующим международные стандарты выборов, относят: Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о политических правах женщин, Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод человека, Декларацию о критериях свободных и справедливых выборов и другие. Международные стандарты определяют как общепринятые требования, закрепленные международными соглашениями

или установленные международными организациями, которые определяют принципы и оптимальные формы проведения избирательных процедур с целью наиболее полной реализации избирательных прав граждан.

Избирательную систему нельзя рассматривать отдельно от выборов, она представляет собой совокупность установленных законом правил проведения выборов, осуществления отдельных процедур избирательной кампании, способов определения результатов голосования и тому подобное. Выборы, в свою очередь, также являются сложным политико-правовым институтом. В современном мире выборы как неотъемлемая часть общественной жизни выступают индикатором демократизма государственного режима и являются основной формой реализации суверенной власти народа. В современной науке конституционного права сформировались различные подходы к пониманию понятия выборов. Традиционно они рассматриваются как приоритетная форма непосредственной демократии с целью формирования состава органов публичной власти [6, с. 29] или как способ формирования коллегияльных представительских органов власти и местного самоуправления, коллегияльных органов управления политических партий в их конференциях и собраниях; коллегияльных органов управления представительских и других организаций, или как один из элементов политического самоутверждения граждан, политической самоорганизации гражданского общества [7, с. 14] и т. д.

Как известно, легитимация власти – это процесс, посредством которого государственная власть, ее действия, нормы, институты, должностные лица приобретают признаки легитимности, то есть становятся такими, что дает основания гражданам считать их справедливыми, законными и целесообразными. Это фактически коллективный процесс признания справедливого, законного и целесообразного характера власти, связанный с народным волеизъявлением. Вместе с тем большинство исследователей, анализируя выборы как форму легитимации, акцентируют внимание на процессе признания власти отдельных органов, должностных лиц или публичной вла-

сти в целом. При этом не в полной мере учитывается трехуровневый характер легитимности. То есть государственная власть как таковая, форма государства и его институты и конкретные субъекты, которые их олицетворяют, их политика, программы и действия. Поэтому проблему легитимации власти целесообразно рассматривать, исходя из указанных подходов.

Как политологическая, так и юридическая наука определяют различные формы легитимации власти, но с позиций теории государства и права заслуживает внимания классификация, предложенная Х. Вентурини, который утверждал о существовании трех форм правления: насильственной, наследственной и выборной, из которых наследственная и выборная исторически считаются легитимными. Отечественная государственно-правовая теория также признает утверждение о том, что форма правления любого государства среди прочего указывает на способ легитимизации государственной власти [9, с. 86].

Общеизвестной является Веберовская концепция легитимации власти, в соответствии с которой автором определены три ее формы: традиционная, харизматическая и рационально-правовая [8, с. 47].

Для демократического, правового государства характерно рационально-правовая легитимизация власти на всех уровнях. Как известно, ст. 5 Конституции Украины провозглашает, что народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления [10]. Указанная норма в дальнейшем развита в ст. 69 Конституции, закрепившей формы непосредственной демократии. Избиратели, голосуя, принимают коллективное решение, которое является фактически поручением избирательным комиссиям и другим компетентным органам осуществить все необходимые действия для юридического оформления их волеизъявления, то есть принятого решения по формированию избранного органа. В таком случае мы можем говорить о первичной легитимации органов государственной власти, что сводится к констатации ее соответствия общественным идеалам. Признается ее законность, доверие, санкционирования дальнейшей деятельности. Органы вла-

сти, избранные всенародным голосованием, получив полномочия депутата, реализуют право формировать от имени народа другие легитимные государственные институты.

Каждый орган государственной власти формируется исключительно в законодательно определенном порядке. Закрепление республиканской формы правления обеспечивает то, что ни один порядок формирования органов власти не может осуществляться без прямой или косвенной легитимации со стороны народа. Как видим, избиратели, выбирая персональный состав определенных органов власти, к примеру, Верховную Раду Украины, одновременно санкционируют формирование ими других государственных органов. Такой подход позволяет не допустить узурпации власти или формирования органов, которые бы действовали по собственному праву. Формируется персональный состав органов, составляют институциональный аспект государства, то есть происходит легитимация формы правления. Граждане, осуществляя волеизъявления, подтверждают эффективность существующей формы правления. Если происходит сознательный отказ от участия в выборах, легитимность, как формы правления, так и государственной власти значительно ослабляется, что свидетельствует о необходимости проведения реформ.

В теории государства и права существует мнение о том, что именно выборы дают возможность с наибольшей вероятностью предоставлять власть лучшим представителям общества. С этим можно согласиться, добавив, что выборы обеспечивают поддержку соответствующей политики государства, государственных органов со стороны большинства граждан. Не случайно некоторые политологи называют выборы своеобразной политической селекцией лидеров. Традиционно граждане передают власть тем лицам, которые, по их мнению, достойны выполнять свои функции.

Вместе с тем не всегда и не каждый народ может привести к власти лучших представителей. Результат выборов зависит от ряда духовных, экономических, политических, религиозных факторов. Важное значение имеют правовая и политическая культура, уровень сформированности граждан-

ского общества и тому подобное. Кроме того, большое значение имеет и то, что избиратели осознают преимущества выборов как формы демократии, и их поведение является рациональным. Если эти условия не исполняются, то и результат может быть прямо противоположный прогнозируемому. Ведь путем выборов может быть установлен не только демократический, но и авторитарный режим. Указанные факторы влияют на уровень требований к кандидату, и, безусловно, он будет неодинаков в демократическом правовом государстве и в государстве, где преобладают другие общественные ценности.

К сожалению, практика выборов в Украине свидетельствует, что довольно часто избиратель оказывается в ситуации выбора не между хорошим и очень хорошим, а между плохим и еще худшим. Так, к примеру, на президентских выборах 1999 года во втором туре выборов развернулась борьба между Л. Кучмой и П. Симоненко. В западноукраинских избирательных округах большинство граждан во втором туре проголосовали за Л. Кучму и против П. Симоненко, не видя лучшей, по их мнению, альтернативы. Хотя в первом туре голосовали против Л. Кучмы. Довольно часто такая ситуация «вынужденного выбора» приводит еще к более негативному явлению – абсентеизму.

Главным критерием легитимности формы правления будет эффективность проводимой формы правления, ее способность выполнять задачи, стоящие перед обществом и государством. С момента вступления в силу Конституции форма правления приобретает легальности и статусной легитимности, когда происходит формирование конституционных органов власти и закрепления общих юридических границ их деятельности.

Вторым уровнем легитимации формы правления является процедурная легитимация, при которой происходит формирование органов государственной власти, предусмотренных Конституцией, и прежде всего тех органов, которым поручается осуществлять учредительную власть и формировать другие органы государственной власти и их персональный состав. Таким образом, избиратели участвуют в коллек-

тивной легитимации существующей формы правления.

Украине как республике смешанного типа присуща «двойная» легитимация, суть которой заключается в том, что мандат доверия непосредственно от народа в результате прямых выборов получают парламент и президент. К положительным чертам двойной легитимации можно отнести то, что прямые выборы Президента создают дополнительный рычаг в пределах общего механизма «сдержек и противовесов»: глава государства выступает сдерживателем, не позволяет парламенту превратиться в коллективного диктатора и защищает общество от популистских решений парламента. В то же время недостатком такой легитимации является то, что она порождает перманентный конфликт между парламентом и Президентом в вопросе, кто из них является действительным выразителем интересов и потребностей избирателей. Поэтому на примере Украины мы наблюдаем, как оба высших органа власти зачастую используют все имеющиеся способы блокировки решений и действий друг друга. Такая ситуация снижает уровень стабильности и эффективности власти, расшатывает демократические принципы ее организации. Тем более, если лидеры дискредитируют себя в глазах народа, создается база для социальных потрясений и возможной нестабильности.

Заслуживает внимания мнение С. Серегинной о том, что преодоление так называемой «двойной» легитимации возможно при следующих условиях: переход к парламентской республике; применение избирательных систем, способствующих формированию мощных партий, а следовательно, и четкой структурированности парламента; доктринальное и юрисдикционное признание парламента единственным органом всенародного представительства и отрицанием дискреционных полномочий главы государства [8, с. 51].

Как видим, легитимация власти достаточно тесно связана с избирательной системой, применяемой в государстве. Поэтому выбор оптимальной избирательной системы – достаточно серьезный шаг для утверждения демократии. Потому что институт выборов в зависимости от избирательной системы может как способствовать конструктивному развитию политической системы, так и деструктивно влиять на политическую сферу.

Как показывает практика, развитие отечественной избирательной системы часто происходит на фоне решения вопроса о сохранении власти провластными силами. Избирательная система достаточно часто рассматривается как правовое средство, закрепляющее власть, исключает из политической борьбы конкурентов и сохраняет возможность административного контроля над осуществлением избирательных процедур.

Дискуссии вокруг избрания наиболее оптимальных избирательных систем продолжают постоянно. Многомерность проблемы порождает различные подходы к выбору оптимального и эффективного в Украине типа избирательной системы, взаимодействия избирательной системы с партийной системой. Избирательная система тесно связана с конституционной, политической и партийной системами. Введение той или иной избирательной модели – это не только юридический вопрос, а в определенной степени результат расстановки, соотношение политических сил в обществе. Это наиболее политизированная составляющая избирательного законодательства, достаточно красноречиво названная В. Шаповалом «юридизованной политикой» [11, с. 83].

Это связано с определяющей ролью в правовой регламентации избирательных процедур политических партий, причем правила игры определяют наиболее влиятельные из них, такой подход не характерен для демократического государства. Перманентное изменение избирательного законодательства в Украине – яркий пример политизации процесса разработки избирательных законов.

Законодательное проектирование избирательной системы следует начать с определения критериев, которым должна соответствовать демократическая избирательная система и которые будут определять цель такого подхода, суть представительского органа, которым его хотят видеть. По мнению Ю. Ключковского, основаниями для выбора той или иной избирательной системы в конкретных правовых и общественно-политических условиях должны быть следующие критерии: правовой, политологический и общественный. Правовой предполагает со-

блюдение определенных правовых предпосылок относительно достаточно широкого класса избирательных систем, выбор в пределах которых допустим. То есть соблюдение основных принципов избирательного права, содействие реализации основных избирательных прав граждан, соответствие конституционному статусу выборного органа. Нельзя игнорировать влияние избирательной системы на общественно-политические процессы, в частности структурирования политического спектра общества, вопрос стабильности правительства и другие воздействия, изучаются политической наукой. Поэтому Ю. Ключковский выделяет политологический аспект (целесообразности), то есть соответствие тем общественно-политическим целям, которые считаются необходимыми. Общественный критерий предусматривает общественное восприятие избирательной системы как справедливой, автор связывает с ее понятностью (степени сложности) и способностью рядового гражданина самостоятельно проверить достоверность распределения мандатов на основании результатов голосования и справедливо подчеркивает, что важно соблюсти все критерии в их совокупности, в частности политологический принцип целесообразности, должен рассматриваться как достижение общественно важных (а не узко эгоистических) целей и не должен выходить за пределы первого и третьего принципов [12, с. 92].

Давая оценку избирательной системы по критерию конституционности, важно учитывать либо она основывается на конституционных принципах либо избирательных принципах; реализуются ли избирательные права и законные интересы граждан и субъектов избирательного процесса; будут ли восприниматься результаты выборов как легальные.

При исследовании избирательной системы по критерию политической целесообразности важным является осознание ее действия как механизма влияния на политическую ситуацию. Избирательная система должна быть оптимальной, адекватной конкретным социально-политическим условиям и эффективной в достижении поставленных политико-правовых целей. В таком случае необходимость анализа

избирательной системы с точки зрения последствий, к которым приводит ее внедрение, среди которых стоит отметить следующие: содействие эффективности и стабильности публичной власти; возможность высших органов публичной власти эффективно выполнять свои функции; обеспечение избирательной системой формирования ответственной публичной власти и подотчетности индивидуальных представителей; стимулирование укрепления партийной системы, усиление роли партий в общественно-политическом процессе; обеспечение сменяемости политического состава парламента и формирования действенной оппозиции.

По критерию легитимности избирательная система оценивается с точки зрения интересов общества и отдельного избирателя. Легитимность как критерий дает понятие: является ли избирательная система понятной для избирателя, предоставляет ли избирателям возможность влияния на персональный состав представительного органа, позволяет ли минимизировать потерю голосов избирателей, обеспечивает ли репрезентативность представительного органа, способствует ли решению социальных конфликтов.

До сих пор сохраняются такие главные угрозы функционирования избирательной системы, как влияние на результаты выборов со стороны отдельных должностных лиц, политических сил и финансово-промышленных групп; фальсификации и искажения результатов волеизъявления граждан на послевыборный этапе политического процесса, и, как следствие, недостаточная легитимация государственной власти.

Выводы. Исходя из вышеуказанного, в ходе реформирования института выборов было бы целесообразно при внесении изменений в Конституцию предусмотреть конституционное закрепление характера избирательной системы, что увеличит ее стабильность, уменьшит риски для манипуляций. Кроме того, закрепить систему «открытых списков» при голосовании за партии и блоки. Такой порядок избрания позволит гражданам определять собственные приоритеты в избирательных списках, уменьшит вероятность постоянного возвращения к власти дискредитированных политических сил и ее

представителей. «Открытые списки» принудят политиков к ведению более публичной политической борьбы, открытой для общества, а политические силы – к более тщательному кадровому подходу к их формированию. Важное значение имеет обеспечение выполнения действующего законодательства о деятельности СМИ во время выборов, об ответственности за фальсификации и тому подобное.

Не менее важно ввести при реформировании Конституции реальный механизм внеочередных выборов. Это позволит предотвращать искажение результатов волеизъявления граждан на послевыборный этапе политического процесса; обеспечить ответственность перед избирателями; усилить эффективность общественного контроля и влияния на власть. Указанные изменения будут способствовать приведению избирательной системы к большому соответствию национальным интересам Украины; росту легитимности политической системы и государственной власти; увеличению прозрачности политического процесса в Украине, обновлению политической элиты; демократизации и открытости для общества политических сил и конкурентности в политической среде в Украине.

Не менее весомым остаются вопросы содержания народовластия как основы конституционного строя, его влияния на политическую модернизацию страны. Общество уже не устраивают законы, в которых фактически консервируются политические права граждан, когда право приспособлялось к условиям, которые ранее формировало правительство, а юристы, как мощный корпус позитивистов, обслуживали публичную власть, что, очевидно, отражало пренебрежение к общественным проблемам, а в конце, в итоге и к жизни всего народа. Сейчас остаются актуальными серьезные разногласия распределения власти на трех уровнях – общегосударственном, региональном и местном. При таких условиях власть может потерять в жизни общества связь доверия, а отчуждение между ними приобретет разрушительную силу для национально-государственного устройства. Неопределенность в Конституции Украины этих и других важных критериев и объема полномочий «самостоятельности»

субъектов народного волеизъявления привела к критической черте нерешенных региональных, местных, социально-культурных потребностей.

Список использованной литературы:

1. Федорів Х.І. поняття виборчої системи та її характеристика Прикарпатський вісник НТШ. Думка. 2012. № 3 (19). С. 205–213.
2. Шляхтун П. Конституційне право: словник термінів. К.: Либідь, 2005. 355 с.
3. Мостіпан О. Теоретичні засади визначення поняття «виборча система». URL: visnyk.amu.edu.ua/images/NV_PRAVO_1_2011(дата звернення 20.03.2017).
4. Сенюта І. Визначення поняття «вибори» і «виборча система». Держава і право. 2008. № 3. С. 297–303.
5. Богашева Н, Ключковський Ю. Еволюція виборчої системи в Україні. URL: <http://www.cvk.gov.ua/visnyk>.(дата звернення 20.03.2017).
6. Конституційно-правові форми безпосередньої демократії в Україні: проблеми теорії та практики / за ред. В. Погорілка. К.: Ін-т держави і права імені В. Корещького НАН України, 2001. 356 с.
7. Виборче право і виборчий процес в Російській Федерації / Відпов. ред. А. Іванченко. М.: НОРМА, 1999. 856 с.
8. Серьогіна С. Вибори як спосіб легітимізації форми правління: конституційно-правовий аспект. Вісник Центральної виборчої комісії. 2005. № 2(2). С. 45–52.
9. Загальна теорія держави і права / За ред. М. Цвіга. Х.: Право, 2002. 432 с.
10. Конституція України: Закон України від 28.06.1996 р. № 254/96 ВР (Із змінами, внесеними згідно із Законом від 01.02.2011р. № 2952-VI № 2952-VI Дата оновлення 12.06.2013. URL: zakon.rada.gov.ua/go/254k/96-vr (дата звернення: 20.03.2017).
11. Шаповал В. Проблема демократичності виборчої системи у контексті рішення конституційного суду України. Вибори та демократія. 2008. № 4. С. 82–84.
12. Ключковський Ю.Б. Загальні проблеми реформування виборчої системи в Україні. Вибори та демократія. № 4(18). 2008. С. 87–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильницький Михаил Степанович – кандидат юридических наук, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilitskiy Mikhail Stepanovich – Candidate of Law Sciences, Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs

УДК 343.97

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ В УКРАИНЕ

Илья КИСЕЛЁВ,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Анастасия ФИЛИПП,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется современное состояние и количественные показатели умышленных убийств в Украине. Для выяснения полной, объективной картины и выявления новых тенденций умышленных убийств в Украине авторами были проанализированы статистические данные об умышленных убийствах как без квалифицирующих признаков, так и с такими признаками, предусмотренными ч. 2 ст. 115 УК Украины. Проанализирована динамика этих преступлений за последние 5 лет, определены их основные тенденции. Исследование базируется на обобщенных статистических данных за 2013–2017 годы.

Ключевые слова: преступность, состояние, структура, преступления против жизни и здоровья, динамика преступлений, умышленное убийство, квалифицирующие признаки.

STRUCTURE AND DYNAMICS OF INTENTIONAL MURDERS IN UKRAINE

Ilya KISELEV,

Candidate of Law Sciences,
Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Anastasiia FILIPP,

Candidate of Law Sciences.,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the current state of intentional murders and intentional murders with qualifying features in Ukraine. To find out the full, objective picture and reveal new tendencies of premeditated murders in Ukraine, the authors analyzed statistical data of intentional murders, both homicides without qualifying features, and murders with the features provided in Part 2 of Art. 115 of the Criminal Code of Ukraine. The dynamics of these crimes over the past 5 years has been analyzed, their main tendencies are determined. The research is based on generalized statistics data for 2013–2017 years.

Key words: crime, state, structure, crimes against life and health, the dynamics of crimes, intentional murder, qualifying features.

Постановка проблемы. Основной Закон государства – Конституция Украины [1] (далее – Конституция) в ст. 3 провозглашает, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью, а в соответствии с положениями ст. 27 Конституции никто

не может быть своевольно лишен жизни; обязанность государства – защищать жизнь человека. К сожалению, несмотря на провозглашение указанных принципов, далеко не все граждане их соблюдают. Из года в год в Украине совершается достаточно много умышленных убийств.

В течение последних пяти лет в Украине наблюдаются определен-

ные изменения в структуре и динамике умышленных убийств, которые демонстрируют отдельные черты насильственной преступности направленной против личности, а также эффективность профилактических мероприятий государства в этом направлении.

Уголовная ответственность за умышленное убийство (без квалифицирующих признаков) предусмотрена в ст. 115 Уголовного кодекса Украины [2] (далее – УК Украины). В частности, в ч. 1 ст. 115 УК Украины говорится: «Убийство, то есть умышленное противоправное причинение смерти другому человеку». В свою очередь, в ч. 2 ст. 115 УК предоставляется перечень отягчающих умышленное убийство обстоятельств. Для выяснения полной, объективной картины и выявления новых тенденций умышленных убийств в Украине нами были проанализированы статистические показатели умышленных убийств как без отягчающих обстоятельств, так и с такими обстоятельствами, с разбивкой по каждой отдельно.

Актуальность темы исследования. Как справедливо отмечают отдельные ученые в исследованиях по этой тематике, «вопрос уголовной ответственности за посягательство на жизнь относятся к тем, которые, видимо, никогда не испытывали недостатка внимания со стороны исследователей» [3, с. 1]. В свою очередь, в центре внимания криминологов находятся основные показатели насильственной преступности и преступлений против жизни, особенно – умышленных убийств, которые составляют своеобразное «ядро».

Кроме того, именно показатели умышленных убийств и посягательств на здоровье человека является своеобразным индикатором уровня развития страны, криминальной ситуации в ней и эффективности деятельности государства. Данные об умышленных убийствах отражают также и моральный уровень общества.

Изменения в социально-экономической ситуации в Украине, происходящие в последние годы, в конце концов, привели к некоторым изменениям в структуре насильственной преступности. Прежде всего, речь идет об умышленных убийствах, динамика и структура которых претерпели серьезные изменения, начиная с 2013 года.

Соответствующие процессы происходят на фоне многочисленных реформ (в том числе, в правоохранительной сфере) и отдельных, негативных событий на востоке и юге Украины. Существенно изменилась и преступность в целом, по сравнению с предыдущими годами.

Состояние проблемы. Проблематика насильственной преступности в целом и умышленных убийств в частности разрабатывалась в трудах А.И. Аванесова, Ю.М. Антояна, В.С. Батиргареевой, Ю.В. Баулина, В.В. Василевича, М.Г. Вербенского, Б.Н. Головкина, И.М. Даньшина, А.Н. Джужу, А.И. Долговой, В.Ф. Захарова, А.П. Закалюка, А.Ф. Зелинского, А.В. Копана, А.Н. Костенко, Г.Л. Кригера, В.В. Лунёва, А.М. Литвака, С.А. Шалгуновой, А.М. Яковлева и др.

Несмотря на актуальность проведенных исследований, за последние пять лет проблематика умышленных убийств основательно не исследовалась. Исключение составляют отдельные исследования, которые не дают комплексного представления о состоянии и динамики умышленных убийств в целом и отдельных видов квалифицированных убийств отдельно.

Целью и задачей статьи является освещение последних тенденций в сфере совершения умышленных убийств и умышленных убийств с квалифицирующими признаками.

Изложение основного материала. Прежде всего, следует отметить, что существующая сегодня ситуация в сфере умышленных и неосторожных убийств, и вообще в сфере насильственной преступности в Украине отличается от того, что наблюдалось во времена до «Революции достоинства». Одной из причин существенных изменений в статистических данных, безусловно, является введение в действие нового (на то время) Уголовного процессуального кодекса Украины и изменения порядка отчетности. Кроме того, не последнее место среди причин «ухудшения» криминальной обстановки в стране принадлежит и сложному переходному «послереволюционному» периоду.

В целом необходимо отметить, что вплоть до конца 2013 года общий уровень насильственной преступности, который ежегодно фиксировался право-

охранительными органами, был ниже, чем тот, что существует сегодня. В то же время в новых реалиях с 2013 до 2017 года состояние и структура насильственной преступности также менялись, и это происходило уже в «новых» условиях.

Анализируя изменения в динамике и структуре умышленных и неосторожных убийств, целесообразным будет их рассмотреть наряду с общим количеством преступлений, зарегистрированных в соответствующем году, а также с общей количеством зарегистрированных преступлений против жизни и здоровья. Начиная с 2013 года, в Украине ежегодно официально регистрируется более 500 тыс. преступлений. Так, в 2013 году зарегистрировано 563 560 преступлений, в 2014 – 529 139, в 2015 – 565 182, в 2016 – 592 604, в 2017 – 523 911 [4]. Как можно увидеть, общее количество преступлений, которые ежегодно регистрируются правоохранительными органами, меняется, причем в 2015–2016 годах наблюдается существенное увеличение зарегистрированных преступлений, а в 2017 – заметное уменьшение их общего количества.

Динамика преступлений против жизни и здоровья однозначно демонстрирует тенденции сокращения их общего количества. По состоянию на конец 2013 года в Украине было зарегистрировано 71444 преступлений против жизни и здоровья, в 2014 – 61064, в 2015 – 53317, в 2016 – 45660, в 2017 – 37826. Как можно увидеть в абсолютных числах, количество ежегодно зарегистрированных насильственных преступлений некорыстной направленности уменьшилась почти в полтора раза. Необходимо также обратить внимание на тот факт, что уменьшение количества насильственных преступлений против личности происходило на фоне умеренного роста и уменьшения общего уровня преступности. Такой вывод указывает на то, что детерминанты насильственной преступности и преступности в целом не совпадают. При этом изменения насильственной преступности в количественном выражении идут вопреки общим тенденциям преступности в Украине.

Переходя к рассмотрению умышленных убийств и преступности, объектом которой является жизнь чело-

века, необходимо сказать, что начиная с 2013 года наблюдается общее увеличение количества умышленных убийств, которые регистрируются ежегодно. В 2013 году в Украине было зарегистрировано 5792 умышленных убийств без отягчающих обстоятельств (квалифицированных по ч.1 ст. 115 Уголовного кодекса Украины). В 2014 – 11018, в 2015 – 7993, в 2016 – 5870, в 2017 – 5029 простых умышленных убийств. Как видно из абсолютных показателей, количество данных преступлений достаточно существенно менялась в течение непродолжительного промежутка времени. К концу 2017 года наблюдается снижение уровня умышленных убийств в Украине по сравнению со статистикой прошлых лет и на начало анализируемого периода (2013 год).

Наряду с этим необходимо учитывать, что приведенные показатели не отражают реальных тенденций по неклассифицированным убийствам. Несмотря на уменьшение в абсолютных числах количества ежегодно регистрируемых умышленных убийств в течение 2013–2017 годов (за исключением их увеличения в 2014–2015 годах), в действительности происходит увеличение их удельного веса. Так, если в 2013 году удельный вес неклассифицированных умышленных убийств, предусмотренных ч.1 ст.115 УК Украины, составлял 8,1% от общего количества преступлений против жизни и здоровья, то в 2017 году этот показатель достигает 13,3% (при этом, в отдельные годы он составлял 18% (2014) и 15% (2015)). Безусловно, это достаточно негативно характеризует ситуацию. Несмотря на существенное общее уменьшение количества насильственных преступлений против жизни и здоровья, удельный вес умышленных убийств за последние пять лет выросла почти в 1,5 раза. В общем разрезе (что касается преступности в целом) удельный вес неклассифицированных умышленных убийств остается одинаковым, составляя примерно 1% от всех преступлений, регистрируемых в течение года на территории Украины.

Продолжая рассмотрение основных тенденций умышленных убийств, совершенных в Украине в течение последних пяти лет, следует отметить наличие «внутренних» тенденций, присущих отдельным видам квалифи-

цированных убийств. Частью второй ст. 115 УК Украины в соответствующих пунктах предусмотрено достаточно широкий перечень квалифицирующих признаков умышленного убийства, в связи с чем целесообразно проанализировать состояние и динамику отдельных из них.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, что совершение умышленных убийств с определенными квалифицирующими признаками не очень распространено в Украине. Речь идет о тех квалифицирующих признаках, которые год от года почти не находят своего выражения в данных уголовно-правовой статистики. Среди таких можно назвать: умышленное убийство заложника, или похищенного человека (п. 3 ч. 2 ст. 115 УК Украины); умышленное убийство лица или его близкого родственника в связи с исполнением этим лицом служебных или общественных обязанностей (п. 8 ч. 2 ст. 115 УК Украины); умышленное убийство по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости (п. 14 ч. 2 ст. 115 УК Украины). В течение последних пяти-семи лет не регистрируется более 3-5 фактов указанных преступлений в год. В криминологической литературе высказываются различные точки зрения по поводу данной ситуации. В подавляющем большинстве случаев, указывается на недостатки в документировании и расследовании соответствующих преступлений (в том числе на сложность доказывания перечисленных выше квалифицирующих признаков), а также на сознательное, преднамеренное «занижение» соответствующих «нежелательных» показателей (например, квалификация убийства по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости как обычного убийства). Тем не менее, опираясь на данные уголовно-правовой статистики, необходимо констатировать, что состояние и динамика умышленных убийств, а также их удельный вес, с рассмотренными выше квалифицирующими признаками остаются «стабильными».

Другая ситуация с отдельными видами квалифицированных умышленных убийств, предусмотренных соответствующими пунктами части второй ст. 115 УК Украины. Наиболее распространенным на практике (согласно ста-

стистическим данным) является такой квалифицирующий признак умышленного убийства, как совершение его по предварительному сговору группой лиц (п. 12 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Другими словами, наиболее часто среди всех зарегистрированных случаев совершения умышленного убийства с отягчающими обстоятельствами встречается его совершения двумя или более лицами. Анализ имеющихся статистических данных показывает, что в последние годы произошло существенное увеличение таких преступлений.

Если в 2013 году умышленных убийств совершенных двумя или более лицами было зарегистрировано 85, то в 2014 – 154, в 2015 – 134, в 2016 – 115, в 2017 – 110. Безусловно, можно сказать, что в 2017 году, по сравнению с 2014 и 2015, таких фактов зарегистрировано меньше. Сравнивая начало и конец анализируемого периода, можно утверждать, что количество умышленных убийств в Украине, которые совершаются по предварительному сговору группой лиц, увеличилось почти на 30% за последние пять лет. Не вызывает сомнений, что существенное увеличение данного вида умышленных убийств указывает на наличие негативных тенденций в групповой и организованной преступности направленной против жизни человека в Украине.

Рассматривая такой вид квалифицированного умышленного убийства, как лишение жизни малолетнего ребенка или женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности (п. 2 ч. 2 ст. 115 УК Украины), следует отметить тенденции к увеличению. На конец 2013 года в Украине было зарегистрировано 41 факт умышленного убийства малолетнего ребенка или женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, однако, уже начиная с 2014 года, этот показатель не опускается ниже 60 фактов в год.

В частности, в 2014 году зарегистрировано 60 убийств с указанным квалифицирующим признаком, в 2015 – 66, в 2016 – 68, в 2017 – 65. Интересным является и тот факт, что в отличие от других видов квалифицированных умышленных убийств и обычных неклассифицированных убийств, количество ежегодно совер-

шаемых убийств с этим квалифицирующим признаком не снижается в 2016–2017 годах, на которые приходится обострение социально-политической ситуации в Украине, а также активные боевые действия на востоке страны. По сравнению с 2013 годом количество деяний, квалифицируемых как умышленное убийство малолетнего ребенка или женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности, увеличилось почти на 50%, что вызывает беспокойство.

Наряду с рассматриваемым выше видом квалифицированного убийства демонстрируют тенденции увеличения и убийства совершенные способом, опасным для жизни многих лиц (п. 5 ч.2 ст. 115 УК Украины). К концу 2013 года такие факты в Украине почти не регистрировались. В течение указанного года официально зарегистрировано 4 факта совершения умышленного убийства способом, опасным для жизни многих лиц. В то же время уже в 2014 году таких убийств зарегистрировано 214, в 2015 – 352, в 2016 – 35, а в 2017 – 26. Резкий рост количества умышленных убийств, совершенных способом опасным для жизни многих лиц, объясняется активными боевыми действиями на востоке Украины. Значительная часть посягательств на жизнь людей на данной территории страны подпадает под указанный квалифицирующий признак.

Тем не менее, необходимо обратить внимание на тот факт, что после окончания активной фазы боевых действий ежегодное количество убийств совершенных способом, опасным для жизни многих лиц, не вернулось к показателям 2013 года, а осталось достаточно высоким. Увеличение количества рассматриваемых преступлений, несомненно, связано со значительным увеличением наличия оружия и взрывных устройств у населения. Нередки случаи, когда преступники используют гранаты или другие взрывные устройства в качестве орудий совершения преступления или используют их против сотрудников полиции во избежание задержания и уголовной ответственности.

Тенденции к росту демонстрируют также и умышленные убийства по хулиганским мотивам (п. 7 ч. 2 ст. 115 УК Украины). На конец 2013 года общее количество зарегистрированных убийств

с этим квалифицирующим признаком равнялось 19. Начиная с 2014 года, количество таких умышленных убийств растет, с уменьшением в 2015 – 2016 годах. Так, в 2014 году было зарегистрировано 29 фактов, в 2015 – 19, в 2016 – 16, в 2017 – 23. По сравнению с началом анализируемого периода количество убийств из хулиганских побуждений увеличилась почти на 20%. И хотя в абсолютных показателях количество таких преступлений относительно невелико, в разрезе увеличения количества данного вида умышленных убийств наблюдаются тревожные изменения.

Аналогичная ситуация наблюдается по умышленным убийствам, совершенным по заказу (п. 11 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Учитывая, что такие факты достаточно сложно расследовать и доказывать, имеет место высокий уровень латентности данных преступлений. Можно сказать, что приведенные данные не в полной мере демонстрируют реально существующую ситуацию. Тем не менее, учитывая общее количество зарегистрированных в Украине в течение последних пяти лет умышленных убийств на заказ, сейчас наблюдается их рост. В 2013 году было зарегистрировано 7 заказных убийств, в 2014 – 13, в 2015 – 8, в 2016 – 12, в 2017 – 9. Таким образом, начиная с 2013 года идет планомерный рост показателей умышленных убийств на заказ, за исключением почти двойного увеличения в 2014 и 2016 годах.

Особое любопытство среди квалифицированных составов умышленных убийств составляет и умышленное убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство (п. 13 ч. 2 ст. 115 УК Украины). В то же время, начиная с 2013 года, наблюдается явная негативная тенденция их ежегодного прироста. Все больше случаев, в которых за совершение умышленного убийства привлекаются лица, ранее совершавшие подобные преступления. Необходимо отметить, что указанные тенденции имелись и до рассматриваемого периода (в частности, в 2004–2012 лет), когда отмечалось двойное увеличение части специального рецидива, у лиц, совершивших умышленное убийство [5, с. 76]. Если в 2013 году этот показатель равнялся 64 фактам в год, то в 2017 – уже 78. При этом

существенное увеличение рецидива умышленных убийств наблюдалось в 2014 и 2016 годах (по 96 фактов течение года, за каждый год), а в 2015 году, было зарегистрировано также значительно больше повторных умышленных убийств – 76 преступлений.

Сравнивая начало и конец анализируемого периода, можно сказать, что количество умышленных убийств, совершенных лицами, ранее совершавшими умышленное убийство, выросла почти на 23%.

Рассматривая статистические данные об умышленных убийствах в Украине за последние пять лет, необходимо отметить и тенденции уменьшения их количества по отдельным квалифицирующим признакам. В частности, уменьшилось количество ежегодно совершаемых умышленных убийств с такими квалифицирующими признаками как: а) убийство двух или более лиц (п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины); б) убийство, совершенное с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины); в) убийство из корыстных побуждений (п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины); г) убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины); д) убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти неестественным способом (п. 10 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Без сомнений, некоторые из приведенных квалифицирующих признаков были достаточно распространенными, учитывая статистические данные прошлых лет.

Так, например, за исключением тех лет, на которые пришлось активные боевые действия на Востоке Украины (2014 и 2015 годы), сократилось количество умышленных убийств двух или более лиц (п. 1 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Если в 2013 году таких фактов было зарегистрировано 93, то в 2014 – 617, в 2015 – 319, в 2016 – 91, в 2017 – 67. Учитывая начало и конец анализируемого периода, количество убийств с данным квалифицирующим признаком сократилась почти на 28%.

Аналогичная ситуация прослеживается по убийствам, совершенным с особой жестокостью (п. 4 ч. 2 ст. 115 УК Украины). В 2013 году было официально зарегистрировано 39 убийств с особой жестокостью, в 2014 – 24 в

2015 – 22, в 2016 – 17, в 2017 – 26. Несмотря на то, что общая тенденция планомерного уменьшения их уровня заканчивается в 2017 году, по сравнению с 2013 годом, их стало меньше на 33%.

Кроме этого, существенно сократилось количество официально зарегистрированных умышленных убийств, совершенных из корыстных побуждений (п. 6 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Если на конец 2013 года их было зарегистрировано 136, а в 2014 – 146, то в 2015 – 110, в 2016 – 123, в 2017 – 96. Таким образом, в целом, общее количество убийств из корыстных побуждений сократилась на 29%.

Завершая обзор общих тенденций умышленных убийств в Украине за последние пять лет, необходимо также отметить уменьшение количества ежегодно регистрируемых умышленных убийств с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины). Так количество зарегистрированных случаев: 2013 год – 20, 2014 – 19, 2015 – 17, 2016 – 14, 2017 – 9 случаев. А также умышленных убийств, сопряженных с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти неестественным способом (п. 10 ч. 2 ст. 115 УК Украины): 2013 год – 10, 2014 – 13, 2015 – 8, 2016 – 9, 2017 – 8.

Учитывая тот факт, что на практике встречается ошибочная и неправильная квалификация посягательств на жизнь человека, целесообразно также проанализировать и статистические данные об умышленных тяжких телесных повреждениях, повлекших смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 121 УК Украины). В течение последних пяти лет наблюдается тенденция существенного уменьшения таких преступлений (по данным официальной статистики). Так, в 2013 году было зарегистрировано 791 тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, в 2014 – 759, в 2015 – 673, в 2016 – 695, а в 2017 – 604 преступления. Темпы спада рассматриваемых деяний в целом совпадают с общим количеством умышленных убийств, которые регистрируются ежегодно. Это позволяет сделать вывод о достаточно высокой достоверности информации, которая отображается и анализируется в статистических данных. Кроме того, можно сделать вывод, что пока нет общих за-

метных тенденций массовой переквалификации деяний (с умышленного убийства на причинение тяжких телесных, повлекших смерть), так как общий спад можно увидеть по обоим направлениям.

Выводы. Завершая анализ статистических данных по умышленным убийствам, зарегистрированным в Украине в течение последних пяти лет, можно констатировать наличие существенных изменений. В целом количество ежегодно совершаемых умышленных убийств (в том числе квалифицированных) постепенно становится меньше, о чем свидетельствуют статистические показатели. В то же время наряду с уменьшением общего количества убийств в абсолютных числах их удельный вес в составе преступлений против жизни и здоровья существенно увеличился. Проведенные расчеты показывают, что по состоянию на конец 2013 года среди общего количества преступлений против жизни и здоровья умышленные убийства составляли 8,1%, но к концу 2017 их удельный вес достиг уже 13,3%.

В течение последних пяти лет демонстрируются тенденции увеличения количества таких видов квалифицированных убийств: совершенных способом, опасным для жизни многих лиц; из хулиганских побуждений; на заказ; по предварительному сговору группой лиц; совершенных лицами, ранее совершившими умышленные убийства.

Наряду с этим уменьшилось количество ежегодно регистрируемых умышленных убийств двух или более лиц; убийств с особой жестокостью; убийств из корыстных побуждений; убийств с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и убийств, сопряженных с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти неестественным способом.

Список использованной литературы:

1. Конституція України від 28 червня 1996 р. / Верховна Рада України. Відомості Верховної Ради. 1996. № 30. Ст. 141 (станом на 30.09.2016р.). URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.

2. Кримінальний кодекс України від 05 квітня 2001 р. / Верховна Рада України. Відомості Верховної Ради. 2001. № 25. Ст. 131 (станом на 18.04.2018р.). URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

3. Яремко Г.З. Асоціація норм про вбивство в кримінальному законі України: законодавча доцільність чи недолугість? Часопис Академії адвокатури України. 2012. № 16(3). С. 1–7. URL: <http://e-pub.aau.edu.ua/index.php/chasopys/article/viewFile/290/311>.

4. Статистична інформація про стан злочинності та результати прокурорсько-слідчої діяльності за 2013–2017 роки. URL: <https://www.gp.gov.ua/ua/statinfo.html>.

5. Ігнатов О.М. Кримінально-правова характеристика осіб, які вчиняють умисні вбивства. Науковий вісник Херсонського державного університету. 2013. № 5. Т. 2. С. 71–76.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселёв Илья Александрович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Филипп Анастасия Владимировна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiselev Iliia Aleksandrovich – Candidate of Law Sciences, Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

law.reserch@gmail.com

Filipp Anastasiia Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

anastasia.f1012@gmail.com

UDC 35-051:316.477:316.42:061.1ЄC

OFFICIAL CAREER IN THE STATE ADMINISTRATION SYSTEM IN THE CONDITIONS OF THE STATE SERVICE REFORM IN ACCORDANCE WITH THE EUROPEAN UNION REQUIREMENTS

Tatyana KOBZEVA,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative,
Commercial Law and Financial and Economic Security,
Educational and Scientific Institute of Law,
Sumy State University

Yevheniia MYKHAILOVSKA,

Postgraduate Student at the Department of Administrative,
Commercial Law and Financial and Economic Security,
Educational and Scientific Institute of Law,
Sumy State University

SUMMARY

The article is devoted to the complex study of the civil servant career in the system of public administration in the context of reforming the civil service and national legislation to the requirements of the European Union. The actual definition of the «civil servant career» concept is proposed on the basis of the following documents interpretation: the new edition of the Law of Ukraine «On Civil Service», the Strategy of Reforming the Civil Service System in Ukraine, and the Concept of Adaptation of the Civil Service In Ukraine to the Standards of the European Union. The rights and restrictions as for the right to enter and conduct civil service in Ukraine by the positions and ranks specified in the current legislation of Ukraine are considered.

Key words: civil service, civil servant, service career, civil servant career, civil servant's right, civil service position, civil servants rank, civil service reform in accordance with the requirements of the European Union.

СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Татьяна КОБЗЕВА,

доктор юридических наук, доцент кафедры административного,
хозяйственного права и финансово-экономической безопасности
Учебно-научного института права
Сумского государственного университета

Евгения МИХАЙЛОВСКАЯ,

аспирант кафедры административного, хозяйственного права и финансово-экономической безопасности
Учебно-научного института права
Сумского государственного университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию служебной карьеры государственного служащего в системе государственного управления в условиях реформирования государственной службы и национального законодательства с требованиями Европейского Союза. Предложено собственное определение понятия «служебная карьера государственного служащего» на основании интерпретации правовых норм новой редакции Закона Украины «О государственной службе», Стратегии реформирования системы государственной службы в Украине и Концепции адаптации института государственной службы в Украине к стандартам Европейского Союза. Рассмотрены права и ограничения по реализации права поступления и прохождения государственной службы в Украине по должностям и рангам, которые указаны в действующем законодательстве Украины.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, служебная карьера, служебная карьера государственного служащего, право на государственную службу, должность государственной службы, ранги государственных служащих, реформирование государственной службы в соответствии с требованиями Европейского Союза.

Introduction. In Ukraine, during the long time, measures to integrate the state into the European legal space are implemented as well as to fulfill the obligations assumed by the Ukrainian

state within the framework of the Partnership and Cooperation Agreement between Ukraine and the European Union. The course for modernization and European integration set by the President

of Ukraine is strategic and multilateral, which in turn puts many functional tasks for Ukraine and requires comprehensive analytical approach to studying the foundations of state administration in the EU.

It is necessary to create appropriate conditions for large-scale internal transformations for Ukraine to develop freely in a democratic, economically developed, socially oriented state. This, in turn, will contribute to European integration processes [1, p. 3].

If we analyze the internal large-scale transformations in Ukraine, it should be noted that significant progress has been made in the development of the civil service system and in the near future the civil service system will be able to meet the European standards defined for the countries of the European Union according to the indicators developed by OECD / SIGMA.

Annual assessment of the civil service resource held by the European Union in the candidate countries is carried out in six main areas. The six areas mentioned are as follows: the legal status of civil servants; legal status, responsibility and accountability of civil servants; impartiality and honesty of civil servants; efficiency of the civil servants management and personnel control; professionalism and stability of civil servants; development of civil service resources in the field of European integration [2, p. 21].

Realization of state-official relations (official career) is an integral part of the legal status of a civil servant. It is the study of the civil servant's career in the system of public administration that will allow us to find answers to the main issues that arise during the reform of the civil service and to carry out the reforms in accordance with the requirements of the European Union, which determines the relevance of the topic of our research.

Processing. The concept of «official career» is versatile and multifaceted. The research of the issues of the civil servant's career in various aspects and legal field was carried out by such outstanding scientists as V. B. Averyanov, O.F. Andriiko, D.V. Balukh, Yu.Yu. Baltsiy, L.R. Bila-Tiunova, Yu.P. Bytiak, S.V. Vasyliiev, I.P. Golosnichenko, I.S. Grytsenko, E.V. Dodin, S.D. Dubenko, M. O. Illichov, M.I. Inchin, I.O. Karguzova, C.B. Kivalov, I.B. Koliushko, V.K. Kolpakov, A.T. Komziuk, I.F. Korzh, V.R. Kravets, A.M. Kulish, V.Ya. Malynovsky, N.R. Nyzhnik, O.Yu. Obolensky, V.M. Soroko, M.P. Orzikh, O.M. Rudenko, A.O. Selivanov, V.F. Sirenko, O.F. Skakun, A.B. Surylov, Yu.M. Starylov, T.I. Pakhomova, O.V. Petryshyn, O.S. Prodaevich,

O.P. Ryabchenko, G.V. Fomich, O.F. Frytsky, M.I. Tzurcan, V.M. Shapoval, Yu.S. Shemshuchenko, N.V. Yanyuk, M.K. Yakymchuk and others.

The purpose of the article lies in the complex study of the civil servant career as an integral element of the implementation of state-service relations, which regulates the legal status of civil servants in the system of public administration in the conditions of reforming the civil service and national legislation to the requirements of the European Union.

The main part. European integration of Ukraine has both historical and economic preconditions. In the process of Ukraine's independence establishment, the need for close interaction with Europe becomes even more obvious. Since integration at any level is impossible without an effective mechanism for its implementation, public administration is the first area that needs attention in determining the priority areas of state development [2, p. 60].

Of course, the system of public administration in Ukraine should be the indicative instrument that ensures the life of society in the conditions of European integration. Nowadays, the civil service is reduced to the executing of the public administration functions which is considered in a broad sense, that is, as the management of all bodies in the system of legislative, executive and judicial power. Public administration in this sense characterizes all activities of the state, associated with the organizing influence of the special subjects of the right to social relations. The implementation of state-service relations relies on civil servants.

The term «civil servant» has become legally conferred in Article 1 of the Law of Ukraine «On Civil Service» this notion means: «A citizen of Ukraine, who holds a civil service in a government body or another state body, receives wages for account of funds of the state budget and carries out the powers established for this post directly related to the implementation of the tasks and functions of such a public body, and adheres to the principles of civil service» [3].

Consequently, the post of a civil servant can only be obtained by a citizen of Ukraine, who holds a position in the relevant state body, executes the powers established for this position, directly related to the execution of the tasks and functions of such a public body, and adheres to the principles

of civil service. The principles of the civil service include: the rule of law, the principle of legality, the principle of professionalism, the principle of patriotism, the principle of integrity, the principle of effectiveness, the principle of equal access to public service, the principle of political impartiality, the principle of transparency, the principle of stability. All civil servants occupy certain positions in an appropriate state body or its apparatus and perform a specific official function.

The emergence of each particular legal relationship according to the post related to the execute and regulatory power is determined by the procedure for the formation of a state body and the way of staffing it. The peculiarity of the legal status of public authorities and public administration, which has its powers of execution of state functions, also determines the special nature of labor relations among citizens who enter the civil service in relation to the organization and management of relevant spheres of public life [6, p. 30].

In our opinion, career is the main component of any hierarchical system. Each civil servant has in mind certain career goal, prospect of obtaining higher wages, and accordingly the leadership of the state and government institutions seek to achieve the timely provision of the required number of personnel with the relevant professional experience and seek to direct the activities of the state body to maximize the use of professional skills of civil servants in behalf of the achievement of the goals and the decision of the state body. That is, the relevant issue for both government and government authorities and civil servants is a career in various aspects. Official career is a key element of the civil service, since it directly accompanies all the leading sub-institutes of the civil service institute (admission to civil service, advancement in civil service, legal status of a civil servant, termination of civil service, legal liability of civil servants, etc.).

L. R. Bila-Tiunova states that the career as a public-law phenomenon is characterized by the fact that it is: a) strategic; b) dynamic; c) carried out in space and in time; d) inextricably linked with government activities; e) combination of individual and public interests; g) has the final result of reaching a certain official (social) position; h) is possible in case if civil servant and the state interact [7, p. 6].

That is, we come to the conclusion that official career is a strategically planned, motivational-legal link between a public authority and a public servant who can really influence the institute of civil service.

Career of a civil servant is «consciously chosen way of official promotion, the desire to achieve a certain status – social, official, qualificational, professional, which promotes self-affirmation of a civil servant as a person and self-realization, as a citizen in public relations» [8, p. 194]

Yu.M. Starylov points out that «in the Western countries, service is often referred to as» the implementation of an official career «. Official service is a «long process, beginning with the emergence of state-service relations, that is, since the replacement of the position of a civil servant, with the subsequent displacement of the employee, evaluation and attestation of employees, and ends with the termination of state-service relations [9].

Taking as a basis the interpretation of the legal norms of the new edition of the Law of Ukraine «On Civil Service», the Strategy of Reforming the Civil Service System in Ukraine and the Concept of Adaptation of the Civil Service in Ukraine to the standards of the European Union, we propose the definition of «civil servant career» term is a long-term organized process of promotion of a civil servant taking into account the personal qualities of a civil servant, his experience, professionalism, competence, qualification, which starts from the moment of admission to the civil service, with the subsequent movement of the employee, by occupying him a higher position on a competitive basis or by assigning him a higher rank, taking into account the categories of civil service positions and the rank of civil servants, as the type of special ranks that they are assigned and ending with the termination of the civil service.

The analysis of the law on admission to the civil service in different countries shows that practically each of them provides the right to equal access of citizens to the civil service on the basis of professional abilities, regardless of their political views, race, religion, national origin, gender, age, and family status even the disability (if it does not interfere with the performance of official duties) with full respect for their constitutional rights and personal life.

In accordance with Article 19 of the Law of Ukraine «On Civil Service», the right to enter public service in Ukraine have adult citizens of Ukraine who are fluent in the state language and who have a higher education degree not lower than: the master's degree – for categories «A» and «B»; bachelor, junior bachelor – for positions of category «C» [3].

It should be underlined that, in accordance with Article 6 of the Law of Ukraine «On Civil Service», all civil service positions in state bodies are divided into categories depending on the order of appointment, the nature and extent of powers and the qualifications and professional competence of civil servants necessary for their fulfillment. The current legislation establishes 3 categories of civil service positions:

– category «A» (the highest civil service corps) – which includes positions: the state secretary of the Cabinet of Ministers of Ukraine and his deputies, state secretaries of ministries; heads of central executive bodies, which are not members of the Cabinet of Ministers of Ukraine, and their deputies; the heads of the constitutional court of Ukraine, the Supreme Court, the high specialized judges and their deputies, heads of the secretariats of the High Council of Justice, the High Qualifications Commission of Judges of Ukraine and their deputies, the Head of the State Judicial Administration of Ukraine and his deputies; heads of civil service in other state bodies whose jurisdiction extends over the entire territory of Ukraine;

– category «B» – which includes positions: heads of structural units of the Secretariat of the Cabinet of Ministers of Ukraine and their deputies; heads of structural subdivisions of ministries, other central bodies of executive power and other state bodies, their deputies, heads of territorial bodies of these state bodies and their structural subdivisions, their deputies; heads and deputy heads of structural subdivisions of local state administrations, apparatuses of local state administrations, their structural subdivisions; heads of the courts of appellate and local courts, heads of structural units of the court apparatus, their deputies; deputy heads of civil service in other state bodies whose jurisdiction extends over the entire territory of Ukraine;

– category «C» – other positions of the civil service, not included in categories «A» and «B». The number of civil service positions in the categories «A» and «B» in a public body should be no more than a third of its staff [3].

According to the first paragraph of the second and third part of Article 39 of the Law of Ukraine «On Civil Service», nine ranks are established for the civil servants: – for civil servants who hold positions of civil service of category «A» – 1, 2, 3 rank; civil servants who hold positions of civil service category «B» – 3, 4, 5, 6 rank; – for civil servants who hold positions of civil service category «C», – 6, 7, 8, 9 rank [3, 12, p. 72].

In accordance with Chapter five and six, Article 39 of the Law of Ukraine «On Civil Service», the ranks of civil servants are assigned simultaneously with the appointment to the position of civil service. The next rank within the appropriate category of posts is assigned to a civil servant every three years, taking into account the results of the evaluation of his or her official activity [3, 12, p. 72].

It is worth pointing out that the date of the rank assignment should coincide with the date of appointment to the civil service position, and in the case of a test, after the expiration of his term. A public servant who is first appointed to a civil service position is assigned the lowest rank within the respective category of posts.

In accordance with part eight of Article 39 of the Law of Ukraine «On Civil Service», a regular rank outside the relevant category of posts is assigned to a civil servant for a conscientious service in case of retirement [3, 12, p. 72].

According to part nine and ten, article 39 of the Law of Ukraine «On Civil Service», a civil servant may be deprived of rank only by a court decision [3, 12, p. 72].

It should be stated that in the case of a transition to a post of a lower category or dismissal from the civil service, civil servant retains his previously awarded rank.

According to Article 19 of the Law of Ukraine «On Civil Service», a person who: has attained the age of sixty can not enter the civil service in Ukraine; in the manner prescribed by law is considered incapacitated or the capacity is limited; has a criminal record for committing an intentional crime, if such conviction is not extinguished or not withdrawn in ac-

cordance with the procedure established by law; in accordance with the court's decision, is denied the right to engage in activities related to the performance of the functions of the state or to hold corresponding positions; was subjected to administrative punishment for corrupt or corruption-related offenses – within three years from the date of entry into force of the relevant court decision; has the nationality of another state; did not pass a special check or did not give consent to its conduct; falls under the prohibition established by the Law of Ukraine «On the Purge of Power» [3; 14].

It should be noted that during the exercise by citizens the right to state service no form of discrimination is allowed.

In accordance with part one of Article 40 of the Law of Ukraine «On Civil Service», promotion of a civil servant in service is carried out taking into account professional competence by taking a higher position according to the results of the competition in accordance with Articles 22-30 of the Law of Ukraine «On Civil Service» and the Procedure for holding a competition for the replacement of vacant positions of civil servants, approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine of February 15, 2002 # 169. However, part two of Article 40 of the Law of Ukraine «On Civil Service» stipulates that the promotion of a civil servant is not carried out within the period of the disciplinary penalty [3; 13].

The execution of economic and social transformation, the achievement of economic growth and the provision of high-level government services to citizens by the state, moving towards European integration is possible only with the establishment of an effective public administration system that meets the standards of a democratic, rule-based state with a socially oriented market economy. To this end, a large-scale administrative reform is being carried out in Ukraine, an integral part of which is the reform of the civil service system, namely: the improvement of staff, the creation of an updated, powerful and capable state apparatus, the formation of a professional, politically neutral and authoritative civil service [10].

Conclusion. Civil service reform is an integral part of public administration reform and should be implemented in Ukraine on the basis of law, profession-

alism, depoliticization and equal opportunities. For Ukraine, the components of this reform include: development and introduction of new legislation on civil service; development and modernization of vocational training system of civil servants, local self-government officials and local council deputies; Implementation of the Strategy of the State Personnel Policy for 2012-2020 years; formation of the Presidential personnel reserve «New Elite of the Nation» and adaptation of the civil service of Ukraine to the standard of the state service of Ukraine to the standards of the European Union and the implementation of European institutional development instruments (Twinning, TAIEK, SIGMA, CIS, etc.)

Professionalization of civil service personnel should be in a state of continuous updating, which introduces new tasks, new roles as a result of social processes, increasing influence of information technologies, changes in the management system, in the field of labor relations, new forms of organization and communication, new knowledge and methods of their application. etc. In the bodies of state power and local self-government, within the framework of the current legislation and in order to reform the civil service, the requirements of the European Union should carry out a set of organizational measures related to: assessment of the professional capabilities of available personnel; ensuring competitive selection of personnel; creation of a full-fledged personnel reserve; preparation and qualification improvement, an objective assessment of the work of civil servants; carrying out other procedures in order to provide more opportunities for implementation of the abilities of employees in the civil service.

References:

1. Державне управління та державна служба в країнах ЄС в контексті європейської інтеграції України: навч.-метод. матеріали / О.М. Руденко; упоряд. І.В. Поліщук. К.: НАДУ, 2013. 68 с.
2. Державна служба: підручник: у 2 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України; редкол.: Ю.В. Ковбасюк (голова), О.Ю. Оболенський (заст. голови), С.М. Серьогін (заст. голови) [та ін.]. К.; Одеса: НАДУ, 2012. Т. 1. 372 с.

3. Про державну службу: Закон України від 10.12.2015р. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/889-19>.

4. Державне управління: теорія і практика / За заг. ред. В.Б. Авер'янова. К.: Юрінком Інтер, 1998. 432 с.

5. Венедиктов В.С., Іншин М.І., Ключев О.М., Куліш А.М., Музичук О.М., Попов С.В. Організаційно-правові засади управління державною службою в Україні. Науково-практичний посібник. Харків: Вид-во Харківського нац. ун-ту внутр. справ, 2006. 309 с.

6. Венедиктов В.С. Статус працівників органів внутрішніх справ України як державних службовців: наук.-практ. посіб.; Національний університет внутрішніх справ. Х.: НУВС, 2003. 188 с.

7. Біла-Тіунова Л.Р. Службова кар'єра державного службовця: теорія і правове регулювання: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.07; Нац. ун.-т «Одеська юридична академія». Одеса, 2012. 39 с.

8. Серьогін С.М. Кар'єра державного службовця. Енциклопедія державного управління: у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України; наук.-ред. колегія: Ю. В. Ковбасюк (голова) та ін. К.: НАДУ, 2011. Т. 6: Державна служба / наук.-ред. колегія: С.М. Серьогін (співголова), В.М. Сороко (співголова) та ін. Дніпропетровськ, 2011. С. 194–196/

9. Старілов Ю.М. Службное право. М.: Изд-во БЕК, 1996. 698 с.

10. Про Стратегію реформування системи державної служби в Україні: Указ Президента України від 14.04.2000 р. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/599/2000>.

11. Про Концепцію адаптації інституту державної служби в Україні до стандартів Європейського Союзу: Указ Президента України від 05.03.2004 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/278/2004>.

12. Реформа державної служби у питаннях та відповідях: практ. посібн. для керівн. служб управл. персоналом / М. Канавець [та ін.]. К.: Центр адаптації державної служби до стандартів Європейського Союзу, 2016. 176 с.

13. Про затвердження Порядку проведення конкурсу на заміщення вакантних посад державних службовців: Постанова Кабінету Міністрів України; Порядок від 15.02.2002р. № 169. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/169-2002-%D0%BF>.

14. Про очищення влади: Закон України від 16.09.2014 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1682-18>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кобзева Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, доцент кафедры административного, хозяйственного права и финансово-экономической безопасности Учебно-научного института права Сумского государственного университета

Михайловская Евгения Владимировна – аспирант кафедры административного, хозяйственного права и финансово-экономической безопасности, Учебно-научного института права Сумского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kobzeva Tatyana Anatoliivna – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative, Commercial Law and Financial and Economic Security Educational and Scientific Institute of Law, Sumy State University

tatti280885@gmail.com

Mykhailovska Yevheniia Vladimirovna – Postgraduate Student at the Department of Administrative, Commercial Law and Financial and Economic Security Educational and Scientific Institute of Law, Sumy State University

e.v.bogovis@ukr.net

УДК 347.73

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛОГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Павел КОЛОМИЕЦ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения
Полтавского института экономики и права

АННОТАЦИЯ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института установления налогов по законодательству отдельных зарубежных стран, в частности Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан и Украины. Автором акцентируется внимание на том, что после вступления в силу Налогового кодекса Украины научный интерес к данной тематике исследования в среде украинских ученых ослабел, о чем свидетельствует отсутствие современного комплексного исследования проблематики правового регулирования института установления налогов в Украине. Важность и целесообразность данного научного исследования обусловлена, прежде всего, современным периодом развития Украины, который убедительно доказывает, что сегодня возникла потребность в научном осмыслении сущности института установления налогов.

Ключевые слова: налог, налогоплательщик, элемент налога, институт установления налогов.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF TAXATION ACCORDING TO THE LEGISLATION OF UKRAINE AND FOREIGN COUNTRIES

Pavel KOLOMIYETS,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Law of Poltava Institute of economics and law

SUMMARY

The article compares legal analysis of the institution of taxation in accordance with the legislation of certain foreign countries, in particular the Republic of Azerbaijan, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Moldova, the Republic of Tajikistan and Ukraine. The author focuses attention on the fact that after the entry into force of the Tax Code of Ukraine, the scientific interest in this research topic among Ukrainian scientists is weakened, as evidenced by the absence of a modern comprehensive study of the problem of legal regulation of the institution of taxation in Ukraine. The importance and expediency of this scientific research is due, first of all, to the current period of Ukraine's development, which convincingly proves that today there arose a need for scientific understanding of the essence of the institution of establishing taxes.

Key words: tax, taxpayer, element of tax, institution of taxation.

Постановка проблемы. Несмотря на накопленные научные разработки по вопросам правового регулирования общественных отношений в сфере установления налогов, актуальность на сегодня остается потребность в систематизации знаний, всестороннем анализе и обобщении наработок относительно правового регулирования установления налогов в Украине,

которые должны быть более приспособленными к современным налоговым правоотношениям и полезными в их практическом применении налогоплательщиками. Этим и определена актуальность темы и направленность данного исследования.

Актуальность темы исследования. Сравнительно-правовой анализ института установления налогов по за-

конодательству отдельных зарубежных стран, в частности Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан и Украины, на сегодня является актуальным, поскольку позволяет рассмотреть, как законодательно закреплена в их налоговых кодексах элементный состав налога, определить комплекс мер, которые применяют указанные выше страны для установления налогов. Важность и целесообразность данного научного исследования обусловлена, прежде всего, современным периодом развития Украины, который убедительно доказывает, что сегодня возникла потребность в научном осмыслении сущности института установления налогов, разработке на этой основе научно-теоретических положений, направленных на решение проблем его правового регулирования.

Состояние исследования. Среди ученых, которые разрабатывали и исследовали правовые проблемы института установления налогов, необходимо назвать Л.К. Воронову, Л.М. Касьяненко, Н.П. Кучерявенко, Т.А. Латковскую, Л.А. Савченко, А. Смита, Л.Л. Тарангул, Н.И. Тургенева. Вместе с тем следует отметить, что после вступления в силу Налогового кодекса Украины научный интерес к данной тематике исследования в среде украинских ученых ослабел, о чем свидетельствует отсутствие современного комплексного исследования проблематики правового регулирования института установления налогов в Украине.

Цель статьи заключается в проведении сравнительно-правового анализа института установления налогов по законодательству Украины и отдельных зарубежных стран, что позволит сравнить действующие налоговые кодексы и практику различных стран в сфере установления налогов, выявить пробелы и определить положительные черты. Согласно поставленной цели на основании анализа действующего украинского законодательства и анализа зарубежного законодательства заданием данного научного поиска поставим: исследовать правовое регулирование института установления налогов в Украине, обозначить проблемы их правореализации и пути совершенствования их правового регулирования.

Изложение основного материала. Как отмечает О.Ф. Скакун, сравнительно-правовой метод предполагает сопоставление юридических понятий, явлений и процессов и выявление между ними сходства и различия [1, с. 16].

Правила установления налогов в Азербайджанской Республике определены Налоговым кодексом (пункт 1.1 статьи 1 Налогового кодекса Азербайджанской Республики) [2]. В частности, основные условия установления налогов определены нормами статьи 12 Налогового кодекса Азербайджанской Республики, согласно которой «12.1. Налог считается установленным в том случае, когда определены налогоплательщик и следующие элементы налогообложения: 12.1.1. объект налогообложения; 12.1.2. база налогообложения; 12.1.3. налоговый период; 12.1.4. налоговая ставка; 12.1.5. порядок исчисления налога; 12.1.6. порядок и срок уплаты налога». Налог – это обязательный, индивидуальный и безвозмездный платеж, перечисляемый в государственные и местные бюджеты в форме отчуждения находящихся в собственности налогоплательщиков денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и муниципалитетов (статья 11 Налогового кодекса Азербайджанской Республики). Налогоплательщик – любое лицо, которое обязано выплачивать налоги с объектов налогообложения, определенных в соответствии с настоящим Кодексом (подпункт 13.2.4 пункта 13.2 статьи 13 Налогового кодекса Азербайджанской Республики) [2].

Властные отношения по установлению налогов, сборов (пошлин) в Республике Беларусь регулирует Налоговый кодекс (пункт 1 статьи 1 Налогового кодекса Республики Беларусь) [3]. В соответствии с пунктом 5 статьи 6 Налогового кодекса Республики Беларусь «налог считается установленным в случае, когда определены плательщики и следующие элементы налогообложения: объект налогообложения; налоговая база; налоговый период; налоговая ставка (ставки); порядок исчисления; порядок и сроки уплаты». Согласно нормам пункта 6 статьи 6 Налогового кодекса Республики Беларусь «при установлении сборов (пошлин) определяются их плательщики и элементы обложения применительно к конкретным

сборам (пошлинам). При установлении налогов, сборов (пошлин), взимаемых таможенными органами, определяются их плательщики и элементы обложения применительно к конкретным налогам, сборам (пошлинам), взимаемым таможенными органами». Налогом признается обязательный индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты (пункт 1 статьи 6 Налогового кодекса Республики Беларусь). Сбором (пошлиной) признается обязательный платеж в республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственных органами, в том числе местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, иными уполномоченными организациями и должностными лицами, юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу специальных разрешений (лицензий), либо в связи с ввозом (вывозом) товаров на территорию (с территории) Республики Беларусь (пункт 2 статьи 6 Налогового кодекса Республики Беларусь). Плательщиками налогов, сборов (пошлин) признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с настоящим Кодексом таможенным законодательством Таможенного союза, Законом Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» и (или) актами Президента Республики Беларусь возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины) (пункт 1 статьи 13 Налогового кодекса Республики Беларусь) [3].

Властные отношения по установлению налогов и других обязательных платежей в бюджет, а также отношения, связанные с исполнением налогового обязательства, в Республике Казахстан регулирует Кодекс «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) [4]. Налоговым обязательством в соответствии с пунктом 1 статьи 31 Налогового кодекса Республики Казахстан признается обязательство налогопла-

тельщика перед государством, возникающее в соответствии с налоговым законодательством Республики Казахстан, в силу которого налогоплательщик обязан совершать действия, указанные в пункте 2 статьи 36 настоящего Кодекса, в частности б «2. Во исполнение налогового обязательства налогоплательщик совершает следующие действия: 1) встает на регистрационный учет в налоговом органе; 2) ведет учет объектов налогообложения и (или) объектов, связанных с налогообложением; 3) исчисляет, исходя из объектов налогообложения и (или) объектов, связанных с налогообложением, налоговой базы и налоговых ставок, суммы налогов и платежей, подлежащие уплате в бюджет, а также авансовые и текущие платежи по ним в соответствии с Особенной частью настоящего Кодекса; 4) составляет и представляет, за исключением налоговых регистров, налоговые формы и иные формы, установленные настоящим Кодексом, налоговым органам в установленном порядке; 5) уплачивает исчисленные и начисленные суммы налогов и платежей в бюджет, авансовые и текущие платежи по налогам и платежам в бюджет в соответствии с Особенной частью настоящего Кодекса». Налоги – законодательно установленные государством в одностороннем порядке обязательные денежные платежи в бюджет, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, производимые в определенных размерах, носящие безвозвратный и безвозмездный характер (пункт 55 статьи 1 Налогового кодекса Республики Казахстан). Другие обязательные платежи в бюджет – обязательные отчисления денег в бюджет в виде плат, сборов, пошлин, за исключением таможенных платежей, производимые в размерах и случаях, установленных настоящим Кодексом (пункт 10 статьи 1 Налогового кодекса Республики Казахстан). Налогоплательщик – лицо и (или) структурное подразделение юридического лица, являющиеся плательщиком налогов и платежей в бюджет (пункт 57 статьи 1 Налогового кодекса Республики Казахстан). Электронный налогоплательщик – налогоплательщик, взаимодействующий с налоговыми органами электронным способом в соответствии с законодательством Республики Ка-

захстан об электронном документе и электронной цифровой подписи (пункт 73 статьи 1 Налогового кодекса Республики Казахстан) [4].

Общие условия установления налогов согласно нормам статьи 32 Налогового кодекса Кыргызской Республики регламентируют следующее: «1. Если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, налог считается установленным лишь в том случае, когда настоящим Кодексом определены налогоплательщики и элементы налогообложения, а именно: 1) объект налогообложения; 2) налоговая база; 3) ставка налога; 4) налоговый период; 5) порядок исчисления налога; 6) порядок уплаты налога; 7) сроки уплаты налога» [5]. При установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения по каждому из налогов, за исключением налогов, предусмотренных разделами XI «Налоги за пользование недрами» и XV «Специальные налоговые режимы» настоящего Кодекса (пункт 2 статьи 13 Налогового кодекса Кыргызской Республики). Налоговые правоотношения по установлению налогов в Кыргызской Республике регулирует Налоговый кодекс Кыргызской Республики (пункты 1 и 2 статьи 1 Налогового кодекса Кыргызской Республики). Налоги устанавливаются или отменяются исключительно настоящим Кодексом (пункт 4 статьи 5 Налогового кодекса Кыргызской Республики). Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный денежный платеж, взимаемый с налогоплательщика в соответствии с налоговым законодательством Кыргызской Республики (статья 19 Налогового кодекса Кыргызской Республики). Налогоплательщиком является субъект, на которого возлагается обязанность уплачивать налог при наличии обстоятельств, установленных налоговым законодательством Кыргызской Республики (статья 41 Налогового кодекса Кыргызской Республики) [5].

При установлении налогов (пошлин) и сборов, в соответствии с пунктом 9 статьи 6 Налогового кодекса Республики Молдова, определяются следующие элементы: а) объект налогообложения – налогооблагаемая материя; б) субъект налогообложения (налогоплательщик) – лицо, указанное в пункте 2) статьи 5;

с) источник уплаты налога (пошлины) или сбора – источник, из которого уплачивается налог (пошлина) или сбор; д) единица налогообложения – единица измерения, выражающая величину объекта налогообложения; е) ставка (ставки) налогообложения – единый размер налога (пошлины) или сбора в соотношении с объектом налогообложения; ф) срок уплаты налога (пошлины) или сбора – период, в течение которого налогоплательщик обязан уплатить налог (пошлину) или сбор, в виде интервала времени или фиксированного дня уплаты; г) налоговые льготы – элементы, которые учитываются при оценке объекта налогообложения, определении размера налога (пошлины) или сбора, а также при их взимании, в виде: частичного или полного освобождения от налога (пошлины) или сбора; частичного или полного освобождения от уплаты налогов (пошлин) или сборов; снижения ставки налогов (пошлин) или сборов; уменьшения объекта налогообложения; отсрочки уплаты налогов (пошлин) или сборов; рассрочки погашения налогового обязательства [6]. Налогом (пошлиной) признается обязательный платеж, имеющий безвозмездный характер и не связанный с совершением уполномоченным органом или его должностным лицом определенных и конкретных действий в пользу или в отношении уплатившего его налогоплательщика (пункт 1 статьи 6 Налогового кодекса Республики Молдова). Сбором признается обязательный платеж, имеющий безвозмездный характер и не являющийся налогом (пошлиной) (пункт 2 статьи 6 Налогового кодекса Республики Молдова). Налогоплательщик, субъект налогообложения – лицо, которое в соответствии с налоговым законодательством обязано исчислять и/или уплачивать в бюджет любой налог (пошлину), сбор, соответствующие пеню и штраф; лицо, которое в соответствии с налоговым законодательством обязано удерживать или взимать с другого лица и уплачивать в бюджет указанные платежи (пункт 2 статьи 5 Налогового кодекса Республики Молдова) [6].

Властные отношения по установлению налогов регулирует Налоговый кодекс Республики Таджикистан (пункт 1 статьи 1 Налогового кодекса Республики Таджикистан). При установлении налогов должны быть опре-

делены все элементы налогообложения (пункт 2 статьи 3 Налогового кодекса Республики Таджикистан) [7]. Элементы налогообложения – сведения, наличие которых в нормативном правовом акте при установлении налогов является обязательным, в том числе налогоплательщик, объект налогообложения, налоговая база, налоговая ставка, налоговый период, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога, налоговые льготы, если они установлены (пункт 1 статьи 17 Налогового кодекса Республики Таджикистан). Налогом признается установленный Налоговым кодексом обязательный платеж в бюджет, осуществляемый в определенном размере, носящий обязательный безвозвратный и безвозмездный характер (пункт 1 статьи 7 Налогового кодекса Республики Таджикистан). Налогоплательщик (плательщик налога) – лицо, на которое в соответствии с Налоговым кодексом возложена обязанность по уплате налогов (пункт 2 статьи 17 Налогового кодекса Республики Таджикистан) [7].

Налоговое законодательство Украины при установлении налогов и сборов основывается на принципе единого подхода к установлению налогов и сборов – определению на законодательном уровне всех обязательных элементов налога (подпункт 4.1.11 пункта 4.1 статьи 4 Налогового кодекса Украины) [8]. Элементы налога определяются исключительно Налоговым кодексом Украины (пункт 7.4 статьи 7 Налогового кодекса Украины). При установлении налога согласно нормам пункта 7.1 статьи 7 Налогового кодекса Украины обязательно определяются следующие элементы: 7.1.1. плательщики налога; 7.1.2. объект налогообложения; 7.1.3. база налогообложения; 7.1.4. ставка налога; 7.1.5. порядок исчисления налога; 7.1.6. налоговый период; 7.1.7. срок и порядок уплаты налога; 7.1.8. срок и порядок представления отчетности об исчислении и уплате налога [8]. Налогом является обязательный, безусловный платеж в соответствующий бюджет, взимаемый с налогоплательщиков в соответствии с Налоговым кодексом (пункт 6.1 статьи 6 Налогового кодекса Украины). Сбором (платой, взносом) является обязательный платеж в соответствующий бюджет, взимаемый с плательщиков сборов,

с условием получения ими специальной выгоды, в том числе в результате совершения в пользу таких лиц государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и лицами юридически значимых действий (пункт 6.2 статьи 6 Налогового кодекса Украины). Налогоплательщиками признаются физические лица (резиденты и нерезиденты Украины), юридические лица (резиденты и нерезиденты Украины) и их обособленные подразделения, которые имеют, получают (передают) объекты налогообложения или осуществляют деятельность (операции), которая является объектом налогообложения согласно с Налоговым кодексом или налоговыми законами, и на которых возложена обязанность по уплате налогов и сборов в соответствии с настоящим Кодексом (пункт 15.1 статьи 15 Налогового кодекса Украины) [8].

Выводы. В Азербайджанской Республике налог считается установленным в том случае, когда определены налогоплательщик и шесть элементов налогообложения: объект налогообложения; база налогообложения; налоговый период; налоговая ставка; порядок исчисления налога; порядок и срок уплаты налога.

В Республике Беларусь налог считается установленным в случае, когда определены плательщики и шесть элементов налогообложения: объект налогообложения; база налогообложения; налоговый период; налоговая ставка (ставки); порядок исчисления; порядок и сроки уплаты. При установлении сборов (пошлин) определяются их плательщики и элементы обложения применительно к конкретным сборам (пошлинам). При установлении налогов, сборов (пошлин), взимаемых таможенными органами, определяются их плательщики и элементы обложения применительно к конкретным налогам, сборам (пошлинам), взимаемым таможенными органами.

В Республике Казахстан применительно к отдельным видам налогов и платежей в бюджет устанавливается налоговый период (период времени), по окончании которого определяются объект налогообложения, налоговая база, исчисляются суммы налогов и платежей, подлежащие уплате в бюджет. Налоги и платежи в бюджет

Республики Казахстан должны быть определенными. Определенность налогообложения означает установление в налоговом законодательстве Республики Казахстан всех оснований и порядка возникновения, исполнения и прекращения налогового обязательства налогоплательщика.

В Кыргызской Республике налог считается установленным лишь в том случае, когда Налоговым кодексом определены налогоплательщики и семь элементов налогообложения, а именно: объект налогообложения; налоговая база; ставка налога; налоговый период; порядок исчисления налога; порядок уплаты налога; сроки уплаты налога. При установлении налогов должны быть определены все элементы налогообложения по каждому из налогов, за исключением налогов, предусмотренных разделами XI «Налоги за пользование недрами» и XV «Специальные налоговые режимы» Налогового кодекса Кыргызской Республики.

В Республике Молдова при установлении налогов (пошлин) и сборов определяются следующие семь элементов: а) объект налогообложения; б) субъект налогообложения (налогоплательщик); в) источник уплаты налога (пошлины) или сбора; г) единица налогообложения; д) ставка (ставки) налогообложения; е) срок уплаты налога (пошлины) или сбора; ж) налоговые льготы.

В Республике Таджикистан при установлении налогов должны быть определены все восемь элементов налогообложения, в том числе налогоплательщик, объект налогообложения, налоговая база, налоговая ставка, налоговый период, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога, налоговые льготы, если они установлены.

В Украине при установлении налога обязательно определяются следующие восемь элементов: плательщики налога; объект налогообложения; база налогообложения; ставка налога; порядок исчисления налога; налоговый период; срок и порядок уплаты налога; срок и порядок представления отчетности об исчислении и уплате налога.

Список использованной литературы:

1. Скакун О.Ф. Теория государства и права [Текст]: учебник для вузов;

Университет внутренних дел. Х.: Фирма «Консум», 2000. 704 с.

2. Налоговый кодекс Азербайджанской Республики: Утвержден Законом Азербайджанской Республики: от 11 июля 2000 года № 905-IQ. URL: <http://www.taxes.gov.az/modul.php?name=qanun&cat=3>.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть): Закон: от 19 декабря 2002 года № 166-З. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk0200166>.

4. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс): Закон : от 25 декабря 2017 года № 120-VI. URL: <http://kgd.gov.kz/ru/content/halogovyy-kodeks-rk>.

5. Налоговый кодекс Кыргызской Республики: Закон: от 17 октября 2008 года № 230. URL: <http://www.sti.gov.kg/docs/default-source/law/kodeks0518.pdf?sfvrsn=2>.

6. Налоговый кодекс Республики Молдова: Закон: от 24 апреля 1997 года № 1163-XIII. URL: http://www.fisc.md/CodFiscal/CodulfiscalInterm_ru.aspx.

7. Налоговый кодекс Республики Таджикистан (01.01.2018). URL: http://andoz.tj/ru/uploads/tax_code_RT_01.01.2018.pdf.

8. Налоговый кодекс Украины: Закон: от 02 декабря 2010 года № 2755-VI. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коломиец Павел Виталиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Полтавского института экономики и права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolomiyets Pavel Vitaliyevich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Law of Poltava Institute of economics and law

hotrod911@gmail.com

УДК 343.415

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДКУП ИЗБИРАТЕЛЕЙ, УЧАСТНИКОВ РЕФЕРЕНДУМА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Виталий КОСТРИЦКИЙ,

заместитель председателя Апелляционного суда Луганской области

АНОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу состава преступления подкупа избирателя или участника референдума в государствах постсоветского пространства и европейских государств. Осуществлен анализ конструирования санкций, выделены характерные особенности наказаний за подкуп избирателя, участника референдума. Определены условия специального освобождения от уголовной ответственности избирателей, участников референдума в случае их подкупа при положительном посткриминальном поведении в законодательстве зарубежных стран. Определены возможные направления дальнейшего совершенствования национального законодательства о подкупе избирателей, участников референдума.

Ключевые слова: подкуп избирателя или участника референдума, уголовная ответственность, законодательство зарубежных стран, наказание.

FEATURES OF THE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY OF VOTERS, REFERENDUM PARTICIPANTS IN THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Vitaliy KOSTRITSKIY,

Vice-President of Appellate Court of Luhansk region

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the details of bribery of voters or referendum participants in the post-Soviet States (Republic of Estonia, Republic of Latvia, Republic of Armenia, Republic of Belarus, Republic of Moldova, Republic of Tajikistan, Republic of Uzbekistan, Republic of Georgia) and in European countries (Denmark, Austria, the Netherlands, Germany, Norway, Bulgaria, Switzerland, Poland, Romania, Czech Republic, Hungary). The author analyses the construction of sanctions, identifies the specific features of punishment for bribing voters and referendum participants. In the Republic of Moldova, the Republic of Georgia, the Kyrgyz Republic, there are separate criminal law provisions that provide for responsibility for bribing voters or referendum participants. These norms describe in detail the signs of the criminal subject-undue profit. In the post-Soviet countries, the criminal responsibility for bribing voters and referendum participants is differentiated with the help of qualifying signs. In addition to fine and imprisonment as the main punishment, public works are foreseen. The legislation of the European countries provides large fines, in comparison with a small undue profit. For all crimes related to bribery, fines are provided, and as a maximum punishment, imprisonment is provided. The conditions for a special exemption from the criminal liability of voters and referendum participants in case of bribery with positive post criminal behaviour in the legislation of foreign countries are determined. As well as possible directions for further improvement of the national legislation concerning bribery of voters and referendum participants are also analysed.

Key words: bribery of a voter or referendum participant, criminal liability, legislation of foreign countries, punishment.

Постановка проблемы. Значение уголовно-правовой охраны избирательных прав заключается в обеспечении свободных условий осуществления из-

бирательных прав, в защите правдивости и независимости поданного голоса так, чтобы он мог служить правильным отображением политических убеж-

дений этого гражданина на выборах [1, с. 84–85]. Соответствующий тезис также касается такой формы непосредственной демократии как референдум.

Актуальность темы исследования. Сравнительно-правовой анализ подкупа избирателя, участника референдума является актуальным и своевременным, учитывая следующие аргументы:

– современные интеграционные процессы подталкивают нас к тому, чтобы осуществлять постоянный мониторинг основных тенденций развития и совершенствования национального законодательства различных государств Европы на более общих основаниях [2, с. 12];

– интернационализация экономической деятельности, создание ряда международных организаций, объединений, которыми принимаются международные договоры, устанавливающие стандарты правового регулирования, вызывает необходимость тесного международного сотрудничества по всем направлениям общественных отношений. А значит, невозможно автономное, вне международного механизма, существование правовой системы любого государства [3, с. 14];

– значимость сравнительно-правового анализа законодательного обеспечения по общественно-опасным деяниям в избирательном и референдном процессе состоит также в том, что апробация указанных форм непосредственной демократии в разных странах проходит с разной степенью интенсивности. Так, с 1848 г. в Швейцарии состоялся 521 референдум, в 216 из них предметом была ревизия Конституции, в 148 случаях – принятие законопроекта или договора [4]. Поэтому соответствующая апробация референдного процесса является средством выявления преимуществ и недостатков, в процессе которого аккумулируется опыт проведения соответствующей формы непосредственной демократии, которая отшлифовывалась под действием времени;

– изменение уголовного законодательства о преступлениях против избирательных и референдных прав, в таких странах как Эстония, Польша, Чехия, Венгрия, Турция, Болгария, Бельгия, Киргизия, Грузия.

Также среди факторов, которые принимались во внимание при приня-

тии закона об ответственности за подкуп избирателя, участника референдума № 1703-VII от 10 октября 2014 г., является международный опыт ряда европейских стран (Германии, Австрии, Швейцарии и других), в которых предусмотрена уголовная ответственность, в том числе и избирателя, за принятие предложения, обещания или получения неправомерной выгоды за совершение или не совершение каких-либо действий, связанных с непосредственной реализацией своего избирательного права [5].

Состояние исследования. Проведению сравнительно-правового анализа уголовной ответственности за посягательство на избирательное и референдное право уделялось должное внимание в диссертационных исследованиях Н.А. Мягкова (2006 г.) [6], А.А. Семенюк (2009) [7], С.С. Подосиновик (2009) [3]; в статьях Д.А. Колодина (2012 г.) [8–9]. В данных работах частично освещались вопросы ответственности за подкуп избирателя или участника референдума. Но соответствующие исследования были проведены с внесенными изменениями в редакцию ст. 160 УК в 2014 и фрагментарно освещали подкуп избирателей, участников референдума как способ препятствования осуществлению избирательных и референдных прав.

Целью и задачей статьи является определение особенности регламентации уголовной ответственности за подкуп избирателя или участника референдума по законодательству зарубежных стран.

Изложение основного материала. В законодательстве зарубежных стран в уголовно-правовых нормах Уголовного Кодекса, предусматривающих ответственность в случае посягательства на избирательные или референдные права, выделяются две позиции:

1) посягательство на конституционные (избирательные, политические) права граждан (Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан, Республика Грузия, Литовская Республика, Эстонская Республика, среди европейских стран: Нидерланды, Швей-

цария, Швейцария, Болгария, Австрия, Польша, Норвегия);

2) посягательство на формирование органов государственной власти в процессе волеизъявления (Дания, ФРГ, Чехия, Венгрия). Группировка преступлений по родовым объектам находится во взаимосвязи с сложившейся иерархией ценностей, которые признаются государством.

В уголовном законодательстве Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан, Литовской Республики, Латвийской Республики, Эстонской Республики содержится состав преступления «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав, праву на участие в референдуме». Особенностью уголовного законодательства РФ, УК Казахстана, УК Республики Таджикистан, УК Армения признается, что препятствование избирательным правам путем подкупа определяется как квалифицированный состав преступления.

Целесообразно заметить, что в ст. 164 Пенитенциарного Кодекса Эстонии определялось как уголовно наказуемое «вручение или предложение лицу материального вознаграждения с целью не реализации им своего избирательного права или права голосования, или реализации указанного права в пользу определенного лица или группировки», которое предусматривало наказание в виде штрафа до 300 штрафных единиц или ареста [8]. С 1 января 2015 г. законодателем Эстонии были внесены изменения в законодательство, в соответствии с которыми признана недействительной ст. 164 «Подкуп избирателей», и одновременно были внесены изменения в ст. 162 Пенитенциарного Кодекса Эстонии «Воспрепятствование свободному осуществлению избирательного права». В диспозиции значится, что препятствование свободному осуществлению человеком своего права выбрать или быть избранным на выборах или голосования на референдуме, а также обещание или предоставление имущества, или других льгот с целью оказания влияния на его решение не осуществлять свое избирательное

право или право голоса, или осуществить его в пользу определенного выбора. В соответствующей норме также предусмотрены другие способы препятствования с применением насилия, обмана или иной зависимости от лица, с использованием служебного положения. То есть законодатель Эстонии предпочел универсальный подход к определению уголовно-правового запрета в препятствовании свободному осуществлению избирательного права.

Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республики Грузия и Украина на сегодня имеют в уголовном законодательстве выделенную уголовно-правовую норму, в которой определена ответственность за подкуп избирателя (участника референдума), что отражает отход от усложненной конструкции состава преступления против избирательных прав, соответствует подходу формирования законодательства в европейских странах.

Поэтому среди типично построенных законодательных предписаний относительно препятствования избирательного и референдного прав (что характерно для стран постсоветского пространства) отличается ст. 164-1 УК Грузии «Подкуп избирателя», принятого в 2012 г. В данной уголовно-правовой норме «подкуп избирателей» является детально выписанным примечанием как вид аутентичного толкования. Уголовно-правовой запрет подкупа избирателя осуществляется в прямой или опосредованной форме: предложение, обещание, передача денег, ценных бумаг (в том числе финансовых инструментов), иного имущества, имущественного права, оказание услуг, предложение услуг или предоставления каких-либо других преимуществ, или явное получение таковых, или заключение сомнительных, мнимых или других сделок с целью уклонения от ограничений, установленных законом [10]. Имуществом не считаются недорогие аксессуары кампаний политических объединений граждан. Вместе с тем определено как малозначительное деяние в случае, если размер соответствующих сумм (стоимость сделок) не превышает 100 лари. Не привлекаются к уголовной ответственности за предложение, обещание или передачу в качестве подарка недорогих вещей общей стоимостью не более 5000 лари

в течение года при праздновании торжественных мероприятий, а также получение подобных подарков. Также законодатель прописал уточнения, что политические или предвыборные обещания, связанные с дальнейшим распределением бюджетных средств и последующим осуществлением государственной политики, не влекут за собой уголовной ответственности.

В ст. 181-1 УК Республики Молдова предусмотрен запрет осуществления предложения или предоставления избирателю денег, имущества, услуг или других выгод с тем, чтобы побудить его к осуществлению своих избирательных прав определенным образом в рамках парламентских, местных выборов или референдума. В ст. 181-1 УК Республики Молдова разъяснено: к категории имущества, предусмотренного частью 1, относятся спиртные напитки, табачные изделия и продукты питания. Не относятся к категории имущества: оплаченные за счет средств избирательного фонда материалы и предметы предвыборной агитации, на которых указаны фамилия и имя кандидата и соответственно наименование политической партии, знаки или символы конкурентов на выборах, такие как: плакаты, открытки, почтовые карточки, календари, тетради, открытки, ручки, зажигалки, спички, значки, бейджи, CD/DVD-диски, USB-флешки, вымпелы, флаги, книги, пакеты, футболки, кепки, шарфы, галстуки, стоимость одной единицы которых не превышает двух условных единиц [11].

Редакция ст. 140 «Подкуп голосов» избирателей в УК Кыргызской Республики была изменена 20.02.2017 и изложена в такой диспозиции: «Подкуп голосов избирателей путем выплаты или распространения денежных средств, вручение материальных ценностей или содействие в получении любой должности или иных благ в период проведения выборов» [12].

Итак, государства выделяют подкуп избирателя как отдельный состав преступления (Киргизия, Молдова, Грузия и Украина также подкуп участника референдума), в отличие от законодательных конструкций, где подкуп является способом препятствования избирательному и референдному правам, подробно осуществляют описание предмета подкупа. Общим для указанных уго-

ловно-правовых норм является то, что предмет преступления определяется путем перечисления категорий, которые имеют материальный и нематериальный характер, а именно: деньги, имущество, услуги или другие выгоды [11]; денежные средства, вручение материальных ценностей или содействие в получении любой должности или иных благ [12]; деньги, ценные бумаги (в том числе финансовые инструменты); иное имущество, имущественное право; оказание услуг, предложение услуг или предоставления каких-либо других преимуществ, действительное получение таковых или заключение сомнительных, мнимых или других сделок с целью уклонения от ограничений, установленных законом [10].

Особенностью в отношении субъектов преступления за подкуп избирателей или участника референдума является определение в ПК Эстонской Республики в качестве квалифицирующего признака препятствование свободному осуществлению избирательного права юридическим лицом, в УК Грузии, УК Молдовы также предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за подкуп избирателя.

Объективная сторона подкупа избирателей по УК Молдовы и Киргизии, направленная на запрещение только непосредственного влияния на избирателя: предложение и предоставление [11] выплаты, распространение денежных средств, вручение материальных ценностей или содействие в получении любой должности или иных благ [12]. В УК Грузии, как и в Украине, предусмотрена ответственность за подкуп избирателя как за предложение, обещание, передачу, предоставление, так и действия избирателя или участника референдума, направленные на получение имущества, имущественного права, услуг, преимуществ или заключения сомнительных, мнимых или других сделок [10]. Такой подход в определении ответственности прослеживается в законодательстве Польши, Болгарии, Австрии, ФРГ, Норвегии, Нидерландов, Швейцарии, Венгрии. Вместе с тем, законодатели Румынии и Чехии криминализировали только подкуп избирателя или участника референдума (в Румынии он определен как коррупция среди избирателей), Швеция признает общественно опасным и наказу-

мым деяние непосредственно действия избирателя – «лицо, получающее, принимающее обещание или требующее получения неправомерной выгоды за голосование определенным образом или за воздержание от голосования по публичному вопросу, должно быть осуждено (если это преступление не является взяточничеством) за получение незаконного вознаграждения за голосование» (§ 8 УК Швеции) [13].

В уголовном законодательстве европейских государств объективная сторона выложена в виде альтернативного перечня общественно опасных деяний и выглядит так: «принимает обещание или получает материальную и личную выгоду» или «требует (просит) – принимает обещания – получает материальную или личную выгоду». В отличие от позиции законодателей Болгарии и Норвегии, в УК Нидерландов (ст. 126), УК ФРГ (§ 108b), (ст. 281), УК Швейцарии, УК Австрии (§ 265) и УК Польши (ст. 250) определена одинаковая степень общественной опасности как за предоставление избирателю или участнику референдума информации, так и за получение им материальной выгоды.

Санкции статей по своей конструктивной характеристике являются альтернативными. Доминирующим подходом законодателей государств постсоветского пространства является предвидение в санкциях статей за препятствование осуществлению избирательных прав или участия в референдуме – лишения свободы (за подкуп, во всех государствах без исключений) и штрафа как основного вида наказания, как в основном, так и квалифицированном составе преступлений за подкуп, кроме Республики Узбекистан, Республики Туркменистан, УК Армения. Законодатели обоснованно предусматривают общественные работы как вид наказания за совершение преступлений против избирательного и референдного прав (УК Республики Азербайджан, Республики Казахстан, УК Узбекистан, УК Беларусь, УК РФ) в противовес УК Украины.

Так, в ч. 2 ст. 141 УК РФ воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, в том числе и путем подкупа, предусмотрено в альтернативной санкции, предусматривающей штраф,

который отличается по строгости «наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей (в эквиваленте от 40000 до 120000 гривен) или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, или принудительными работами на срок до пяти лет, или арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет» [14]. В санкциях Уголовных Кодексов постсоветских государств фактически можно определить две рубежные линии, которые наблюдаются по определению максимального срока лишения свободы: до трех лет (предусмотрено в странах Балтии, Республики Грузия, Кыргызской Республике, Республики Беларусь, а также УК Азербайджана, Таджикистана (за квалифицированный состав преступления). Второй рубеж, до пяти лет лишения свободы, как максимальный срок за анализируемое преступление определен в УК Узбекистана, Молдовы, Армении, а также УК РФ, Белоруссии и Киргизии (за квалифицированные составы преступления).

Доминирующей является позиция законодателей стран Европы по обязательной установке за подкуп избирателя, участника референдума, лишение свободы в качестве альтернативного наказания и штрафа в виде основного наказания (кроме УК Румынии, Чехии, Венгрии). Санкции конструированы с гораздо меньшим количеством альтернативных видов наказаний чем санкция за анализируемое преступление в государствах постсоветского пространства.

Законодатель Болгарии очень подробно дифференцировал ответственность за подкуп избирателя или участника референдума: санкция по ч. 1 ст. 167а УК предусматривает лишение свободы на срок до трех лет и к штрафу от BGN от тысячи до пяти тысяч (ст. 167 УК Болгарии) (в эквиваленте от 15850 до 79250 гривен). В свою очередь максимальная санкция (ч. 4 ст. 167а), лишение свободы на срок от одного до семи лет и штрафом от десяти тысяч до двадцати пяти тысяч, достигает 25000 болгарских левов, что в эквиваленте составляет 396250 гри-

вен. Например, в § 265 УК Австрии за подкуп на выборах или всенародном голосовании предусмотрена альтернативная санкция заключения до одного года или штраф до 720 дневных ставок [15]. Согласно § 19 УК Австрии штраф, как и в ФРГ, назначается исключительно в виде дневных ставок. Суточная ставка определяется судьей в пределах от 40000 до 5000 евро с учетом личных обстоятельств и экономических возможностей виновного на момент назначения наказания [16]. Итак, по законодательству европейских стран за подкуп избирателей (а также участников референдума) акцент в санкциях делается именно на штраф в качестве основного вида наказания и его внушительные размеры как существенные материальные затраты в сравнении с получением скудной неправомерной выгоды.

Отдельным аспектом является вопрос специального освобождения от уголовной ответственности. В УК Грузии определен специальный вид освобождения от уголовной ответственности, если в избирательных целях в прямой или опосредованной форме была предложена или обещанная передача денег, ценных бумаг (в том числе – финансовых инструментов), иного имущества, имущественного права, предоставление услуг или предоставление преимуществ или участие в воображаемых, мнимых или других сделках с целью уклонения от ограничений, установленных законом, если они добровольно заявили об этом в орган, ведущий уголовный процесс. Поскольку решение об освобождении от уголовной ответственности принимает орган, ведущий уголовный процесс, соответствующий вид специального освобождения от уголовной ответственности является поощрительной нормой, содействующей раскрытию высококачественных преступлений. Учитывая, что предоставление-получение средств, имущества, преимуществ при подкупе избирателей происходит между заинтересованными лицами, разоблачение преступного сговора является затрудненным соответствующими обстоятельствами.

Также в соответствии с ч. 2 ст. 167а в УК Болгарии указан специальный вид освобождения от уголовной ответственности: виновные не будут наказа-

ны при условии, что они добровольно информируют соответствующий орган о таких преступлениях как: предложение предоставления услуги материальной выгоды, организация предложения или предоставление материальной выгоды другому лицу, которое передает материальную выгоду лицу, которые в свою очередь предлагаются или предоставляются другому лицу за голос на выборах или голосование на референдуме определенным образом (ч. 2–4 ст. 167) [17].

В § 4 ст. 250а в Уголовном кодексе Польши предусмотрена поощрительная норма: в случае уведомления органа, предназначенного для преследования, об обстоятельствах, при которых лицо, имеющее право голоса, принимало имущество, личную выгоду или такое преимущество, или требовало имущество или личную выгоду за голосование определенным образом до того момента, как власти узнали о них, суд применяет чрезвычайную смягчающую наказания, а также воздерживается от уголовного преследования. Соответствующее условие об освобождении не распространяется на лицо, которое оказывало финансовую или личную выгоду лицу.

Соответствующий опыт по определению специального освобождения от уголовной ответственности за подкуп избирателя также следует рассмотреть украинскому законодателю, учитывая высокую латентность подкупа избирателя. А также, учитывая процессуальный аспект, согласно ч. 1 ст. 160 УК, принятие предложения, обещания или получения избирателем, участником референдума неправомерной выгоды по степени тяжести является преступлением невысокой тяжести, а с учетом положений УПК Украины (ч. 2 ст. 246) затруднено тем, что получить доказательства другим путем, без проведения негласных следственных (розыскных) действий достаточно сложно. Организация схем подкупа, их финансирования, поиск посредников происходят скрыто, только на стадии непосредственной передачи неправомерной выгоды преступление переходит в публичную плоскость [18].

Выводы. Проведенный анализ показывает, что соответствующее мероприятие уголовно-правового воздействия целесообразно предусмотреть

в поощрительной норме о стимулировании положительного посткриминального поведения. Таким образом оно поощряется государством и освобождает избирателей или участников референдума от уголовной ответственности за сообщение о подкупе.

Систематизация и анализ законодательного опыта зарубежных стран об ответственности за подкуп избирателя, участника референдума позволили осуществить поиск подходов для совершенствования национального уголовного права и одновременно оценить принадлежность разработки уголовно-правовой нормы с позиции юридической техники. Следующий этап будет посвящен научным изысканиям проблемам наказуемости за подкуп избирателя, участника референдума.

Список использованной литературы:

1. Люблинський П.І. Злочини проти виборчого права. Вибори та демократія. 2007. № 1 (11). С. 84–85.
2. Хавронюк М.І. Сучасне загальноєвропейське кримінальне законодавство: проблеми гармонізації: монографія. К.: Істина, 2005. С. 12.
3. Красноголовец С.В. Кримінальна відповідальність за порушення виборчих та референдних прав громадян в Україні та державах центральної Європи (порівняльний аналіз на прикладі Польщі, Словаччини, Угорщини, Чехії): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ужгород, 2009. 226 с.
4. Ластовка О.А. Організація і проведення референдумів у Швейцарії. URL: www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/vkhnvs/2010_48/48/4.pdf. Дата доступу: 15.05.2018.
5. Про внесення змін до Кримінального кодексу України (щодо посилення відповідальності за порушення виборчих прав громадян): Пояснювальна записка до проекту Закону України від 17.04.2014. URL: w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50711. Дата доступу: 15.05.2018.
6. Мягков М.О. Перешкоджання здійсненню виборчого права: проблеми кримінальної відповідальності: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Луганськ, 2006. 196 с.
7. Семенюк О.О. Кримінально-правова характеристика порушення за-

конодавства про референдум: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. К., 2009. 262 с.

8. Колодін Д.О. Відповідальність за фальсифікацію виборчої документації за кримінальним законодавством Європейських країн. URL: dspace.onu.edu.ua/bitstream/handle/11300/1583/Kolodin.pdf?sequence=1&isAllowed. Дата доступу: 15.05.2018.

9. Колодін Д.О. Особливості кримінальної відповідальності за фальсифікацію виборчої документації за законодавством окремих країн Західної Європи. Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. / редкол.: С.В. Ківалов (голов. ред.), Л.І. Кормич (заст. голов. ред.), Ю.П. Аленін та ін.; МОНмолодьспорт України; НУ ОЮА. Одеса: Фенікс, 2012. Вип. 46. С. 193–200.

10. Уголовный кодекс Грузии. URL: matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf (дата доступу: 15.05.2018).

11. Уголовный кодекс Республики Молдова кодекс № 985 от 18.04.2002. URL: legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes. (дата доступу: 15.05.2018).

12. Уголовный кодекс Киргизской Республики № 68 от 01.10.1997. URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568. (дата доступу: 15.05.2018).

13. Criminal code of the Kingdom of Sweden (1962). URL: <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>. (дата доступу 15.05.2018).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата доступу: 15.05.2018).

15. Criminal Code of the Republic of Austria (1974, amended 2015). URL: legislationline.org/documents/section/criminal-codes (дата доступу: 15.05.2018).

16. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / под общ. ред. А.И. Папова. URL: <https://books.google.com.ua/books?isbn=5392215300> (дата доступу: 15.05.2018).

17. Criminal Code of the Republic of Bulgaria (1968, amended 2017). URL: <http://legislationline.org/documents/action/popup/id/8881/preview> (дата доступу: 15.05.2018).

18. Коцюруба О. Як в Україні купують виборців і хто за це відповідає.

17 судових вироків (дослідження).
 URL: glavcom.ua/publications/yak-v-ukrajini-kupuuyut-viborciv-i-hto-za-ce-vidpoviv-17-sudovih-virokiv-doslidzhennya-388367.html (дата
 доступу: 15.05.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострицкий Виталий Владимирович – заместитель председателя Апелляционного суда Луганской области

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostritskiy Vitaliy Vladimirovich – Vice-President of Appellate Court of Luhansk region

kostritskij2015@gmail.com

УДК 347.9

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УКРАИНЕ

Маргарита КОХАНСКАЯ,

соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование основных тенденций в обеспечении эффективности гражданского судопроизводства. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятия эффективности, содержания понятия заданий судопроизводства. Устанавливается влияние выполнения заданий судопроизводства на достижение результата судебной процессуальной деятельности. Раскрывается содержание процессуальных средств, которые могут повлиять на обеспечение эффективности правосудия по гражданским делам. Обосновано, что достижение результата в гражданском процессе в современном правовом обществе возможно и необходимо через справедливую, беспристрастную процедуру, эффективные правовые средства защиты, которые обуславливают ценностное ориентирование системы гражданского судопроизводства

Ключевые слова: эффективность, цель и задания гражданского судопроизводства, судебная защита, процессуальные средства.

GENERAL TRENDS OF ENSURE THE EFFICIENCY OF CIVIL PROCEDURE IN UKRAINE

Margarita KOKHANSKAYA,

Applicant of the Kharkov National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is devoted to a theoretical research of the procedural foundations of the effectiveness of civil proceedings. The analysis of the legal literature on the study of the concept of efficiency, the content of the notions of tasks of legal proceedings is carried out. The effect of fulfilling the tasks of judicial proceedings on the achievement of the result of judicial procedural activity is established. It is substantiated that the performance of the result in the civil process in the modern legal society is possible and necessary through a fair, impartial procedure, effective legal remedies that determine the value orientation of the civil justice.

Key words: efficiency, purpose and tasks of civil procedure, judicial protection, procedural means.

Постановка проблемы. В соответствии со ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве [1]. Соответствующие положения обусловили создание Европейской комиссии по эффективности правосудия как аналитического и консультативного органа с целью оказания помощи государствам-членам Совета Европы по совершенствованию

их систем правосудия, приведения их систем правосудия в соответствие со стандартами отправления правосудия, которые касаются качественного разрешения споров в рамках внутригосударственных систем [2, с. 11].

Актуальность темы исследования. Присятие в новой редакции Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК) в 2017 году [3] направлено на внедрение в порядок осуществления правосудия по гражданским делам более эффективных процессуальных средств защиты. Эффективность судебной защиты как уже нормативно закреплённая на наци-

ональном уровне цель судопроизводства обуславливает дальнейший поиск эффективных процессуальных средств, оценку уровня внедрения стандартов справедливого судопроизводства.

Состояние исследования. Определение заданий и цели гражданского судопроизводства исследовались украинскими и зарубежными учеными, такими как В.С. Бигун, А.П. Вершинин, С.Л. Дегтярев, С.Ф. Демченко, А.Х. Джавадов, С.А. Короед, Н.А. Рожкова, М.А. Плюхина, М.И. Штефан, А.В. Цихоцкий и другими. Разработанные указанными исследователями положения открывают пути для осуществления дальнейших научных изысканий в данном направлении. Однако научные исследования, характеризующиеся проведением анализа соответствующих понятий либо основанные на обобщении рекомендаций Совета Европы, в большинстве своем были проведены во время действия предыдущей редакции ГПК Украины, поэтому они могут иметь теоретическое, сравнительно-правовое значение.

Цель и задачи исследования. Цель статьи заключается в определении направлений в обеспечении эффективности гражданского судопроизводства. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить сущность понятия эффективности, цели и задания гражданского судопроизводства, установить их взаимное влияние на результат рассмотрения дела, а также определить роль отдельных процессуальных средств в достижении эффективной защиты права.

Изложение основного материала. Вопросы эффективности отправления гражданского судопроизводства и выполнение заданий по справедливому, своевременному судебному разбирательству тесно взаимосвязаны. Нарушения принципа разумного срока судебного рассмотрения являются довольно частыми на Украине. Европейский суд по правам человека признал нарушения ст. 6 Конвенции, как минимум, 50 раз за период 2011–2013 годы. У Украины возникали настолько серьезные проблемы с неисполнением судебных решений, что Европейский суд констатировал данный факт в более чем 2000 случаях только за 2013 год [2, с. 82]. Устранение препятствий для осуществления эффективного право-

судия было и остается актуальным для Украины, что и послужило толчком для проведения судебной реформы [2, с. 86].

Соответствующее направление в ГПК Украины обусловлено иным укреплением цели судопроизводства по сравнению с ранее действовавшими редакциями. Согласно со ст. 1 ГПК Украины в редакции 18.03.2004 года перед гражданским судопроизводством была поставлена цель защиты прав, свобод или интересов [4]. В соответствии со ст. 2 действующей редакции ГПК Украины заданием гражданского судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел (задание осталось неизменными по сравнению с указанной выше редакцией) в целях эффективной защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов. Закрепление на уровне норм гражданского процессуального права защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц, интересов государства как эффективной стало важным направлением дальнейшего обеспечения надлежащего уровня осуществления гражданского правосудия. Поэтому определение взаимосвязи его цели, задач и процессуальных средств их достижения и выполнения является важным практическим заданием.

Несмотря на имплементацию европейских стандартов справедливого и эффективного судопроизводства в национальное законодательство продолжает оставаться актуальной задача по определению организационных и процессуальных средств обеспечения эффективности гражданского судопроизводства Украины. Стратегией реформирования судопроизводства и смежных правовых институтов на 2015–2020 годы среди направлений реформирования определено обеспечение независимости, беспристрастности и непредвзятости судей, а также повышение эффективности правосудия [5].

Понятие эффективности судопроизводства определяется в науке неоднозначно. Так, под эффективностью судопроизводства исследователи имеют в виду характеристику его состояния,

исходя из степени реализации целевой функции судопроизводства – переход привычного отправления правосудия в ранг правосудия. Эффективное судопроизводство – это правосудие, которое осуществляется в рамках надлежащей юрисдикции, в соответствии со справедливым законодательством, рациональными судебными процедурами, которые осуществляются в разумные сроки, а принятые судебные решения выполняются в установленные сроки [6, с. 7]. И.В. Губенок рассматривает эффективность правосудия как гарантию защиты нарушенного права. К свойствам эффективного правосудия он относит соблюдение установленной процессуальным законом процедуры, соблюдение процессуальных сроков, правильное установление достоверных фактов и точное применение к ним закона [7, с. 8].

В общих чертах под эффективностью правосудия по гражданским делам понимается способность правосудия как деятельности по рассмотрению и разрешению конкретных дел с принятием по ним законных, обоснованных и справедливых решений обеспечивать при определенных условиях достижение социально значимых целей. Эта способность характеризуется отношением фактически достигнутых правосудием целей к нормативно установленным [8, с. 152]. Понятием эффективности закрепляется ее определенная способность осуществить реальное благотворное воздействие на определенные правоотношения, вследствие чего решается социальный конфликт и достигается социальная справедливость [9, с. 31].

Относительно задания гражданского судопроизводства С.А. Короед отмечает, что рассмотрение и разрешение гражданских дел как задание указывает на процессуальную сторону правосудия по гражданским делам, в то время как цель (защита права) раскрывает материально-правовую сторону результата гражданского судопроизводства [10, с. 45]. И.Ю. Татулич также утверждает, что задания гражданского судопроизводства служат средством достижения цели, подчеркивая важность соблюдения гражданской процессуальной формы [11, с. 79].

Формулировка задания гражданского судопроизводства через рассмо-

трение дел соответствует назначению правосудия и функции суда в современном правовом государстве. Такой вывод также соответствует пониманию взаимосвязи между заданием и целью гражданского судопроизводства, с одной стороны, и предназначением гражданского процессуального права, с другой. В то же время следует частично согласиться с выводом, что заданием гражданского судопроизводства должно быть именно рассмотрение дела либо разрешение спора, устранение правового конфликта [10, с. 46]. Рассмотрение дела и разрешение спора – близкие, но разноплановые понятия, которые не могут быть альтернативными. Рассмотрение дела по заявлению заинтересованного лица может осуществиться, а разрешение спора судом по различным причинам – нет. Кроме того, защита права также может не произойти по разным причинам, также как цель гражданского судопроизводства как эффективная защита права может и не быть достигнута. В то же время задание гражданского судопроизводства может быть полностью выполненным.

Указание в содержании задания гражданского процесса на разрешение спора, на наш взгляд, означает окончательное устранение правового конфликта между сторонами с юридической точки зрения. Следует согласиться с позицией С.А. Короеда, что это возможно, когда нарушенное право было восстановлено или защищено эффективным способом или когда суд подтвердит отсутствие между сторонами спорных материальных правоотношений и отсутствие у истца права, для защиты которого он обратился в суд, или же приходит к выводу о незаконности или недоказанности исковых требований истца, защитив, таким образом, интересы ответчика [10, с. 46]. З.В. Ромовская также считает, что, отказав в иске, суд тем самым защищает права ответчика [12, с. 7]. Поэтому вполне логичным является то, что задание реализуется независимо от того, принято решение по сути спора или нет.

Достаточно бесспорным постулатом в теории процесса в отношении цели судопроизводства является то, что ею является именно защита прав, свобод или интересов различных субъектов права. С позиции теории систем судопроизводство можно рассматривать как систему целеориентирован-

ную или ценностно-ориентированную [13, с. 82]. С учетом основных стандартов правосудия, а также закрепленных в действующем законодательстве цели и задания гражданского судопроизводства можно утверждать о нем как о ценностно-ориентированной системе. Распространение на сферу юриспруденции категории эффективности обусловлено ее свойством характеризовать деятельность в контексте ее ценностей [14, с. 135]. В этом отношении задание гражданского судопроизводства как качественное описание требований к результату функционирования системы [13, с. 77] еще раз подтверждает ценностное ориентирование системы гражданского судопроизводства.

Наиболее точное определение места заданий гражданского судопроизводства представляется как обеспечение осуществления защиты в качестве конечной цели правосудия и функционирования судебной системы [15, с. 53]. Задания, в свою очередь, призваны обеспечить правовыми средствами систему правосудия, что делает необходимым их точное формулирование в законодательстве. Закрепление цели гражданского процесса через осуществление защиты прав, свобод и интересов не исключает защиту прав как целеориентирование. Однако с учетом изложенного, в том числе требований эффективности, следует констатировать, что достижение результата в гражданском процессе возможно и необходимо через справедливую, беспристрастную процедуру, эффективные правовые средства защиты, которые обуславливают ценностное ориентирование системы гражданского судопроизводства.

Новое гражданское процессуальное законодательство Украины характеризуется дальнейшим внедрением процессуальных средств, направленных на повышение эффективности судопроизводства, что указывает на утверждение его ценностной ориентации. В частности, в действующем законодательстве по-новому закреплены правила предоставления правовой помощи (ст. 15 ГПК Украины) как несколько императивное требование, на которое обращает внимание в своих Рекомендациях Комитет Министров Совета Европы государствам-членам. С правом на правовую помощь связаны неодно-

значные положения действующего законодательства, что делает данное процессуальное средство неоднозначным для доступности судопроизводства. Это объясняется тем, что, с одной стороны, профессиональная правовая помощь является оплатной (ст. 137 ГПК Украины), что делает усложненным ее использования для большей части населения. С другой стороны, законодательство позволяет по делам упрощенного производства иметь представителя (ст. 60 ГПК Украины), который не является субъектом предоставления профессиональной правовой помощи. Несмотря на определенные негативные последствия для доступа к правосудию в связи с обязательной профессиональной правовой помощью, следует отметить, что представительство через профессионального субъекта направлено в первую очередь на выполнение задания по своевременному рассмотрению и разрешению дела, эффективную реализацию сторонами своих процессуальных прав и т. д.

Существенное влияние на эффективность судопроизводства имеет дифференциация судебных процедур. В частности, закрепление упрощенного искового производства направлено на выполнение задания по своевременному судебному рассмотрению. В этом отношении, учитывая содержание принципа пропорциональности и право суда в случаях, определенных законом, выбирать вид искового производства (ст. 11, 274 ГПК Украины), можно говорить о дальнейшем расширении дискреционных полномочий суда. Также на расширение процессуальной активности суда указывает право суда на определение эффективного способа защиты права (ст. 5 ГПК Украины).

Закрепление принципа недопустимости злоупотребления процессуальными правами (п. 11 ч. 3 ст. 2 ГПК Украины) стало важным средством в рамках достижения цели судопроизводства. Так, суд наделен правом признавать злоупотреблением процессуальные действия, которые противоречат заданию судопроизводства (ст. 44 ГПК Украины) и с учетом обстоятельств дела оставить без рассмотрения или вернуть жалобу, заявление, ходатайство. В целом широкие дискреционные полномочия суда свидетельствуют о выполнении рекомендаций Совета Ев-

ропы относительно качества судопроизводства [16]. Однако не выполнены рекомендации Совета Европы и упомянутой выше Стратегии по повышению ответственности сторон за необоснованное производство, расширение способов альтернативного (внесудебного) урегулирования споров, в частности путем внедрения института медиации и посредничества, расширения перечня категорий дел, которые могут решаться третейскими судьями, что обуславливает дальнейшие реформы в рамках гражданского судопроизводства.

Выводы. Первостепенным в отношении соблюдения стандартов судопроизводства является то, чтобы защита велась эффективными процессуальными средствами и привела тем самым к правосудному результату. Только при этом условии можно утверждать об эффективности защиты права. Безусловно, что установить влияние на уровень эффективности гражданского судопроизводства закрепленных в новой редакции ГПК Украины процессуальных средств можно будет лишь после обобщения судебной практики и анализа судебной статистики по вопросам применения отдельных процессуальных институтов. Также важной остается будущая оценка Европейской комиссией эффективности судопроизводства. Тем не менее, можно утверждать, что нормативно-правовое регулирование порядка осуществления гражданского судопроизводства указывает на стабильную имплементацию международных стандартов судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 4 листопада 1950 року. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_004.
2. Жан Жан-Поль, Гурбанов Рамин Афад оглы. Европейская комиссия по эффективности правосудия. Организация. Деятельность. Развитие: науч. издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 331 с.
3. Цивільний процесуальний кодекс України від 18 березня 2004 року № 1618-IV. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1618-15>.
4. Цивільний процесуальний кодекс України від 18 березня 2004 року № 1618-IV. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1618-15/ed20040318>.
5. Стратегія реформування судострою, судочинства та суміжних правових інститутів на 2015–2020 роки: Указ президента України 20 травня 2015 року. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/276/2015#n12>.
6. Демченко С.Ф. Теоретико-методологічні засади ефективності господарського судочинства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: спец. 12.00.04. К., 2010. 36 с.
7. Губенок И.В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2007. 26 с.
8. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука. 1997. 392 с.
9. Москвич Л.М. Критерії оцінювання ефективності судової системи. Вісник Верховного Суду України. 2010. № 10. С. 30–35. Верховний Суд України. URL: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/vvsu_2010_10_7.pdf.
10. Короєд С.О. Охорона права та вирішення цивільних справ як самостійні завдання цивільного судочинства в аспекті підвищення його ефективності. Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету: Збірник наукових праць. Серія: Юриспруденція. Випуск 6-1. Том 2. Одеса: Міжнародний гуманітарний університет, 2013. С. 44–47.
11. Татулич І.Ю. Засоби та гарантії ефективного цивільного судочинства. Журнал Східноєвропейського права. 2016. № 29. С. 69–83.
12. Цивільний процесуальний кодекс: науково-практичний аналіз. 2-ге вид., К.: ВД «Дакор», 2014. 600 с.
13. Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход. Москва: Издательство «Экономика», 1999. 251 с.
14. Джавадов Х.А. Отдельные аспекты имплементации понятия «эффективность» в понятийно-категориальный аппарат гражданского процесса. Часопис Київського університету права. 2014. № 4. С. 133–137.
15. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. Под обд. ред. В.И. Нечаева; [рук. авт. колл. и науч. ред. В.В. Ярков]. М.: Норма, 2008. 976 с.
16. Рекомендация R (84) 5 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы от 28 февраля 1984 года. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коханская Маргарита Леонидовна – соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kokhanskaya Margarita Leonidovna – Applicant of the Kharkov National University of Internal Affairs

bortnikoksana1980@gmail.com

UDK 341.224.3

CONTEMPORARY INTERNATIONAL LEGAL REGIME GOVERNING NON-NAVIGATIONAL USE AND PROTECTION OF THE INDUS RIVER BASIN

Andrey KULKO,

PhD., Doctorant of the Koretsky Institute of State and Law of National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The author explored the international legal mechanisms to ensure cooperation between the states of the Indus river basin. The content of international treaties is reviewed, the practice of their application examined, the experience of functioning of the Permanent Indus Commission River analysed. In the conclusions, the author identifies the most important problems of international legal nature the basin states are facing now.

Key words: international river basin, Indus, international agreement, non-navigational use of transboundary freshwaters, protection of transboundary freshwaters.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕСУДОХОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ БАССЕЙНА РЕКИ ИНД

Андрей КУЛЬКО,

кандидат юридических наук,

докторант Института государства и права имени В.М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

Автор исследует международно-правовые механизмы обеспечения сотрудничества государств бассейна реки Инд. Раскрыто содержание международных договоров, рассмотрена практика их применения, проанализирован опыт функционирования Постоянной комиссии реки Инд. В выводах автора выделяет важнейшие проблемы международно-правового характера, с которыми сейчас сталкиваются государства бассейна.

Ключевые слова: международный речной бассейн, Инд, международный договор, несудоходное использование трансграничных пресных вод, охрана трансграничных пресных вод.

Problem statement, relevance of the topic, state of research, purpose and the task of the article. The increasing topicality of non-navigational use and protection of the Indus river basin in times of water crisis and disputes between basin states gives rise to a need for the scientific analysis of contemporary international legal regime in the field. It is necessary to continue the research of such scholars as U. Alam, S. Barrett, S. Chandrasekharan, J. T. Newton, H. Sarfraz, G. Sen, A. Singh, A. T. Wolf.

Essential material. The Indus is located in Southern Asia. The basin of this large Trans-Himalayan river includes the territories of Pakistan, India, Afghanistan and China. The Indus is one of the longest years in the world, with a length of about 3200 km. Its total catchment area is about 1.165 million sq. km. [1].

Indus got the status of international river in 1947 after India and Pakistan gained independence from the United Kingdom.

The interstate boundary crossed the Indus basin and the best irrigated lands went into Pakistan. 10 of 13 channels of the Indus River system were directed to the latter, 2 to India, and one was divided between them. However, the sources of the river, and the main structures of the channels are located in India [2, p. 160].

In 1948, India changed the flow of rivers feeding Pakistani lands so that water no longer fell into Pakistan. Although eventually this decision was cancelled, later India declared its sovereignty over all waters passing through its territory [3; 4, p. 1]. In the end, a compromise was found in 1960, when two states concluded Indus Waters Treaty (IWT) dealing with non-navigable uses of the Indus river basin. The agreement mainly refers to the distribution of water to meet the interests of the parties, primarily in the field of irrigation. According to Art. II waters of the Eastern rivers of the basin (Sutlej, Biz and Rawi) are intended for the unlimited use by India.

Pakistan had undertaken to pass the waters of the main mouth of the Sutlej and Rawi rivers, when they flow through and cross its territory, with the exception of waters intended for domestic and non-domestic use. In doing so Pakistan should prevent the passage (with some exceptions) of tributaries connected with the main rivers to the point of their confluence, although the state may use tributaries coming from India and connecting with the main rivers downstream [5, p. 2].

According to the IWT, during the transition period, Pakistan should receive water from the Eastern rivers in the amount provided for in Appendix B to the Treaty. In art. III, para. 2 of the IWT it is stipulated that India is obliged to pass all waters of the Western rivers, i. e. Indus, Jhelum and Chenab, to Pakistan for domestic non-agricultural, agricultural and hydroelectric use, allowing water withdrawal only for domestic and some other purposes, in accordance with Annexes C and D to the Treaty.

In these rules, we see elements of such international legal principle as equitable and reasonable use of the water resources, but they are contained in the norms of Art. IV, which organically combine this principle with the no-harm rule. The former is addressed above all in Art. IV, para. 2 which provides that any non-consumptive use of water by one party shall be carried out in such a way that it doesn't result in material changes in any channel, to the detriment of its use by the other party in accordance with the provisions of the IWT.

The no-harm rule relates to four aspects: a) application of any flood protection or flood control scheme (Art. IV, para. 2); b) construction of drainage systems, soil conservation from erosion, dredging or removal of stones, gravel or sand from the river bottom (Art. IV, para. 3); c) management of water storage dams, troughs and irrigation channels (Art. IV, paras 6 and 9); d) the use of natural water channels for water discharging during floods or in other cases of excess water (Art. IV, para. 8) [5, p. 3, 6-9, 20-21].

Naturally, the utilisation of the Indus river basin is large-scaled. Therefore, it causes a number of threats to the ecosystem. Thus, the operation of irrigation canals, if not carefully controlled, may lead to serious damage to agricultural land. Given these factors, India and Pakistan have taken measures to create adequate drainage systems and thus avoid waterlogging and salt accumulation [1].

More than that, IWT contains rules on individual measures to prevent pollution, which are closely linked to the prohibition of harm. In art. IV, para 10 it is stated that each party declares its intention to prevent, as far as possible, excessive pollution of river waters, which may adversely affect their uses. India and Pakistan committed themselves to take reasonable measures to ensure that all industrial waters are treated before they are discharged into the river, so as not to harm its various uses [6, p. 209].

The IWT became the key element to guaranteeing regional security and economic development of Pakistan and India, promoted their awareness of common interests, established the basic principles and norms for future cooperation and the resolution of the most acute problems in the field of freshwater resources distribution.

In addition, two treaties were signed: on the Indus basin between Pakistan and the World Bank and on the Indus Basin Development Fund between India and Pakistan [7]. According to these agreements over the next decades states built a number of dams, barrages and connecting channels for redistribution of water [1]. Negative factor is that the Indus River Treaty allows parties to meet their individual interests, without joint management of transboundary freshwater objects. This leads to disputes regarding infrastructural projects. Besides, the IWT is not capable to promote adequate response to the changes of the Indus basin's natural characteristics, the growth of demand for water resources, caused by a significant increase in population, breach of treaty norms regarding water distribution, etc. In addition, the IWT does not meet the needs of Jammu and Kashmir, state of India, because the Treaty prohibits to build large dams or implement other energy projects [8].

On the basis of the above, we can state the need to bring the technical parameters of the IWT in line with contemporary requirements (i.e., the installation of a telemetry system which will allow Pakistan and India to measure the water level, without accusing each other of abstraction the volumes not provided for by the Treaty) [9]; to expand the scope of the IWT by incorporating in it the rules which would address the issue of ensuring the proper quality of water (it is threatened by toxic industrial waste), would respond effectively to the changes in economic conditions, problems of water shortage and need for new water storage facilities. Besides, the Treaty should contain effective and efficient procedures for groundwater management.

Another problem concerns the no-harm principle. IWT implies that if India or Pakistan plan to carry out any engineering works in the Indus basin which could cause interactions with the waters of any river, and, in the opinion of the state concerned, could cause material harm to the other party, the latter should inform the former of its plans and provide information about the essence, significance and impact of the work on the Indus river basin. This obligation refers to cases where the works may provoke interaction with the waters of any river, but they can't, in the opinion of the party planning them, cause material damage to the other party. In this case,

the state of origin should provide all useful information about the works to the other party at its request.

As we see, these rules are rather limited and don't oblige any party to stop planning or carrying out works in case of reasoned objections of another basin state. However the provisions of Art. IX allows for the termination of a project, one of the parties considers to be contrary to the IWT. In accordance with the procedure for settling disagreements and disputes, any issue arising in relations between the parties concerning the interpretation or application of the IWT or the existence of any fact that may give rise to a breach of the Treaty is first and foremost examined by the Permanent Indus Commission (PIC) – bilateral river commission consisting of reputable engineers appointed by India and Pakistan. If the Commission is not able to resolve the issue, IWT provides for the appointment of 'neutral expert', intermediaries and negotiators from the parties. Organization of an arbitration is also possible [10, p. 7].

The differences between the parties were mainly resolved within the framework of the Commission. However, sometimes there were more difficult disputes formally caused by different interpretation of the IWT by India and Pakistan, but de facto – by the struggle for water resources and aggravation of bilateral relations in general. Disputes related to India's projects, such as the Wullar Dam, Baglihar, Kishenganga, Neelum–Jhelum, Bursar barrages, and reservoirs for Western rivers' water storage; lack of water in Jammu and Kashmir; India's support for Afghanistan's construction of dams on the Kabul river – one of the tributaries of Indus [11, p. 416].

While under the IWT India is prohibited from building dams for water storage for further non-consumptive use, but has the right to limited water use, including flow-related hydropower projects on the Western rivers flowing through the territory of India. However Baglihar, Kishenganga, and Wullar projects, which fall into this category, met resistance from Pakistan as the latter interpreted the concept of 'water storage' narrowly [12].

In particular, the Baglihar project case refers to a 900 MW hydroelectric power station on the Chenab River in Jammu and Kashmir. Its construction began in 1999, the first stage was completed in 2004,

the second in 2008. In 2005, the World Bank qualified Pakistan's submission to the case as the 'controversy' – stage between 'question' and 'dispute'. Professor Lafitte, a Swiss civil engineer appointed as a neutral expert, in his 2007 decision declared that pondage capacity be reduced by 13.5%, height of dam structure be reduced by 1.5 meter and power intake tunnels be raised by 3 meters, thereby limiting some flow control capabilities of the earlier design. This somewhat limited India's ability to manage the water provided by the project. On the other hand, Lafitte rejected Pakistani claims over excessive Indian control over the water level on the Chenab River, and stated that this part of the project met engineering standards [13].

Another serious dispute concerns the part of India's scheme designed to divert waters from the Kishenganga river to a power station in the Jhelum river basin. Construction had begun in 2007 and should have been completed in 2016, but now the process delayed [14]. The Permanent Court of Arbitration in his final decision of December 2013 allowed India to continue construction of the Kishenganga power station and indicated that in order to preserve the environment a natural water flow of 9 cubic m/sec should be kept constantly in the lower part of the river. The Court stated that there was a need to use alternative technical methods for the Kishenganga hydroelectric plant and all future projects on the Western rivers of the Indus basin. However the problem has not yet been resolved, talks between the parties continue [15].

While addressing PIC's activities, we should note that the Commission consists of two 'Indus water commissioners' – one from India and Pakistan. Their functions are to establish and facilitate the work of cooperation mechanisms aimed at the implementation of the Treaty, to promote the rational use of water systems Indus [10, p. 6], to ensure the effective functioning of the Commission as a bilateral platform for monitoring the implementation of the IWT, the collection, exchange and processing of data relative to water use, to consider and resolve, by agreement, any issues that may arise between the parties to the IWT as to application or interpretation of the Treaty. For cases where members of the PIC are unable to

reach an agreement or decision-making is delayed for other reasons, the Treaty provides for a political compromise at the interstate level [16].

However, no infrastructural projects or water quality issues have yet been submitted to the Commission for consideration. Generally, PIC is not as effective as the 1960 Treaty stipulates, it works slowly and does not allow the parties to achieve their goals in context of continuously rising demand for water resources. Consequently, experts have comments on the level of competence of the commissioners and employees of the PIC; there is a need to strengthen the institutional capacity of this organization [17].

At the same time, the work of the Commission facilitated to some extent the implementation of the IWT rules in good faith, prevented armed conflicts over water resources [11; p. 14]. Most disagreements and disputes were settled due to the application of the legal procedures provided for by the IWT, some remain unresolved.

In recent times, Indo-Pakistan relations have been characterized by parties' claims against each other with respect to violation of their rights to water distribution and solutions that may have negative consequences for the Indus basin. These allegations are mainly attributable to the general tensions between the two states, but Pakistan as a downstream state has significant problems with the quantity and quality of freshwater resources, and depends heavily on India's actions. Indus irrigates about 110 thousand hectares of land in Pakistan and if India breaches the IWT, or even use the water of the Indus to the full extent provided for by the Treaty (about 20% of water of Western rivers), Pakistan will suffer from serious water shortages. Therefore, the latter objects to many Indian projects, their construction is postponed and India bears large losses [18]. However, irrational steps are taken by India itself, and they can have extremely negative practical impact for Indus basin. Following the 2016 terrorist attack in Kashmir, when 17 soldiers dead (India accused Pakistan of involvement in the attack) [19], India's prime minister N. Modi announced plans for a IWT that contravened its norms and provided for a suspension the PIC meetings, India's consideration of previously

suspended projects, and the creation of a corresponding interagency task force.

Conclusions. The Indus example demonstrates the importance of the responsibility of States towards their peoples when making decisions on transboundary freshwater. This will promote compromises that are needed first and foremost to meet the basic human needs. On the other hand, it's about threats to freshwater stemmed from the increasing water demand. This factor can lead to the breach of agreements – both individual and systemic, and even to the destruction of treaty regimes as such.

In our opinion, main problems of the international legal regulation of relations regarding the use and protection of the Indus river basin are the following: a) inappropriate management of transboundary freshwater resources, failure to take measures to protect them, leading to shortages and deterioration of water quality; b) dependence of the application of the international law in relations on the Indus river basin on the general relations between India and Pakistan; c) shortcomings of the IWT; d) inefficiency of the Indus River Commission and the lack of river basin management plans.

References:

1. Indus River. Encyclopædia Britannica Online. 2018. URL: <https://www.britannica.com/place/Indus-River>.
2. Гуреев С.А., Тарасова И.Н. Международное речное право. Юридическая литература. 2004. 352 с.
3. Barrett S. Conflict and Cooperation in Managing International Water Resources. The World Bank Policy Research Department: Public Economics Division. Working Paper 1303. 1994. 38 p.
4. Bakshi G., Trivedi S. The Indus Equation. Strategic Foresight Group, 2011. 43 p.
5. 1960 Indus Water Treaty. The World Bank. 1960. 22 p.
6. Sarfraz H. Revisiting the 1960 Indus Waters Treaty. Water International. 2013. Vol. 38, Issue 2: The 1997 UN Watercourses Convention – What Relevance in the 21st Century? Pp. 204-216.
7. Indus Basin Development Fund Agreement 1964. The World Bank. 1964. 7 p.

8. Parvaiz A. Indus Waters Treaty rides out latest crisis. The Third Pole. 25.09.2016.

9. Iqbal A. Pakistan urges World Bank to stop Indian projects on Neelum, Chenab. DAWN. 28.09.2016.

10. Wolf A. T., Newton J. T. Case Study of Transboundary Dispute Resolution: The Indus Water Treaty. Oregon State University. 2008. 10 p.

11. Alam U. India and Pakistan's truculent cooperation / International Law and Freshwater: The Multiple Challenges (Leb C., Boisson de Chazournes L., Tignino M. eds.). Edward Elgar Publishing. 2013. P. 406-420.

12. Chandrasekharan S. The Indus Water Treaty In Post Uri Situation – Analysis. South Asia Analysis Group. 2016. 3 p.

13. Baglihar Decision – Expert Determination // World Bank. 2007. 24 p.

14. India to Fill Up Kishanganga Reservoir This Year. The New Indian Express. 17.06.2017.

15. Alam A. R. Indus Waters Treaty: don't lose the game (25.01.2018). The International News. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/272581-indus-waters-treaty-don-t-lose-the-game>.

16. Sen G. Deactivating the Permanent Indus Waters Commission. The Institute for Defence Studies and Analyses. 3.10.2016. 4 p.

17. Siddiqui M. H. 'The Indus Commission hasn't played an effective role'. DAWN. 21.03.2015.

18. Singh A. Indus Water Treaty Analysis and Importance in Indo Pak Relation. The Toppers Way. 28.09.2016.

19. Uri terror attack: 17 soldiers killed, 19 injured in strike on Army camp. The Times of India. 30.09.2016.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulko Andrey Vadimovich – PhD, Doctorant of the Koretsky Institute of State and Law of National Academy of Sciences of Ukraine

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулько Андрей Вадимович – кандидат юридических наук, докторант Института государства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины

andrey.kulko@gmail.com

УДК 349.42

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В УКРАИНЕ

Татьяна КУРМАН,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры земельного и аграрного права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье осуществлен анализ научных подходов к определению понятия органического сельского хозяйства, на основе которого сформулирована авторская дефиниция данного понятия как аграрно-правовой категории, а также осуществлен анализ правового регулирования отношений в сфере производства органической сельскохозяйственной продукции в Украине, выявлены проблемы и разработаны предложения по усовершенствованию действующего законодательства Украины.

Ключевые слова: органическое сельское хозяйство, органическая сельскохозяйственная продукция, принципы органического сельскохозяйственного производства, государственная поддержка органического сельского хозяйства.

THEORETICAL AND LEGAL BASES OF ORGANIC AGRICULTURE IN UKRAINE

Tatiana KURMAN,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Land and Agricultural Law of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the scientific approaches to the definition of organic agriculture on which basis it was formulated the author's definition of this concept as a legal category and also the analysis of legal regulation of relations in the area of production of organic agricultural products. There are revealed some problems and developed proposals to improve the current legislation of Ukraine.

Key words: organic agriculture, organic agricultural products, principles of organic agricultural production, state support of organic agriculture.

Постановка проблемы. В современных условиях господствующей в мире становится парадигма устойчивого развития как основа экономики развития или т. н. «зеленой экономики». Необходимость обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства актуализирует развитие его альтернативных форм. Наиболее перспективной и нормативно урегулированной из них сегодня является органическое сельское хозяйство. Производство органической продукции является практической реализацией концепции устойчивого развития сельскохозяйственного производства, предусматривающей соединение защиты окружающей среды, экономического роста и социального развития как взаимозависимых и вза-

имодополняющих элементов стратегического развития государства, что гарантирует населению высокое качество продовольствия как важнейшей составляющей продовольственной безопасности.

Актуальность исследования.

В современных условиях наблюдается общемировая тенденция к увеличению спроса на качественные и безопасные продукты питания, обусловленная популяризацией идеи здорового образа жизни. Особую популярность в связи с этим приобретают органические продукты. По оценкам Международной федерации органического сельскохозяйственного движения, производство органической сельхозпродукции развивается в 153 странах мира, а оборот рынка

достигает 50–60 млрд долларов США [1] и характеризуется устойчивой тенденцией к росту. Наибольшие площади заняты под органическим земледелием в Австралии – 12,1 млн. га, Китае – 3,4 млн. га, Аргентине – 2,8 млн. га, Италии – 0,96 млн. га, США – 0,89 млн. га [2, с. 18]. Считается, что органические продукты полезнее обычных аналогов, например, в органическом молоке на 70% больше витаминов, антиоксидантов и полиненасыщенных жирных кислот. Кроме того, органические фермы создают на 30% меньше выбросов парниковых газов по сравнению с традиционными фермами, а значит, меньше загрязняют атмосферу [3].

В Украине в последние годы также наблюдается увеличение объемов внутреннего рынка потребления органической продукции, растет спрос на органические продукты питания, все больше сельхозпроизводителей проявляют интерес к производству органической продукции. По данным Федерации органического движения Украины, в 2017 году в Украине насчитывалось 390 сертифицированных органических хозяйств, а общая площадь сертифицированных сельхозугодий составила 421,2 тыс. га. [4, с. 53].

Состояние исследования. Теоретико-правовые проблемы развития органического сельского хозяйства не остались без внимания ученых-правоведов. Они рассматриваются в трудах Н.А. Берлач, С.И. Бугеры, К.А. Григорьевой, В.М. Ермоленко, В.М. Корниенко, Н.В. Кравец, П.Ф. Кулинич, Т.В. Курман, С.А. Лушпаева, Е.Л. Мининой, В.В. Носика, Д.С. Поддубной, С.М. Романко, Е.Н. Савельевой, А.Н. Стативки, О.Н. Туевой, В.Ю. Уркевича, М.В. Шульги и др. Однако большая часть этих работ или была написана до принятия специального Закона Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья», а следовательно, в них не учтены его положения, или же исследования касаются отдельных вопросов ведения органического сельского хозяйства и носят фрагментарный характер.

Цель и задача статьи – сформулировать понятие органического сельского хозяйства как аграрно-пра-

вовой категории, проанализировать его правовые основы в соответствии с законодательством Украины.

Изложение основного материала. В толковых словарях слово «органический» большинство авторов понимают в следующих значениях: 1) как то, что относится к организмам, чему присуща живая сущность; 2) то, что принадлежит к растительному или животному миру; 3) то, что обусловлено внутренней сущностью, структурой чего-нибудь; 4) присущее самому организму, относящееся к самой природе личности и т.п. [5].

Международная федерация органического сельскохозяйственного движения (IFOAM, International Federation of Organic Agriculture Movements) определяет органическое сельскохозяйственное производство как целостную сельскохозяйственную производственную систему, содействующую сохранению окружающей природной среды, социальными и экономическими средствами поддерживающую производство здоровых продуктов питания, волокна, древесины и др. [6, с. 257].

Согласно законодательству ЕС органическое сельскохозяйственное производство – это целостная система хозяйствования и производства пищевых продуктов, которая соединяет лучшие практики по охране окружающей природной среды, уровню биоразнообразия, сохранению природных ресурсов, применению высоких стандартов надлежащего содержания животных и метод производства, отвечающий определенным требованиям к продуктам, произведенным с использованием веществ и процессов природного происхождения [7].

В Требованиях по производству, переработке, маркировке и реализации органической сельскохозяйственной продукции, утвержденных созданной ВОЗ Комиссией Codex Alimentarius в 1999 г., закреплено такое определение органического сельского хозяйства: это целостная система управления производством, которая учитывает и улучшает состояние агроэкосистемы, включая биоразнообразие, биологические циклы и биологическую природу почвы; требует использования передовых методов управления, учитывающих

региональные условия, систем управления, адаптированных к данным условиям, а также использование биологических и механических средств, в отличие от использования синтетических материалов [8, с. 227].

Представляется, что органическое сельское хозяйство – это одна из альтернативных форм ведения сельскохозяйственного производства, представляющая собой новейшую, адаптированную к окружающей природной среде систему хозяйствования, исходящую из целостного подхода и состоящую в таком ведении сельскохозяйственного производства, при котором обеспечивается его устойчивое развитие для обеспечения потребностей нынешнего и будущих поколений людей в органической продукции растениеводства, животноводства, аквакультуры и агролесоводства.

В Украине развитие и широкое внедрение экологически ориентированных, органических технологий ведения сельского хозяйства, достижение к 2020 году двукратного увеличения площадей их использования предусмотрено разделом 1 Закона Украины от 21 декабря 2010 г. «Об основах (стратегии) государственной экологической политики Украины на период до 2020 года». Аналогичное положение закрепил и Закон Украины от 18 октября 2005 г. «Об основах государственной аграрной политики на период до 2015 года» (ст. 4).

Правовые основы органического сельскохозяйственного производства в Украине определяются Законом от 3 сентября 2013 г. «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья». Закон определяет понятие органической продукции и ее производства, а также закрепляет принципы такого производства, разделяя их на общие и специальные. Некоторые сомнения вызывают формулировки отдельных из них: 1) так, в п. 4 и 5 ч. 1 ст. 4 закреплены такие общие принципы, как отказ от использования ГМО, продукции из них, а также химически синтезированных внешних ресурсов. Представляется, что речь должна идти не об отказе (который может иметь и добровольный характер), а об исключении использования данных

веществ. Это будет полностью отвечать определению органического сельскохозяйственного производства, закрепленному в ч. 1 ст. 1 данного Закона, и должно рассматриваться как его определяющий признак, а не как общий принцип такой деятельности; 2) в ч. 2 ст. 4 Закона к специальным принципам органического производства отнесена охрана здоровья животных путем стимулирования природной иммунной защиты животных, отбора соответствующих пород (п. 5) и учета при выборе пород степени адаптации животных к местным условиям, их жизнеспособности и стойкости к болезням (п. 7). Данные положения представляются аналогичными, дополняют друг друга, следовательно, должны быть сформулированы как один принцип – стимулирование природной иммунной защиты животных, отбор соответствующих пород и учет при выборе пород степени адаптации животных к местным условиям, их жизнеспособности и стойкости к болезням; 3) в п. 8 ч. 2 ст. 4 среди специальных принципов назван принцип соблюдения высокого уровня благополучия животных, удовлетворяющий потребности, присущие каждому отдельному виду. Учитывая неопределенность и оценочный характер категорий «благополучие животных» и «потребности животных», целесообразно исключить данное положение из указанной нормы; 4) Существенным недостатком ч. 1 ст. 4 Закона является отсутствие такого общего принципа, как принцип государственной поддержки или протекционизма органического сельскохозяйственного производства. В современных социально-экономических условиях государственная поддержка необходима для успешного функционирования и традиционного сельского хозяйства, и тем более органического, являющегося одним из важнейших средств обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства. Обращает на себя внимание тот факт, что в Законе Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья» нет ни одной статьи, посвященной вопросам государственной поддержки. Между тем согласно ст. 5 Закона государственная поли-

тика в сфере производства и оборота органической продукции (сырья) направлена на создание благоприятных условий для: 1) развития конкурентоспособного, высокоэффективного ведения сельского хозяйства; 2) увеличения экспорта органической продукции; 3) развития внутреннего рынка органической продукции и удовлетворения потребителей в ее ассортименте. Таким образом, действующее законодательство Украины лишь декларирует необходимость активизации развития органического сельского хозяйства. Государством на законодательном уровне не стимулируется данный процесс. Нормы относительно государственной поддержки органического сельскохозяйственного производства отсутствуют и в Законе Украины «О государственной поддержке сельского хозяйства Украины». Указанное представляется существенным дефектом законодательства в данной сфере. Вследствие такого ненадлежащего законодательного обеспечения особое значение приобретают «точечные» случаи поддержки органического сельского хозяйства на региональном уровне путем утверждения соответствующих программ, а также отдельные ведомственные инициативы, например, Министерства аграрной политики и продовольствия Украины. Однако такие меры не формируют целостного механизма государственной поддержки, а потому имеют слабый потенциал. Указанное еще больше актуализирует проблему надлежащего законодательного регулирования отношений в сфере государственной поддержки органического сельского хозяйства и создании целостного и эффективного механизма ее предоставления. Это положение поддерживается и в специальной литературе [9, с. 5; 10, с. 259; 11, с. 135].

Основания ведения органического сельскохозяйственного производства закреплены в ст. 12 Закона Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья». Согласно данной статье право на ведение органического сельскохозяйственного производства имеет физическое или юридическое лицо, которое: 1) прошло оценку со-

ответствия (сырья), 2) получило сертификат соответствия; 3) включено в Реестр производителей органической продукции (сырья). При этом одним из дефектов законодательного обеспечения является отсутствие Реестра производителей органической продукции, внесение в который согласно ст. 12 Закона рассматривается необходимым элементом права на осуществление органического производства. Что касается сертификации, то в данное время в Украине нет единого уполномоченного на это органа, что можно считать и позитивным, и негативным моментом. Негативным – из-за отсутствия единой информационной базы, системы контроля и т.п. Позитивным – так как каждый производитель вправе самостоятельно решать, по какой системе и в каком сертификационном органе он может получить сертификат. В данное время на территории Украины функционируют 12 иностранных и 1 украинский сертификационные органы. Еще один возникающий вопрос – согласно каким стандартам проводить сертификацию? Наиболее популярными стандартами органического производства являются: европейские стандарты; Национальная Органическая Программа США (NOP); Японские сельскохозяйственные стандарты (JAS); Стандарты «Bio Swiss» (Bio Suisse) – частные стандарты швейцарской Ассоциации органических производителей и др.

Специальные правила органического сельскохозяйственного производства установлены для отдельных видов органической продукции (сырья). Так, в 2015 г. постановлениями Кабинета Министров Украины утверждены Детальные правила производства органической продукции (сырья) растительного и животного происхождения, аквакультуры, пчеловодства, морских водорослей. Данные нормативно-правовые акты с учетом специфики производства указаны видов сельхозпродукции устанавливают специальные правила ее органического производства. Вызывает сомнение принятие отдельных Детальных правил органического производства морских водорослей. Поскольку, во-первых, согласно ст. 1 Закона Украины от

18 сентября 2012 г. «Об аквакультуре» к объектам аквакультуры относятся любые гидробионты, в тому числе и водоросли. Во-вторых, вряд ли водоросли можно отнести к стратегическим культурам, которые способны обеспечить продовольственную безопасность нашего государства. С другой стороны, почему не приняты Детальные правила производства органической продукции садоводства, виноградарства и т.п.? Ведь в Детальных правилах производства органической продукции (сырья) растительного происхождения к этим отраслям сельскохозяйственного производства применимы только требования относительно посадочного материала (п. п. 8, 10). При этом в соответствии с положениями Отраслевой программы развития садоводства на период до 2025 года стратегической целью развития садоводства должно стать расширение производства экологически чистой продукции путем перехода от индустриально-химических методов ведения хозяйства к биологическим (в том числе к органическому).

Еще одним условием ведения органического сельского хозяйства является наличие пригодных для этого земель сельскохозяйственного назначения. Согласно ч. 2 ст. 23 Закона Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья» порядок оценки пригодности земель (почв) для производства органической продукции и сырья утверждается Кабинетом Министров Украины. Однако до настоящего времени этот Порядок не утвержден, что вызывает немало вопросов относительно нормативных обязательных критериев определения пригодности земель (почв) для ведения органического производства. Более того, земельный участок, пригодный для ведения органического сельского хозяйства, должен находиться в пределах зоны, пригодной для производства экологически чистой (органической) продукции. Специалистами Института агрохимии и почвоведения УААН был проведен анализ эколого-токсикологического состояния пахотных земель Украины и выделены зоны, пригодные для выращивания экологически чистой продукции. Исследования показали,

что в Украине имеются четыре небольших региона, где состояние почв обеспечивает возможность выращивания органической сельскохозяйственной продукции на уровне самых строгих мировых стандартов: 1) Северо-Полтавский; 2) Винницко-Прикарпатский; 3) Южно-Подольский; 4) Северо-восточно-Луганский [12]. И конечно же, остро стоит вопрос о разграничении ведения традиционного и органического сельскохозяйственного производства, в частности территориальном, в том числе путем создания буферных зон. Все это, по нашему мнению, должно быть урегулировано законодательно, и не путем принятия постановления Кабинетом Министров Украины, а путем внесения соответствующих дополнений в ст. 23 Закона Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья».

В целом, как видится, развитие органического сельского хозяйства в Украине в данный момент сдерживает ряд факторов, которые по сфере возникновения можно классифицировать на внешние и внутренние. Внешние сдерживающие факторы существуют во внешней среде относительно сельскохозяйственного товаропроизводителя. Среди них: 1) правовые – это, прежде всего, значительное количество пробелов и дефектов в законодательстве, регулирующем отношения в сфере органического сельского хозяйства, о чем шла речь выше; 2) экономико-социальные – высокие финансовые затраты при переходе на эту форму хозяйствования (только сертификация требует значительных средств – около 30 тыс. грн. в зависимости от вида продукции, площади, объемов производства), отсутствие стимулирования развития органического сельского хозяйства и поддержки органических производителей со стороны государства, низкий уровень жизни значительной части населения, не позволяющий покупать более дорогие, пусть даже органические, продукты; 3) объективно-природные – нынешнее состояние сельскохозяйственных угодий, водных объектов, лесов, всей окружающей природной среды, которые десятки лет использовались в целях традиционного сельхозпроиз-

водства. С момента принятия Закона Украины «О производстве и обороте органической сельскохозяйственной продукции и сырья» прошло всего пять лет. Вряд ли за это время природная среда смогла полностью самовосстановиться и очиститься от загрязняющих ее химических соединений и веществ. Более того, подавляющая часть сельскохозяйственных производителей в данное время занимается традиционным производством продукции растениеводства, животноводства, аквакультуры и агролесоводства. Зоны органического и традиционного производства не разграничены. Поэтому с ветром, водой, насекомыми и пр. на земельные участки, где ведется органическое производство, могут попадать химические вещества, происходить опыление пылью сельскохозяйственных культур, выращиваемых в рамках традиционного производства. Таким образом, о национальном органическом сельском хозяйстве и органической продукции и сырье можно говорить лишь условно. Следует считать, что в данное время имеет место переходный период. При этом целесообразно такой период установить не только для отдельных производителей, решивших заниматься органическим сельским хозяйством (о чем идет речь в ч. 1 ст. 30 Закона), а и в целом для тех территорий (зон), которые будут определены как пригодные для ведения такого хозяйства.

Что касается внутренних факторов, то они характеризуют самого производителя. Это могут быть: факторы экономического характера (отсутствие необходимых средств, трудовых ресурсов и т.п.), факторы личностного характера (нацеленность на получение максимальной прибыли без внимания к окружающей природной среде, реализация под видом органической продукции (сырья) продукции традиционного производства и др.), факторы земельного характера (отсутствие пригодных для ведения органического сельского хозяйства земельных участков, расположенных в предназначенных для этого зонах и т.п.). Представляется, что только комплексное преодоление этих факторов создаст основу для активного развития органического сельского хозяйства в Украине.

Выводы. Определение дефиниции такой аграрно-правовой категории, как органическое сельское хозяйство, хотя и является непростой задачей, однако от ее решения во многом зависит эффективность правового регулирования отношений в данной сфере. Украина имеет большой потенциал в сфере органического сельского хозяйства и значительные возможности по насыщению как внутреннего, так и внешнего рынка органической сельскохозяйственной продукцией. Органическая продукция становится все более привлекательной как для европейского, так и для национального потребителя. Учитывая это, Украина может стать одним из главных экспортеров такой продукции как на рынке ЕС, так и на мировом рынке. Целесообразность развития органического сельского хозяйства также обуславливается необходимостью сохранения плодородия почв, охраны окружающей природной среды, развития сельских территорий, повышения уровня жизни сельского населения, а также эффективности и устойчивого развития сельскохозяйственного производства, обеспечения населения качественной и безопасной продукцией. При этом развитие органического сельского хозяйства в Украине возможно только при комплексном преодолении сдерживающих его внешних и внутренних факторов, важнейшим из которых представляется усовершенствование законодательства Украины в указанной сфере.

Список использованной литературы:

1. International Federation of Organic Agriculture Movements. URL: <https://www.ifoam.bio/>; Willer H. The World of Organic Agriculture. Statistics and Emerging Trends 2013 / H. Willer, J. Lernoud, L. Klischer. – Bonn : Research Institute of Organic Agriculture (FiBL), Frick and IFOAM – Organic International, 2013. 340 p.
2. Рудницька О.В. Визначення цільового споживача органічної продукції в Україні за допомогою інструментів сегментації. Агроінком. 2006. № 7-8. С. 18.
3. Каблучка Е. За останні півтора роки кількість органічних виробників збільшилася вдвоє. URL: <http://energolife.info/ua/2016/News/2846/%D0%97%D0%B0%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%96%D0%BF%D1%96%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BA%D1%96%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%96%D1%81%D1%82%D1%8C%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%96%D1%87%D0%BD%D0%B8%D1%85%D0%B2%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D1%96%D0%B2%D0%B7%D0%B1%D1%96%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%8F%D0%B2%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%94.htm>.
4. Славгородська Ю.В. Виробництво органічної продукції в Україні: стан та перспективи. Вісн. Полтавської держ. аграрної академії. 2016. № 4. С. 49–54.
5. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>.
6. Милованов Е.В. Органічне сільське господарство: перспективи для України. Посіб. українського хлібороба. 2009. № 8. С. 257.
7. Директива ЄС № 834/2007 від 28 червня 2007 р. про органічне виробництво і маркування органічних продуктів. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:189:0001:0023:EN:PDF>.
8. Берлач Н.А. Правове визначення органічного сільського господарства в Україні. Державо і право: зб. наук. пр. Юрид. і політ. науки. К., 2009. Вип. 46. С. 227.
9. Піддубна Д.С. Правовий захист органічної продукції від генетично модифікованих організмів в Україні: автореф. дис...к. ю. н., спец. 12.00.06 / Нац. ун-т біоресурсів і природокористування України. К., 2015. 20 с.
10. Самсонова Я.О. Деякі аспекти удосконалення законодавства у сфері державної підтримки пріоритетних напрямків сільського господарства. Актуальні проблеми соціального права. Еволюція правового регулювання аграрних, земельних та екологічних відносин: матер. Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Львів, 18 листопада 2016 р.) / за заг. ред. П.Д. Пилипенка. Львів, 2016. С. 259.
11. Раджоньєри Марія Пия, Валлетта Марко. Агроекологічне право Європейського Союзу і Італії / Отв. ред. Д.О. Тузов. М.: Статут, 2006. 208 с.
12. Відтворення родючості ґрунтів у ґрунтозахисному землеробстві / [під ред. М.К. Шикиули]. К.: Оранта, 1998. 680 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курман Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и аграрного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurman Tatiana Viktorovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor at the Department of Land and Agricultural Law of Yaroslav Mudryi National Law University

reksik9@gmail.com

УДК 342:322(061.1ЕС)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕЛИГИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Виктория ЛУЦЕНКО,

аспирант кафедры социальной и гуманитарной политики
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию европейского законодательства, которое определяет политику в сфере религии на наднациональном общеевропейском уровне. Автором проанализированы учредительные международные соглашения Европейского Союза, Хартия основных прав ЕС, резолюции и рекомендации Совета Европы, документы ОБСЕ. Результаты исследования могут выступить базой для сравнительного анализа на предмет соответствия общеевропейским подходам к сфере религии законодательств и государственной политики в этой сфере стран, которые стремятся к интеграции в Европейский Союз.

Ключевые слова: сфера религии, политика в сфере религии, Европейский Союз, законодательство в сфере религии, государственно-конфессиональные отношения.

LEGISLATIVE SUPPORT FOR POLICY IN THE SPHERE OF RELIGION IN THE EUROPEAN UNION

Victoria LUTSENKO,

Postgraduate Student at the Department of Social and Humanitarian Policy of National Academy
of Public Administration under the President of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the study of European legislation, which determines the policy in the sphere of religion at the supra-national pan-European level. The author analyzes the constituent international agreements of the European Union, the Charter of Fundamental Rights of the EU, resolutions and recommendations of the Council of Europe, OSCE documents. The results of the study can serve as a basis for comparative analysis for compliance with the pan-European approaches to the sphere of religion of legislation and public policy in this sphere of countries that seek integration into the European Union.

Key words: the sphere of religion, politics in the sphere of religion, European Union, legislation in the sphere of religion, state-confessional relations.

Постановка проблемы. В Европейском Союзе политика в сфере религии осуществляется на двух уровнях: наднациональном (общеевропейский союзный уровень) и национальном (отдельно взятые страны). Между этими политиками существуют различия, однако национальные политики государств-членов должны согласовываться с общеевропейскими подходами к этой сфере, которые провозглашены соответствующими документами Европейского Союза, Совета Европы и ОБСЕ.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью соблюдения государствами, которые стремятся к интеграции в Европейский Союз, в своей политике и законодательстве в сфере религии общеевропейских подходов к этой сфере.

Состояние исследования. Проблематика совершенствования государственной политики в сфере религии в условия европейской интеграции исследовалась в работах ряда украин-

ских и зарубежных ученых, в том числе В. Бондаренка, С. Здиорука, В. Токмана, Ю. Решетникова, В. Еленского, М. Васина, Г. Робберса, С. Феррари и других. Вместе с тем следует отметить отсутствие исследований, посвященных комплексному анализу общеевропейского законодательства в сфере религии, которые важны для определения направлений совершенствования национальных законодательств и политик в этой сфере.

Целью статьи является анализ европейского законодательства, которое влияет на формирование и реализацию политики в сфере религии как на наднациональном общеевропейском уровне, так и на уровне государств-членов Европейского Союза.

Изложение основного материала. Изначально право Европейского Союза практически полностью исключало какое-либо законодательство, связанное со сферой религии и государственно-конфессиональными отношениями. Это объяснялось тем, что ЕС создавался именно

как экономическое объединение. Вместе с тем с самого начала это объединение базировалось на исторической связи европейских правовых идей с общей европейской культурой и культурами государств-членов европейского сообщества.

В ходе того, как экономическое объединение достигало все более высокого уровня развития, процесс интеграции начал охватывать другие сферы, в частности культурные и социальные компоненты жизни общества. Именно под влиянием таких тенденций наметился интерес к сфере религии, правовому регулированию государственно-конфессиональных отношений. Наиболее четко это стало явным после принятия Маастрихтского договора (1992), в ходе разработок Хартии основных прав Европейского Союза (2000) и, так и не принятой, Конституции ЕС.

Хартия основных прав Европейского Союза (далее – Хартия) в преамбуле констатирует, что народы Европы, создавая все более тесный союз, приняли

решение строить совместное мирное будущее, основанное на общих ценностях человеческого достоинства, свободы, равенства и солидарности. Союз опирается на принципы демократии и верховенства права. В то же время Союз уважает разнообразие культур и традиций народов Европы, национальную идентичность государств-членов ЕС [1].

Провозглашение Союзом уважения к национальной идентичности его государств-членов исходило из осознания наличия на территории ЕС существенного разнообразия этих идентичностей. Именно поэтому национальная идентичность, культура, а в их контексте и особенности религиозной жизни изначально были особыми сферами: Союз никогда не заявлял намерений по унификации этих сфер, их приведению к единому стандарту или «общему знаменателю», всячески оберегал и продолжает политику поддержки национальной, культурной и религиозной уникальности каждой из своих стран.

Вместе с тем, несмотря на уникальность каждой страны ЕС, законодательства всех этих государств относительно сферы религии подчинены общим принципам, провозглашенным международными правовыми актами ООН, Совета Европы и ОБСЕ, которые получили свое закрепление в конституционных нормах этих стран и составляют сегодня основу так называемых «общих конституционных традиций» ЕС.

Сегодня правовую основу Европейского Союза составляют два учредительных международных соглашения: Договор о Европейском Союзе (далее – Договор о ЕС) и Договор о функционировании Европейского Союза (далее – Договор о функционировании ЕС). Обязательной их частью является уже упомянутая Хартия основных прав Европейского Союза, которая согласно статье 6 Договора о ЕС имеет ту же юридическую силу, что и указанные учредительные соглашения Союза.

Следует обозначить пределы компетенции Евросоюза в сфере религии.

В целом согласно статье 5 Договора о ЕС Союз осуществляет свою компетенцию исключительно в тех пределах, которые предоставлены (делегированы) ему государствами-членами (принцип наделения компетенцией) и в соответствии с принципами субсидиарности и пропорциональности [2]. А согласно статье 2 Договора о функ-

ционировании ЕС сферы компетенции Союза делятся на три категории: (1) сферы исключительной компетенции Союза, (2) сферы совместной с государствами-членами компетенции Союза, (3) сферы, где Союз располагает компетенцией осуществлять деятельность, направленную на поддержку, координацию или дополнение деятельности государств-членов, не подменяя при этом их компетенцию в данных сферах [3].

Сфера религии в этих договорах не выделена, наряду с другими, в отдельную сферу, в отношении которой Союз четко указывал бы пределы своей компетенции.

Однако культура, согласно статье 6 Договора о функционировании ЕС, относится к сферам, где Союз располагает компетенцией осуществлять деятельность, направленную на поддержку, координацию или дополнение деятельности государств-членов (третья категория сфер). Это согласно статье 2 Договора означает, что юридически обязательные акты Союза не могут производить гармонизацию законов или подзаконных актов государств-членов ЕС [3].

Не выделив сферу религии отдельно, договоры регулируют вопросы, связанные с этой сферой в других статьях этих соглашений.

Что касается первого учредительного соглашения – Договора о ЕС, то именно Лиссабонским договором к его преамбуле было внесено упоминание о культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы, на основе которого сформировались универсальные ценности – неприкосновенные и неотчуждаемые права человеческой личности, свобода, демократия, равенство и правовое государство [2]. При этом, отметив сразу после упоминания о наследии Европы ее потребность в создании прочных основ для устройства своего будущего, Договор о ЕС тем самым имплицитно ссылается на важную роль религиозного наследия в создании таких основ.

Другие положения Договора о ЕС не содержат больше никаких прямых упоминаний о сфере религии. Однако статья 6 Договора указывает, что поскольку Хартия прав ЕС и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция) составляют основу общих для государств-членов конституционных традиций, то провозглашенные этими актами основные пра-

ва и свободы входят в содержание права Союза в качестве общих принципов [2].

То есть Договор о ЕС признает силу прав и свобод, связанных со свободой совести и религии, которые провозглашены соответствующими статьями Хартии и Европейской Конвенции. При этом Хартия в статье 10 провозглашает свободу мысли, совести и религии в том же формулировании и значении, что и статья 9 Европейской Конвенции [1].

Следует уточнить, что статьей 52 Хартии предусмотрены общие ограничения относительно основных прав и свобод, которые, относительно свободы совести и религии, возникают как более строгие, чем ограничения, предусмотренные статьей 9 Европейской Конвенции. Однако часть третья статьи 52 Хартии указывает, что, если Хартия содержит права, соответствующие правам, гарантированным Конвенцией, то их смысл и применение совпадают со смыслом и применением, установленными названной Конвенцией [1]. То есть ограничения в отношении прав и свобод, установленные Хартией, не могут превышать ограничений, установленных Европейской Конвенцией. Поэтому относительно свободы совести и религии ограничения в Союзе определяются в объемах, предусмотренных статьей 9 Конвенции, а другие ограничения Хартии не применяются.

Статья 21 Хартии устанавливает, что в Союзе запрещена всякая дискриминация, в том числе и по признаку религии. В соответствии со статьей 22 Хартии Союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие. Однако право родителей обеспечивать обучение и воспитание детей в соответствии со своими религиозными убеждениями в статье 14 Хартии обозначено как такое, которое соблюдается в соответствии с положениями национальных законодательств [1].

Второе учредительное соглашения ЕС – Договор о функционировании ЕС – содержит значительно больше положений, связанных со сферой религии. В частности, статьей 17 Договора установлено, что: «(1). Союз соблюдает и не посягает на статус, которым пользуются согласно национальному праву церкви и религиозные ассоциации или общины в государствах-членах. (2). Союз также соблюдает статус, которым пользуются согласно национальному праву философские и неконфессиональные органи-

зации. (3). Признавая их самобытность и их специфический вклад, Союз поддерживает открытый, прозрачный и регулярный диалог с этими церквями и организациями» [3].

Указанная статья выражает существующий нейтралитет Евросоюза относительно вопросов религии и вероисповедания, отнесение полномочий по определению правового статуса церквей, религиозных и основанных на других убеждениях организаций (философских и неконфессиональных) к компетенции национальных законодательств государств-членов. То есть общеевропейские союзные структуры в своей деятельности должны уважать особенности, не ставить под сомнение и не нарушать законов государств-членов, связанных со статусом религиозных организаций.

Одним из последствий этого является то, что ЕС также не устанавливает требований относительно государственно-конфессиональных отношений, которые сложились в этих странах. Государства самостоятельно определяют особенности отношений с религиозными организациями, предоставление им тех или иных преференций (государственные церкви, церкви с особым статусом, отделение государства и церкви, прочее). Более того, ЕС не отрицает права государств-членов вводить специальное законодательство в сфере религии в случае его корреляции с Европейской Конвенцией, – как это констатировано в Рекомендации ПАСЕ «Государство, религия, светское общество и права человека» [4].

Часть третья статьи 17 Договора о функционировании ЕС гарантирует развитие диалога между Европейским Союзом, церквями и религиозными организациями. При этом данный диалог должен уважать особую сущность (специфику) таких организаций, быть открытым, прозрачным и постоянным.

Указанная норма Договора о функционировании ЕС соответствует статье 11 выше рассмотренного Договора о ЕС, нормы которого определяют, что «институты поддерживают открытый, прозрачный и регулярный диалог с представительными ассоциациями и гражданским обществом» [2].

Диалог с религиозными организациями выстраивается в ЕС на тех же принципах, что и диалог со всеми организациями гражданского общества. Однако внесение Лиссабонским договором к До-

говору о функционировании ЕС отдельных норм относительно диалога с такими организациями позволило Союзу подчеркнуть, что церкви и религиозные организации являются не просто частью его гражданского общества, показать признание за ними особого места в этом гражданском обществе и подчеркнуть важность отдельного диалога с ними.

Согласно части третьей статьи 11 Договора о ЕС Европейская Комиссия проводит широкие консультации с заинтересованными сторонами с целью обеспечения прозрачности действий Союза [2]. При этом религиозные деноминации выступают легитимной стороной и признаются приемлемыми партнерами в таких консультациях.

В соответствии со статьей 13 Договора о функционировании ЕС Союз и государства-члены, определяя и осуществляя свою политику в различных сферах общественной жизни, уважают обычаи, в частности относительно религиозных обрядов, культурных традиций и регионального наследия, а согласно статье 10 Договора Союз также стремится бороться с любой дискриминацией по признакам пола, расы или этнического происхождения, религии или убеждений [2].

В контексте анализа Договора о функционировании ЕС нельзя обойти вниманием и тот факт, что в нем есть отдельная статья, посвященная культуре.

Статья 167 гласит, что Союз способствует расцвету культур государств-членов при уважении их национального и регионального разнообразия, одновременно акцентируя на общем культурном наследии. Действия Союза направлены на поощрение сотрудничества государств-членов и, в случае необходимости, на поддержку и дополнение их деятельности в сфере культуры. С этой целью Европейский Парламент и Совет, действуя в соответствии с обычной законодательной процедурой, принимают поощрительные меры. При этом такие поощрительные меры ни в коем случае не могут быть направлены на гармонизацию законов и подзаконных актов государств-членов ЕС [3].

Религия и культура тесно связаны между собой и являются составляющими мду духовной сферы жизни общества. Подчеркивая общность культурного наследия Европы, Союз тем самым имплицитно указывает и на общие религиозные истоки и традиции европейского

общества. Не допуская гармонизации правовых норм государств-членов относительно их культур, Союз обеспечивает уважение к особенностям культурной, а в ее контексте и религиозной сфер этих государств ЕС.

Согласно статье 218 Договора о функционировании ЕС Союз может заключать соглашения с третьими странами и международными организациями [3]. Это касается и Святого Престола как субъекта международного права, с которым в ряде государств-членов заключены соглашения о функционировании Католической церкви в них.

Следует также добавить, что решение Европейского суда по правам человека является источником прецедентного права, за счет которого происходит расширение и уточнение нормативно-правового регулирования, в частности сферы религии и государственно-конфессиональных отношений в ЕС. При этом именно рассмотрение Европейским Судом в середине 70-х годов дел, связанных с защитой права на свободу совести и религии, привело к пониманию необходимости формулировки определенных общих положений относительно этой сферы на уровне общеевропейского права, поддержания в Европейском Союзе осознанного и открытого подхода к таким вопросам.

Что касается документов Совета Европы и ОБСЕ, то этими организациями принято большое количество резолюций и рекомендаций относительно сферы религии, и проведение их полного анализа, учитывая рамки статьи, не представляется возможным.

Вместе с тем самыми важными и определяющими среди документов Парламентской Ассамблеи Совета Европы по религиозной проблематике являются: Резолюция 885 (1987) «О еврейском вкладе в европейскую культуру», Рекомендация 1086 (1988) «О положении Церкви и свободе вероисповедания в Восточной Европе», Резолюция 916 (1989) «О неиспользуемых культовых зданиях», Рекомендация 1162 (1991) «О вкладе исламской цивилизации в европейскую культуру», Рекомендация 1178 (1992) «О сектах и новых религиозных движениях», Рекомендация 1202 (1993) «О религиозной терпимости в демократическом обществе», Рекомендация 1222 (1993) «О борьбе против расизма, ксенофобии и нетерпимости», Рекомен-

дация 1291 (1996) «О культуре идиш», Рекомендация 1396 (1999) «Религия и демократия», Рекомендация 1412 (1999) «О незаконной деятельности сект», Рекомендация 1556 (2002) «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе», Рекомендация 1720 (2005) «Образование и религия», Резолюция 1510 (2006) «Свобода слова и уважение религиозных верований», Рекомендация 1804 (2007) «Государство, религия, светское общество и права человека», Рекомендация 1805 (2007) «Святотатство, религиозные оскорбления и враждебные высказывания в адрес лиц в связи с их религией», Резолюция 1605 (2008) и Рекомендация 1831 (2008) «Европейские мусульманские общины перед лицом экстремизма», Резолюция 1743 (2010) и Рекомендация 1927 (2010) «Ислам, исламизм и исламофобия в Европе», Рекомендация 1957 (2011) «Насилие в отношении христиан на Ближнем Востоке», Рекомендация 1962 (2011) «Религиозный аспект межкультурного диалога», Резолюция 1928 (2013) «Гарантия прав человека в связи с религиозными и иными убеждениями и защита религиозных общин от насилия», Резолюция 2036 (2015) «Борьба с нетерпимостью и дискриминацией в Европе с особым акцентом в отношении христиан», Резолюция 2076 (2015) и Рекомендация 2080 (2015) «Свобода религии и совместная жизнь в демократическом обществе», Рекомендация 2101 (2017) «Защита прав родителей и детей, принадлежащих к религиозным меньшинствам» и другие.

Значение резолюций и рекомендаций ПАСЕ сложно переоценить, поскольку именно в этих документах всесторонне рассматриваются и анализируются актуальные проблемы, угрозы и вызовы во всех сферах общественной жизни, характерные для большинства стран Европы, прописываются рекомендационные установки, влияющие на формирование и реализацию государственных политик этих стран, чем обеспечивается их взаимосвязь и согласованность, соответствие общеевропейским демократическим принципам.

Например, ПАСЕ в своей Рекомендации 1178 (1992) «О сектах и новых религиозных движениях» указала, что введение в национальные законодательства норм относительно сект является нежелательным по той причине, что такое законодательство может в значительной

степени противоречить принципам свободы совести и религии, гарантированным статьей 9 Европейской Конвенции [5]. А в Рекомендации 1412 (1999) «О незаконной деятельности сект» Парламентская Ассамблея пришла к выводу о том, что не нужно определять, что является сектой, и решать, религия это или нет. Важно, чтобы деятельность любых групп религиозного, эзотерического или духовного характера совершалась в соответствии с демократическими принципами и была законной. При этом нейтральность государства и равная защита перед законом являются основными гарантиями против любой формы дискриминации. Учитывая это, Ассамблея призвала государственные органы стран-членов Совета Европы воздержаться от принятия мер, которые основываются на выводах относительно ценности верований, а против незаконной практики, осуществляемой от имени групп религиозного, эзотерического или духовного характера, ПАСЕ рекомендует применять обычные процедуры, предусмотренные уголовным и гражданским законодательствами этих стран [6]. К этому же самому призывает ПАСЕ в другой Рекомендации 1556 (2002) «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе» в случаях, когда доказано, что религиозной свободой злоупотребляют во вред обществу, правам, свободам и здоровью людей [7].

ОБСЕ издает документы, в которых достаточно часто расширяются и углубляются провозглашенные документами Совета Европы основы реализации политики в тех или иных сферах общественной жизни, в том числе и в сфере религии.

Например, по показанной выше ситуации относительно противозаконной деятельности религиозных организаций, ОБСЕ по результатам своей Венской встречи (июль 2003) выдало Рекомендации по свободе религии и вероисповедания. В них государствам-членам ОБСЕ также рекомендуется не создавать специального законодательства, которое бы ограничивало свободу совести или деятельность религиозных организаций из соображений национальной безопасности, имея в виду угрозу терроризма, подготовку попыток свержения власти, расистской пропаганды, пропаганды религиозной вражды и прочее. Это мотивируется тем, что все необходимые ограничения прав и свобод, как правило,

уже заложены в национальных законодательствах государств, и нужно уметь правильно ими пользоваться. Если же появляется потребность в новых ограничениях, то они должны быть одинаково предусмотрены как для религиозных, так и для других ассоциаций [8].

Несмотря на высокий уровень демократичности принципов и стандартов, провозглашенных общеевропейским законодательством, эксперты обращают внимание, что их реализация на практике является весьма проблематичной, иногда сопровождается нелогичным вмешательством надгосударственных общеевропейских структур в сферу религии, а одним из негативных последствий является то, что государственно-конфессиональные отношения в ряде стран ЕС теряют свою национальную специфику.

Например, в 1997 году Греция, где православная церковь имеет статус государственной, под давлением Европейского Парламента отменила в паспортах своих граждан графу о религиозной принадлежности; в 1978 году Испания, с принятием новой Конституции, вместо модели официальной церкви законодательно установила кооперационную модель государственно-конфессиональных отношений; аналогичный процесс состоялся в 2000 году в Швеции; в 2003 году Европейский Парламент потребовал обеспечить женщинам свободный доступ на святую гору Афон (Автономную православную монашескую республику в Греции, доступ к которой для женщин закрыт якобы по повелению Пресвятой Богородицы), что было признано вмешательством законодательного органа ЕС во внутренние дела религиозных организаций, другое.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Приведенный выше анализ общеевропейского законодательства и политики в сфере религии на наднациональном уровне выступает базой для последующего сравнительного анализа, целью которого является установление соответствия законодательства и государственной политики в сфере религии стран, которые стремятся к интеграции в Европейский Союз, общеевропейским подходам к этой сфере, определению направлений необходимого совершенствования такого законодательства и политики, постановка задач в рамках этих направлений, выработка способов их осуществления.

Список использованной литературы:

1. Хартия основных прав Европейского Союза; Европейский Союз; Хартия, Международный документ от 07.12.2000. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter>.

2. Договор о Европейском Союзе; Европейский Союз; Договор, Международный документ от 07.02.1992. URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu>.

3. Договор о функционировании Европейского Союза; Европейский Союз; Договор, Международный документ от 25.03.1957. URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>.

4. Государство, религия, светское общество и права человека, Рекомендация ПАСЕ 1804 (2007). URL: [http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2007\]/%5BJun2007%5D/Rec1804_rus.asp](http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2007]/%5BJun2007%5D/Rec1804_rus.asp).

5. О сектах и новых религиозных движениях, Рекомендация ПАСЕ 1178 (1992) // Общественная организация «Союз защиты семьи и личности». URL: <https://www.sites.google.com/site/fppungoru/zakonodatelstvo/dokumenty-pase-i-es/rekomendaciaparlamentskoiera-dievropino11781992-1>.

6. О незаконной деятельности сект, Рекомендация ПАСЕ 1412 (1999). URL: <https://lib.sale/prava-cheloveka-pravo/rekomendatsiya-1412-1999-parlamentskoj-77948.html>.

7. Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе, Рекомендация ПАСЕ 1556 (2002). URL: [https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/\[Russian_documents\]/\[2002\]/\[Avril2002\]/Rek_1556.asp#TopOfPage](https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/[2002]/[Avril2002]/Rek_1556.asp#TopOfPage).

8. Рекомендации на встрече ОБСЕ по свободе религии и вероисповедания в Вене 17-18 июля 2003 г. URL: http://www.religare.ru/2_6004.html.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Луценко Виктория Владимировна – аспирант кафедры социальной и гуманитарной политики Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lutsenko Viktoriya Vladimirovna – Postgraduate Student at the Department of Social and Humanitarian Policy of National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

L_vika17@ukr.net

УДК 347.73

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПЛАТЕЖЕЙ КАК ГАРАНТИЯ БЕСПЕРЕБОЙНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

Мария ПОЖИДАЕВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры финансового права учебно-научного института
«Юридический институт
Государственного высшего учебного заведения
«Киевский национальный экономический университет
имени Вадима Гетьмана»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности правового обеспечения безопасности платежей, в том числе и система защиты информации, которая циркулирует в платежных системах. На основе анализа законодательства Украины, международных стандартов, правил платежных систем предлагается целостное восприятие правового обеспечения безопасности платежей как гарантии надежности платежной системы.

Ключевые слова: безопасность платежей, платежная система, политика информационной безопасности, правила платежной системы.

LEGAL SECURITY OF PAYMENTS AS THE GUARANTEE OF CONTINUING FUNCTIONING OF PAYMENT SYSTEMS

Maria POZHIDAIEVA,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Financial Law Department
in Kyiv National Economic University named after Vadym Getman

SUMMARY

The article deals with features of legal security of payments, including information protection system, that circulates in payment systems. Based on the legislation of Ukraine, international standards, rules of payment systems the holistic perception legal security of payments have been proposed for the guarantee of payment system reliability.

Key words: payment security, payment system, information security policy, payment system rules.

Постановка проблемы. В условиях всеобъемлющей цифровой трансформации, активной интеграции информационных технологий во все проявления социально-политической и экономической жизни общества вопросы безопасности по внедрению и использованию тех или иных инноваций требуют особого внимания и соответствующей правовой регламентации.

К сожалению, в ходе диджитализации чем стремительнее развивается платежная сфера, жизненно необходимая для осуществления оплаты товаров, работ, услуг, тем изощреннее

становятся схемы мошенничества, учащаются случаи несанкционированного доступа к данными платежных карт, а также осуществления незаконных платежных операций. Наряду с этим в финансовом секторе увеличивается количество рисков кибератак, мотивированных интересами отдельных государств, групп и лиц. Итак, на фоне усиления угроз и киберрисков появляются новые вызовы правовому обеспечению безопасности платежей.

Актуальность темы исследования состоит в том, что эффективное правовое обеспечение высокого уров-

ня безопасности денежных переводов, электронных и мобильных платежей как с помощью платежных карт, так и без них, а также сохранности клиентских денег способствует популяризации безналичных расчетов и уходу от использования наличных денег.

Как справедливо предусматривает украинский законодатель, обеспечение безопасности платежей достигается путем обязательного внедрения и использования соответствующей системы защиты, которая состоит из:

1) законодательных актов Украины и других нормативно-правовых актов, а также внутренних актов субъектов перевода, которые регулируют порядок доступа и работы с соответствующей информацией, а также ответственность за нарушение этих правил;

2) мероприятий охраны помещений, технического оборудования соответствующей платежной системы и персонала субъекта перевода;

3) технологических и программно-аппаратных средств криптографической защиты информации, обрабатываемой в платежной системе (см. п. 38.4 ст. 38 Закона Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине» от 05.04. 2001 г.).

Состояние исследования. В отечественной научной литературе наработан определенный массив проблематики, посвященный тем или иным аспектам безопасности платежных систем, отдельным вопросам защиты информации в платежных системах, в том числе инновационным технологиям защиты электронных транзакций. Однако можно констатировать недостаток исследований по данной проблематике в юридической науке. В финансовом праве и информационном праве вопросы безопасности осуществления платежей не были комплексно исследованы, что затрудняет целостное восприятие правового обеспечения безопасности платежей как гарантии надежности платежной системы.

Отдельные вопросы безопасности платежных систем, организации мер по обеспечению безопасности в банковской системе анализировали в своих научных работах Е.А. Алисов, А.В. Иванкевич, Т.Т. Ковальчук, З.Р. Костак, В.И. Мазур, Н.М. Руцишин, И.О. Трубин, Т.А. Чернадчук и др.

Целью и задачей статьи является анализ законодательства Украины, меж-

дународных стандартов, правил платежных систем в Украине, которые в целом предусматривают меры по обеспечению безопасности осуществления платежей как в торговой сети, так и сети Интернета, а также регулируют порядок доступа и работы с соответствующей платежной информацией. При этом раскрытие особенностей правового обеспечения безопасности электронных и мобильных платежей, проведения безналичных расчетов с помощью использования платежных карт, в том числе и системы защиты информации, которая циркулирует в платежных системах, является необходимым в достижении главной цели – защиты публичных финансовых интересов от внешних и внутренних угроз в платежном пространстве.

Изложение основного материала. Безопасность при осуществлении платежных операций является одной из главных составляющих надежной платежной системы и основой доверия со стороны пользователей платежных услуг. В то же время надлежащий уровень защиты платежной системы можно считать показателем стабильности данной системы в случае внешних воздействий разного характера.

Анализируя п. 38.5 ст. 38 Закона Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине», следует сделать вывод, что для безопасности платежей важной является сама система защиты информации, которая должна обеспечивать:

1) целостность информации, которая передается в платежной системе, и компонентов платежной системы, что означает их существование в неискаженном виде (неизменном по отношению некоторого фиксированного их состояния);

2) конфиденциальность информации во время ее обработки, передачи и хранения в платежной системе, что указывает на необходимость применения ограничений круга субъектов, имеющих доступ к данной информации, и сохранения указанной информации втайне от субъектов, не имеющих полномочий на право доступа к ней;

3) невозможность отказа инициатором от факта передачи и получателем от факта принятия документа на перевод, документа по операциям с применением средств идентификации, документа на отзывание;

4) обеспечение постоянного, своего временного и беспрепятственного до-

ступа к компонентам платежной системы лицам, имеющим на это право или полномочия, определенные законодательством Украины, а также установленные договором;

5) наблюдаемость с помощью автоматизации, контроля управления доступом, мониторинга и др. способами для фиксации деятельности идентифицированных пользователей и процессов платежной системы.

Как справедливо отмечает Е.А. Алисов, режим функционирования и технологические регламенты работы платежных систем должны предусматривать вопросы обеспечения их информационной безопасности [1, с. 125]. Итак, в соответствии с п. 38.3 ст. 38 Закона Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине» необходимо сделать акцент на особенностях определения первоочередности нормативно-правовых и правоприменительных актов в сфере регулирования порядка защиты информации в платежных системах в зависимости от их территориального значения (пространственного измерения). Таким образом, порядок защиты и использования средств защиты информации участниками именно международных платежных систем, в первую очередь, регулируется правилами этих систем, а уже в случае отсутствия в таких правилах соответствующих положений – тогда законами Украины и нормативно-правовыми актами Национального банка Украины (далее – НБУ). При этом законодатель установил, что общий порядок защиты и использования средств защиты информации по переводу денежных средств определяется законами Украины, нормативно-правовыми актами НБУ и правилами платежных систем.

Также следует отметить, что вопрос безопасности платежей может возникать и при их возможном осуществлении как в особый период, так и чрезвычайных ситуациях в стране/странах. В частности, обобщая нормы ст. 1 Закона Украины «Об обороне Украины» от 06.12.1991 г., под особым периодом может рассматриваться период мобилизации или введения военного положения в Украине (в отдельных ее местностях). В связи с этим в свое время Правление НБУ приняло ряд нормативно-правовых актов, среди которых следует выделить такие

постановления, как «Об утверждении Положения о межбанковском переводе средств в Украине в национальной валюте в особый период» от 23.12.2003 г. № 576, «Об утверждении Положения о порядке осуществления безналичных расчетов в национальной денежной единице Украины в особый период» от 23.12.2003 г. № 577 и др. Данные акты определяют возможность осуществления безналичных расчетов в особый период в порядке, установленном центральным банком с учетом предусмотренных законодательством ограничений. И в то же время НБУ отождествляет установление особого периода с фактом наступления обстоятельств непреодолимой силы (см. п. 1.7 главы 1 постановления Правления НБУ от 23.12.2003 г. № 577), что не соответствует общепринятому правовому пониманию непреодолимой силы как природных явлений.

Продолжая анализ нормативно-правовых актов НБУ в сфере обеспечения безопасности платежей, следует заметить, что наряду с особым периодом отдельно выделяется и понятие чрезвычайной ситуации. В пп. 15 п. 1 раздела II постановления НБУ «Об утверждении Положения о надзоре (оверсайте) платежных систем и систем расчетов в Украине» от 28.11.2014 г. № 755 под чрезвычайной ситуацией рассматриваются причины и обстоятельства, составляющие угрозу для непрерывности деятельности платежной системы: экономический кризис, террористический акт, природные катастрофы (землетрясения, оползень, обвал, сель, цунами, лавина, наводнение, смерч, засуха, заморозки, гроза, природный пожар), техногенные катастрофы и аварии (взрыв, пожар), массовые беспорядки, сбой в поставках электроэнергии и т.д.

Итак, для обеспечения непрерывной деятельности платежной системы в чрезвычайной ситуации платежная организация данной системы обязана разработать и утвердить план соответствующих мероприятий, направленных на поддержание технологий выполнения платежных операций в чрезвычайных условиях, в том числе и в случае отказа/сбоя работы телекоммуникационных сетей и/или отдельных составляющих программно-технического обеспечения, а также на восстановление непрерывности проведения плате-

жей. На основании изложенного выше можно сделать вывод, что бесперебойное, а следовательно, и безопасное функционирование платежной системы обеспечивает ее использование для расчетов с минимальным риском. Поскольку правила любой платежной системы также предусматривают положения о системе управления в ней рисками (правовым, финансовыми, расчетным, операционным, системным), механизме контроля, минимизации и устранения последствий воздействия рисков, возникающих в платежной системе (см. раздел VII постановления Правления НБУ от 28.11.2014 г. № 755).

В Украине органы руководства платежной организации значимой платежной системы обязаны назначить лицо (лиц) и / или подразделение (ия), ответственное (ых) за управление рисками и обеспечения информационной безопасности в платежной системе, и осуществлять надзор за его деятельностью (см. п. 5 раздела V постановления Правления НБУ от 28.11.2014 г. № 755). Следует указать, что при передаче электронной платежной информации для проведения транзакции средствами телекоммуникационной связи такие данные должны быть зашифрованы согласно требованиям соответствующей платежной системы, а при их отсутствии – в соответствии с законами Украины и нормативно-правовыми актами НБУ (см. п. 38.2 ст. 38 Закона Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине» от 05.04.2001 г.).

Для предотвращения и противодействия внутренним и внешним угрозам информационной безопасности при осуществлении электронных и мобильных платежей каждая платежная организация в правилах работы своей платежной системы должна предусмотреть политику информационной безопасности с помощью реализации комплекса организационных мероприятий и программно-технических средств, которые обеспечивают надежную защиту информации на каждом звене организационной и технологической инфраструктуры системы. При этом участники платежной системы обязаны выполнять установленные внутренними нормативными документами требования по обеспечению защиты информации, которая принимается и обрабатывается в системе, а также несут ответственность

в случае нарушения данных требований в соответствии с указанными выше правилами платежной системы и условий договоров.

Следует отметить и тот факт, что описанию обязательных компонентов системы защиты информации в платежной системе посвящен пп. 15 п. 2 раздела II постановления Правления НБУ «Об утверждении Положения о порядке регистрации платежных систем, участников платежных систем и операторов услуг платежной инфраструктуры» от 04.02.2014 г. № 43. Также в свое время НБУ были разработаны рекомендации по составлению правил платежной системы, в т. ч. и п. 11 по обеспечению ее информационной безопасности, платежной организацией которой является резидент, и размещены на официальной странице центрального банка государства [2].

В то же время требует внимания не только соответствие системы защиты информации определенной платежной системы национальному законодательству, но и международным стандартам обеспечения безопасности платежей, среди которых следует выделить ряд общепринятых стандартов-требований в сфере безопасности обращения платежных карт. Данные международные стандарты разработаны и поддерживаются Советом по стандартам безопасности индустрии платежных карт (Payment Card Industry Security Standards Council, PCI SSC), который был учрежден международными платежными системами Visa, MasterCard, American Express, JCB и Discover [3]. Например, каждая организация, которая принимает, обрабатывает, передает или хранит данные платежных карт на своем сайте, должна полностью соответствовать требованиям международного стандарта PCI DSS (Payment Card Industry Data Security Standard) безопасности данных индустрии платежных карт, о чем свидетельствует значок сертификата PCI DSS на ее интернет-странице. При этом организации, задействованные в процессе хранения, обработки и передачи данных, ежегодно проходят сертификацию безопасности согласно этому стандарту.

Не менее важными для безопасности онлайн-платежей являются современные криптографические протоколы защиты информации для передачи за-

шифрованных данных в сети. Сегодня это протокол TLS (Transport Layer Security), основанный на протоколе SSL (Secure Sockets Layer), дальнейшим развитием и обновлением которого занимается международное сообщество IETF (Internet Engineering Task Force), Инженерный совет Интернета [4]. Таким образом, сайты платежных провайдеров, использующие протокол TLS/SSL и подтверждающие это определенным сертификатом, обеспечивают безопасное соединение и шифруют информацию о данных платежных карт, шифр которых взломать невозможно.

Также платежными системами в Украине для обеспечения безопасности платежей активно используются такие технологии международных стандартов, как 3d Secure, токенизация и др. Технология 3d Secure позволяет максимально достоверно подтвердить, что именно этот пользователь совершает данный платеж с помощью пароля, который меняется при совершении каждой новой платежной операции путем его доставки СМС-сообщением. В международных платежных системах услуга такой проверки называется Verified by Visa и Mastercard SecureCode, что отображается соответствующим значком на сайте участника платежной системы.

Технология токенизации делает безопасными электронные платежи с помощью шифрования данных платежной карты в токен, который выглядит как случайная комбинация символов и, попадая в терминал торговца, транслируется по сети в банк для подтверждения платежа. Эта технология используется для интернет-транзакций и платежей в обычных магазинах с помощью смартфонов [5].

В последнее время у международных платежных систем распространенным и востребованным в виде платформы для защиты электронных платежей становится технология Point-to-Point Encryption (P2PE) [6]. Данный международный стандарт PCI P2PE (Payment Card Industry Point-to-Point Encryption) содержит требования к решениям, поддерживающим особый алгоритм шифрования данных платежных карт, который обеспечивает надежный обмен платежной информацией между торгово-сервисным предприятием, где находится

POS-терминал, и банком-эквайером. В Украине для внедрения этого стандарта платежным системам необходимо усовершенствовать свои технологии решений вопросов, связанных с защитой информации во время осуществления платежей, и как результат – успешно пройти сертификацию на соответствие требованиям такого международного стандарта безопасности платежей.

Следует отметить, что в Украине согласно п. 39.3 ст. 39 Закона Украины «О платежных системах и переводе денег в Украине» с целью обеспечения безопасности денежных переводов платежными системами широко используются антифрод-фильтры для выявления мошеннических операций, а также многофакторная аутентификация пользователей (например, применение для аутентификации пароля вместе с аппаратным средством защиты информации (токеном) или биометрической аутентификации вместе с паролем) (см. пп.1 п. 3 раздела I постановления Правления НБУ «Об утверждении Положения об организации мероприятий по обеспечению информационной безопасности в банковской системе Украины» от 28.09.2017 г. № 95).

Выводы. Принимая во внимание изложенное выше, можно сделать обобщающий вывод, что для обеспечения надлежащего уровня безопасности платежей важным является эффективное правовое регулирование в этой сфере как на уровне национального законодательства, так и учитывание международных стандартов по внедрению и использованию инновационных технологий непрерывной защиты информации относительно перевода средств на всех этапах ее формирования, обработки, передачи и хранения в платежном пространстве. Все это в совокупности гарантирует целостную систему безопасности электронных и мобильных платежей.

Список использованной литературы:

1. Алісов Є.О. Деякі проблеми правового регулювання глобальної платіжної системи в Україні. Вісник Академії правових наук України. 2004. № 4. С. 116-126.
2. Рекомендації Національного банку України щодо складання правил платіжної системи, платіжною

організацією якої є резидент. URL: <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=56198275>.

3. Official PCI Security Standards Council Site. PCI DSS (Payment Card Industry Data Security Standard). URL: <https://www.pcisecuritystandards.org>.

4. Transport Layer Security (TLS). IETF. URL: <https://datatracker.ietf.org/wg/tls/documents/>.

5. Филатова Е. Токенизация: как это работает? URL: <https://psm7.com/безрубрики/tokenization-how-does-it-work.html>.

6. Керівник ФК «Леогеймінг Пей2 Альона Дегрік про впровадження технології P2PE для захисту електронних платежів. URL: <https://window.unian.ua/10087805-kerivnik-fk-leogeyming-pey-alona-degrik-provprovadzheniya-tehnologiji-p2pe-dlyazahistu-elektronnih-platezhiv.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пожидаева Мария Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права учебно-научного института «Юридический институт Государственного высшего учебного заведения «Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pozhydaeva Maria Anatolyevna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Financial Law Department in Kyiv National Economic University named after Vadym Getman

pozhydaeva_maria@ukr.net

УДК 342.924

СУДЕБНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ АКТОВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ИСТОЧНИКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Владимир РЕШОТА,

кандидат наук государственного управления, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права
Львовского национального университета имени Ивана Франко

АННОТАЦИЯ

В статье исследована правовая природа нормативно-правовых актов местных органов исполнительной власти. Определены особенности, виды и принадлежность актов местных органов исполнительной власти в системе источников административного права. Исследованы проблемные аспекты государственной регистрации нормативных актов местных органов исполнительной власти. Установлено, что к актам местных органов исполнительной власти относятся акты местных государственных администраций, а также акты территориальных органов министерств и других центральных органов исполнительной власти Украины. Отмечено, что эти акты имеют подзаконный характер и должны соответствовать актам высшей юридической силы.

Ключевые слова: источник административного права, нормативный акт, местный орган исполнительной власти, местные государственные администрации.

JUDICIAL APPLICATION OF ACTS OF LOCAL EXECUTIVE BODIES AS SOURCES OF ADMINISTRATIVE LAW

Vladimir RESHOTA,

Candidate of Science of Public Administration, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Administrative and Financial Law of Ivan Franko National University of Lviv

SUMMARY

In the article the legal nature of normative legal acts of local executive bodies is investigated. Specifics, types and affiliation of acts of local executive bodies in the system of sources of administrative law are determined. The problematic aspects of state registration of normative acts of local executive bodies are investigated. It is established that acts of local executive bodies include acts of local state administrations and acts of territorial bodies of ministries and other central bodies of executive power of Ukraine. It is noted in the article that these acts are bylaws and therefore must correspond to acts of higher legal force.

Key words: source of administrative law, normative act, local executive body, local state administrations.

Постановка проблемы. В системе источников административного права важное место занимают местные акты органов публичной администрации. К ним необходимо отнести нормативные акты местных органов исполнительной власти, органов власти Автономной Республики Крым, а также нормативно-правовые акты органов местного самоуправления.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы и тем, что исследованию правовой природы актов местных органов публичной администрации уделено недостаточно внимания в учебной и научной литературе по административному праву.

Состояние исследования. Этому вопросу больше внимания уделяют специалисты в области конституционного

права и теории права. Среди таких исследователей следует назвать: В. Бевзенко, Т. Калиновского, Н. Каминскую, А. Кузнецова, Л. Луць, Р. Мельник, К. Наумова, М. Петрушин, А. Скакун, Ю. Шемчушенко и др.

Целью и задачей статьи является исследование правовой природы актов органов местного самоуправления в системе источников административного права.

Изложение основного материала. К источникам административного права необходимо отнести и такие подзаконные нормативно-правовые акты, территориальная сфера действия которых распространяется не на всю Украину, а лишь на определенную административно-территориальную единицу, то есть имеет определенные ограничения действия в пространстве. При этом та-

кие акты также имеют общеобязательный характер, выполнение которых обеспечивается средствами принуждения. А.В. Батанов относительно актов местного самоуправления отметил, что они имеют директивно обязательный и публично властный характер, обеспечиваемые принудительной силой закона [1, с. 57]. В то же время «выражение воли территориальной общины при принятии нормативных актов представительными органами является определяющим условием осуществления местного самоуправления» [2, с. 120]. Это характеризует назначение местного самоуправления в Украине.

Местные подзаконные нормативно-правовые акты некоторые авторы предлагают называть «местными актами управления» [3, с. 186]. Их условно можно выделить в отдельную группу источ-

ников административного права. К ним можно отнести акты органов государственной исполнительной власти на местах, акты органов власти Автономной Республике Крым, акты органов местного самоуправления. Отдельно стоит выделить локальные акты, к которым относим акты руководителей государственных предприятий, учреждений и организаций, хотя довольно часто локальные и местные акты отождествляются.

Несмотря на различие вышеуказанных органов и правовой природы их актов, они характеризуются следующими признаками:

- 1) имеют подзаконный характер и должны соответствовать актам высшей юридической силы;
- 2) нормативные акты местных органов власти являются обязательными к исполнению;
- 3) пространственная сфера действия таких актов ограничивается определенной территорией;
- 4) принимаются в установленном порядке по соответствующим процедурам;
- 5) регулируют общественные отношения местного значения.

Государственная исполнительная власть на местах представлена местными государственными администрациями и территориальными органами центральных органов исполнительной власти. Важное значение для урегулирования отношений местного характера этими органами должны иметь нормативные акты местных государственных администраций. Я.Я. Буряк предлагает их рассматривать как «акт-документ главы местной государственной администрации, который принимается на основании закона и для его конкретизации с целью урегулирования вопросов в пределах компетенции этого органа» [4, с. 10]. В то же время такое определение не лишено дискуссионности, ведь ограничивает нормативные основания принятия нормативных актов местной государственной администрации. Согласно ст. 6 Закона Украины «О местных государственных администрациях» они принимаются во исполнение «Конституции Украины, законов Украины, актов Президента Украины, актов Кабинета Министров Украины, министерств и других центральных органов исполнительной власти», а не только законов. С этой целью главы местных государственных

администраций принимают распоряжение, а руководители структурных подразделений соответствующие приказы.

В то же время источниками административного права могут быть только общеобязательные акты, а потому в силу ч. 2 ст. 6 вышеуказанного Закона обязательными для исполнения на соответствующей территории всеми органами, предприятиями, учреждениями и организациями, должностными лицами и гражданами является именно распоряжения глав местных государственных администраций.

В этом контексте следует указать на неоднозначность формулировки п. 55 Типичного регламента местной государственной администрации, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Украины от 11 декабря 1999 № 2263, где указано, что главы местных государственных администраций во исполнение актов законодательства, поручений Премьер-министра по собственной инициативе выдают единолично в пределах их полномочий распоряжения. Однако понятие «законодательство» трактуется неодинаково, что приводит к различным практическим проблемам в применении источников права, а потому это предписание достаточно абстрактно. Кроме того, Типичный регламент указывает на необходимость выполнения поручений премьер-министра, хотя Закон Украины «О Кабинете Министров Украины» такого вида актов премьер-министра не определяет, а если исходить из ненормативных или даже устных поручений премьера, то здесь может иметь противоречие ст. 6 Закона Украины «О местных государственных администрациях», где четко указано, на основе каких актов должны приниматься нормативные акты местной государственной администрации. Отсюда Типичный регламент необходимо усовершенствовать и привести в соответствие с действующим законодательством в сфере процедуры принятия актов местной государственной администрацией.

Распоряжение председателей местных государственных администраций как источники административного права имеют общеобязательный характер и регулируют административно-правовые отношения в пределах определенной административно-территориальной единицы. Среди примеров таких распоряжений можно привести: распоря-

жение председателя Львовской областной государственной администрации «О создании Штаба по энергетической безопасности Львовской области» от 12 июня 2017 № 511/0/5-17; распоряжение председателя Киевской областной государственной администрации «Об утверждении Положения об управлении организационной работы и взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления аппарата Киевской областной государственной администрации» от 22 мая 2017 № 275 и др.

Председатели областных государственных администраций имеют право отменять распоряжения председателей районных государственных администраций, противоречащие Конституции Украины и законам Украины, решениям Конституционного Суда Украины, актам Президента Украины, Кабинета Министров Украины, председателей областных государственных администраций, а также министерств, других центральных органов исполнительной власти.

Согласно ч. 3 ст. 43 Закона Украины «О местных государственных администрациях» распоряжение председателя государственной администрации, противоречащее Конституции Украины, законам Украины, решением Конституционного Суда Украины, другим актам законодательства или являются нецелесообразными, неэкономными, неэффективными по ожидаемым или фактическим результатам, отменяются Президентом Украины, председателем местной государственной администрации высшего уровня или в судебном порядке.

Учитывая это положение, Запорожский окружной административный суд, рассматривая гражданское дело № 808/1561/14, пришел к выводу, что областная государственная администрация наделена полномочиями по отмене распоряжений председателей районных государственных администраций. В то же время Днепропетровский апелляционный административный суд, просматривая такое решение суда в апелляционном порядке, отменил его, указав, что принимая распоряжение от 16.12.2013 № 594 «Об отмене распоряжения председателя Запорожской райгосадминистрации от 26.12.2012 № 1253» об утверждении проекта землеустройства по отводу в собственность земельных

участков гражданам для ведения индивидуального садоводства, расположенных на территории Разумовское сельского совета, было отмечено, что «в нем не было указано, почему именно распоряжение председателя Запорожской райгосадминистрации от 26.12.2012 № 1253 противоречит Конституции Украины, законам Украины, решениям Конституционного Суда Украины, другим актам законодательства или являются нецелесообразными, неэкономными, неэффективными по ожидаемым или фактическим результатам и каким образом привести его в соответствие с требованиями действующего законодательства [5]. Следовательно, в целях реализации этих полномочий председатель областной государственной администрации обязан обосновать причину и основания отмены распоряжения главы райгосадминистрации.

Акты глав местных государственных администраций имеют подзаконный характер, могут выдаваться в пределах их полномочий в рамках Конституции и законов Украины. Поэтому достаточно противоречивым считаем распоряжение председателя Закарпатской областной государственной администрации от 3 ноября 2017 № 562 «О временном порядке пересечения границы в пунктах пропуска Закарпатской области транспортными средствами личного пользования с иностранной регистрацией жителями Закарпатской области», которым в связи с несогласованностью норм Таможенного кодекса Украины с нормами международного законодательства, Конвенции о временном ввозе 1990 предлагается Закарпатской таможни ГФС Украины при пересечении таможенной границы в пунктах пропуска Закарпатской области транспортными средствами личного пользования с иностранной регистрацией применять равные условия о временном порядке пересечения границы как нерезидентами, так и жителями Закарпатской области до законодательного урегулирования вопроса о порядке пересечения границы в пунктах пропуска транспортными средствами личного пользования с иностранной регистрацией. Дискуссионным в этом распоряжении считаем следующие моменты: установление Закарпатской областной государственной администрацией несогласованности норм национального и международного права; в распоряжении, которое зарегистрировано в территориальном органе юстиции

и определяет права и свободы граждан, используется термин «предлагать», что указывает на рекомендательный характер распоряжения; урегулирование общественных отношений распоряжением до принятия необходимого закона, то есть фактически подмена законодательного регулирования общественных отношений распоряжением главы местной государственной администрации.

Кроме местных государственных администраций государственная исполнительная власть в Украине представлена также территориальными органами министерств и других центральных органов исполнительной власти. Эти органы хотя и имеют статус отдельных юридических лиц публичного права, однако фактически реализуют государственную политику в различных сферах на местах и осуществляют другие полномочия, предусмотренные законодательством. Их правовой статус определен как Законом Украины «О центральных органах исполнительной власти», так и Постановлением Кабинета Министров Украины «Об утверждении Типового положения по территориальные органы министерств и другого центрального органа исполнительной власти» от 25 мая 2011 № 563, которым утверждено соответствующее Типовое положение. При этом такие органы, кроме подчиненности соответствующему министерству или другому центральному органу исполнительной власти, также координируются председателями местных государственных администраций. Как отмечается в научной литературе, «система полномочий, которые могут осуществлять территориальные органы центральных органов исполнительной власти, порядок их подотчетности и подконтрольности показывают несамостоятельный характер этих органов, что превращает их в структурные органы центральных органов исполнительной власти, осуществляющих направление и координацию их работы» [6, с. 32]. Однако законодатель не имел целью создание отдельных органов на местах, которые будут формировать свою политику и выполнять отдельные самостоятельные задачи отдельно от центральных органов исполнительной власти, отсюда и следует само название этих органов – «территориальные органы центральных органов исполнительной власти». Следовательно, они должны выполнять на местах функции и задачи вышестоящих органов.

Согласно п. 9 вышеуказанного Типового положения территориальные органы в пределах своих полномочий принимают приказы. Такие приказы носят организационно-распорядительный характер, хотя некоторые из них имеют нормативный характер и выступают источниками административного права Украины. Например, Порядок представления нормативно-правовых актов на государственную регистрацию в Главное, районных управлений юстиции во Львовской области и проведения их государственной регистрации, утвержденный приказом Главного управления юстиции во Львовской области от 13 октября 2008 года № 957 в редакции приказа Главного управления юстиции во Львовской области от 20 октября 2015 № 352 / 6, зарегистрирован Главным управлением юстиции во Львовской области 20 октября 2015 под № 18/1715 и др.

Акты территориальных органов министерств могут быть отменены соответствующим министром, а акты территориальных органов других центральных органов исполнительной власти – руководителем соответствующего органа, в том числе и по поручению министра, который направляет и координирует деятельность такого центрального органа исполнительной власти.

Выводы. Место актов территориальных органов центральных органов исполнительной власти в системе источников права определяется в зависимости от соответствующих органов в аппарате государства. Относительно соотношения приказов территориальных органов с другими источниками права необходимо обратить внимание на п. 2 Типового положения, согласно которому Территориальные органы в своей деятельности руководствуются Конституцией и законами Украины, указами Президента Украины, постановлениями Верховной Рады Украины, принятыми в соответствии с Конституцией и законами Украины, актами Кабинета Министров Украины, поручениями Премьер-министра Украины, приказами министерства, поручениями министра, его первого заместителя и заместителей, приказами центрального органа исполнительной власти, поручениями руководителя центрального органа исполнительной власти, актами Совета министров Автономной Республики Крым, местных госадминистраций, органов местного самоуправления и приказами террито-

риальных органов высшего уровня. Следовательно, и по юридической силе акты территориальных органов центральных органов исполнительной власти находятся ниже всех вышеперечисленных актов.

Список использованной литературы:

1. Батанов О.В. Акты місцевого самоврядування як джерела конституційного права України: поняття та правова природа. Часопис Київського університету права. 2007. № 1. С. 52–59.

2. Чернецька О.В. Нормативні акти представницьких органів місцевого самоврядування в системі правового регулювання муніципальних відносин. Часопис Київського університету права. 2011. № 4. С. 119–123.

3. Токар А.М. Акты місцевого управління: поняття та ознаки. Університетські наукові записки. 2006. № 2(18). С. 186–190.

4. Буряк Я.Я. Нормативно-правові акти місцевих державних адміністрацій в Україні: загальнотеоретична характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. Львів, 2015. 16 с.

5. Постанова Дніпропетровського апеляційного адміністративного суду від 2 червня 2015 р. Справа № 808/1561/14. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/44634510>.

6. Лялюк О.Ю. Територіальні органи центральних органів виконавчої влади в системі територіальної організації влади в Україні. Державне будівництво та місцеве самоврядування. 2015. Вип. 30. С. 28–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Решота Владимир Владимирович – кандидат наук с государственного управления, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Львовского национального университета имени Ивана Франко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Reshota Vladimir Vladimirovich – Candidate of Science of Public Administration, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative and Financial Law of Ivan Franko National University of Lviv

reshota@icloud.com

УДК 343.982.43

ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ И ПУНКТУАЦИОННЫХ ОШИБОК В ИССЛЕДОВАНИИ РУКОПИСНЫХ ЗАПИСЕЙ

Оксана РУСОВА,
судебный эксперт

Харьковского научно-исследовательского
экспертно-криминалистического центра
Министерства внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

В статье уделяется внимание некоторым проблемным вопросам, возникающим при установлении исполнителя документа, а именно в какой мере орфографические и пунктуационные ошибки влияют на заключение судебного эксперта. На основе анализа специальной литературы и с учетом собственной практики было установлено, что принятие во внимание орфографических и пунктуационных ошибок в процессе сравнительного исследования почерка судебным экспертом будут играть лишь второстепенную роль. Однако не следует делать вывод, что сравнение ошибок не имеет никакого значения. Оно может играть положительную роль, но только на стадии расследования с целью розыска преступника.

Ключевые слова: орфографические ошибки, пунктуационные ошибки, письменная речь, идентификационные признаки письменной речи, грамматический навык.

IDENTIFYING SIGNIFICANCE OF SPELLING AND PUNCTUATION MISTAKES WHILE EXAMINING HANDWRITTEN NOTES

Oksana RUSOVA,

Forensic Expert of Kharkiv Research Forensic Center of the Ministry
of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article pays attention to some problematic issues arising in the establishment of the executor of the document, namely, how spelling and punctuation mistakes influence the conclusion of the forensic expert. Based on the analysis of the specialized literature and considering own practice, it was established that taking into account spelling and punctuation mistakes in the process of comparative study of handwriting by a forensic expert, would play only a secondary role. However, one should not conclude that the comparison of mistakes does not make any difference. It can play a positive role, but only at the investigation stage in order to find the offender.

Key words: spelling mistakes, punctuation mistakes, written speech, identification features of written speech, grammatical skills.

Постановка проблемы. При установлении исполнителя документа часто приходится большое значение ошибкам, допущенным в тексте документа. Причины такого подхода к делу объяснить нетрудно. Судьи, прокуроры или адвокаты, сталкиваясь с анонимными письмами или документами, подписанными именами, нередко из-за отсутствия необходимой практики в подобных делах

обращают прежде всего внимание на грамматические и орфографические ошибки, а также на явные ошибки в стиле, тем более, если они встречаются в документе неоднократно.

В связи с этим при наличии в сравниваемых образцах почерка аналогичных или даже идентичных ошибок сразу же делается вывод, что автором данных документов является одно

лицо, особенно когда почерки тоже кажутся похожими.

Анализ последних исследований и публикаций. В разное время данной проблеме уделялось внимание в работах таких ученых, как Осборн А.С., Пфальцграф К., Вул С.М., Томилин В.В., Грановский Л., Берзин В.Ф., Ковальчук С.А. и другие.

Итак, целью статьи является установить, в какой мере орфографические и пунктуационные ошибки влияют на заключение судебного эксперта.

Изложение основного материала.

Необходимо иметь в виду тот факт, что большинство анонимных писем или документов, подписанных псевдонимом, приходит от малообразованных людей. Уже сам этот факт объясняет причины наличия большого количества ошибок, особенно если в них используются специальные термины или иностранные слова.

Пунктуационные и орфографические ошибки относятся к первой группе общих признаков письменной речи.

Общие признаки письменной речи:

1. Степень развития грамматической навыка определяется количеством орфографических, пунктуационных и синтаксических ошибок: высокий, средний, низкий.

Высокая степень в большой по объему рукописи характеризуется:

- 1) отсутствием ошибок;
- 2) одной-двумя орфографическими или пунктуационными ошибками;
- 3) одной-двумя синтаксическими ошибками.

Средняя степень развития грамматических навыков характеризуется наличием в рукописи:

- 1) не более четырех грубых орфографических или пунктуационных ошибок;
- 2) трех-пяти орфографических или пунктуационных ошибок;
- 3) трех-пяти синтаксических ошибок.

Низкий уровень характеризуется наличием в рукописи шести и более орфографических или пунктуационных и шести и более синтаксических ошибок [9, с. 38].

Виды ошибок:

- 1) орфографические ошибки – нарушение правил написания букв в словах и прописных букв;
- 2) пунктуационные ошибки – нарушение правил употребления знаков препинания;

3) синтаксические ошибки – нарушение правил построения предложений.

Исходя из норм оценки письменных работ учащихся средних школ, грубыми ошибками считаются те, которые нарушают широко распространенные (явные) правила и не вызывают трудностей при проверке [9, с. 39].

Степень развития грамматических навыков чаще всего используется для установления не автора, а исполнителя рукописи.

2. Степень развития лексического навыка письма, то есть словарный запас человека.

Каждый человек обладает определенным запасом слов, который формируется в течение всей жизни и зависит от социальной среды, в которой находится человек, его культурного и профессионального уровня, специальности, местности проживания и т.д.

Лексика современного украинского языка по сферам применения делится на две группы: общеупотребительные слова и слова ограниченного пользования, то есть слова, употребляемые в какой-то группе людей.

Словарный запас может быть большим (богатая лексика) и ограниченным (бедная лексика).

Специфика лексики определяется в словах ограниченного пользования: диалектизмы, профессионализмы, аргоизмы, вульгаризмы, архаизмы, неологизмы, варваризмы, фразеологизмы, слова-паразиты и т.д. [9, с. 39].

3. Степень развития стилистической навыка письма.

Данный признак характеризуется в языке изложенных мыслей и общим построением письменной речи.

Язык каждой национальности делится на функциональные стили. Выделяются: разговорно-бытовой, официально-деловой, научный, производственно-технический, публицистический стили. Человек берет на вооружение только ту часть и разновидность стиля национального языка, которая в наибольшей степени соответствует его индивидуальности, психофизиологическим особенностям, общественной, трудовой и в личной жизни.

Индивидуальный стиль – это свойственная каждому человеку совокупность признаков письменной речи, отражающая навыки использования определенных языковых средств [9, с. 40].

Частные признаки письменной речи.

Для каждого человека эти признаки качественно разные:

1. Устойчиво повторяющиеся (два и более раз) ошибки: грамматические (орфографические, пунктуационные, синтаксические) и лексические.

2. Авторская лексика – употребление в рукописи определенных специфических слов: диалектизмов, профессионализмов, аргоизмов и т.д.

3. Навыки акцентирования – устойчиво повторяющиеся (два и более раз) способы акцентирования в рукописи.

4. Навыки в использовании символов, сокращений, исправлений устойчиво повторяющиеся (два и более раз) способы сокращений, исправлений, использование символов [9, с. 42].

Так что при наличии большого по объему почеркового материала исследования необходимо начинать с изучения признаков письменной речи.

Они обычно используются в совокупности с признаками почерка, и по признакам письменной речи можно решить идентификационные вопросы, особенно диагностически: физическое, психическое состояние пишущего, определение возраста, пола и т.д., а иногда и ситуационные – характеризуют условия, обстановку, обстоятельства, в которых выполнялся исследуемая рукопись.

Те, кто по долгу службы часто сталкивается с анализом рукописных документов, исследуя при этом сам почерк как таковой и письменную речь (эксперты по почерку, графологи, учителя правописания и языка), знают, что, например, по-немецки писать без ошибок могут лишь немногие, то есть что ошибки сами по себе явление нередкое. Такие ошибки, как: написание *das* вместо *daß* после запятой, написанные с маленькой буквы личных местоимений, используемых в качестве обращения, написание буквы «f» вместо «v», заглавных букв вместо малой, и наоборот, отсутствие удвоенных согласных, неправильное употребление артикля с существительными и другие – встречаются очень часто [10, с. 16].

Следовательно, при сравнительном анализе почерков должны учитываться только те, которые редко встречаются и, кроме того, аналогичные ошибки. Приходится, однако, только удивлять-

ся тому, как часто эта, казалось бы, не требующая доказательств истина предается забвению. Даже наличие шести или более аналогичных ошибок (и среди них даже таких, которые встречаются нечасто) не позволяет установить подлинность автора сравниваемых рукописных текстов. Данный факт имеет гораздо большее значение, чем все «мнения» и «теории», какой бы характер они не носили, даже если они внешне достаточно убедительно обоснованы стилистами, психологами и криминалистами.

Необходимо также иметь в виду, что побудительными мотивами для анонима трусливо делать что-либо исподтишка против того или иного лица является в большинстве случаев зависть, обида, ревность, ненависть, корыстолюбие или страсть к доносам.

Аноним всегда пользуется такими приемами, как искажение или изменение почерка, или непривычная для него в обычных ситуациях система письма. Например, написание письма печатными буквами смешанного стиля, который в настоящее время почти не употребляется [10, с. 16].

К методам подделки или маскировки относится также и то, что рукописный текст намеренно сопровождается большим количеством орфографических и грамматических ошибок. Это делается для того, чтобы в случае возможной проверки написать текст под диктовку по возможности без ошибок.

Таким методом пользуются, например, лица, которые уже были наказаны за составление анонимных документов.

Нередки также случаи, когда наиболее злостные авторы анонимных писем или документов, подписываемых псевдонимом, стремятся подделать не только почерк знакомого лица, но и допускают характерные для него ошибки или способ выражения мыслей, чтобы тем самым опорочить его [10, с.17].

Сейчас характерно еще и тот факт, что в Украине проживает много лиц, которые приехали на работу из других стран, и число их с каждым годом все увеличивается. Растет число лиц иностранного подданства и среди студентов высших учебных заведений. Эти лица допускают (особенно в первое время) много ошибок в написании слов (если они, конечно, стремятся изучать украинский язык), которые можно рас-

сматривать как результаты влияния родного языка или национальных особенностей произношения.

Незнакомое с этим обстоятельством лицо может считать, что допущенные ошибки характерны только для данного лица, а это, конечно, далеко не так. Подобные ошибки не имеют никакого значения для идентификации личности [10, с. 17].

Здесь следует заметить следующее.

Выводы. Учитывать орфографические ошибки допустимо лишь в отдельных случаях, и то тогда, когда дело находится еще в стадии расследования. В процессе же сравнительного исследования почерка судебным экспертом подобные ошибки играют лишь второстепенную роль. Ни в коей мере не следует делать вывод, что сравнение ошибок не имеет никакого значения. Сравнение ошибок может играть положительную роль только на стадии расследования с целью розыска преступника.

Список использованной литературы:

1. Манцетова А.И., Мельникова Э.Б., Орлова В.Ф. Экспертиза почерка. «Теория и практика криминалистической экспертизы». № 6-7. М., 1961.
2. Вул С.М. Об использовании признаков письменной речи в криминалистической экспертизе письма. «Криминалистика и судебная экспертиза». Вып. 6. Киев, 1969.
3. Томили В.В. Идентификационные признаки письма. «Криминалистическая экспертиза». Вып. IV. М., 1966.
4. Грановский Г.Л. О классификации идентификационных признаков письменной речи. «Вопросы совершенствования методики судебно-почерковедческой экспертизы». М., 1968.
5. Манцетова А.И., Орлова В.Ф., Славуцкая И.А. Теоретические основы судебного почерковедения. В. кн. «Труды ЦНИИСЭ». Вып. 1. М., 1967.
6. Берзин В.Ф., Ковальчук З.А. О разграничении признаков письма при установлении исполнителя и составителя рукописи. «Криминалистика и судебная экспертиза». Вып. 7. Киев, 1970.
7. Судебно-почерковедческая экспертиза, часть I (пособие для экспертов-почерковедов и судебно-следственных работников). М., 1971.

8. «Kriminalistik», 1966. № 7, S. 368–370 (DBR).

9. Почерковедческая экспертиза: Курс Лекций. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. 200 с.

10. Экспертиза почерка за рубежом. Сборник реферативных переводов № 20. Сост. Самигина Э.Д. Изд. ВНИИ МВД СССР. М., 1970. 60 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русова Оксана Леонидовна – судебный эксперт Харьковского научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rusova Oksana Leonidovna – Forensic Expert of Kharkiv Research Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru

УДК 347.73:336.226.32(477)

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ АКЦИЗНОГО НАЛОГА С ОПЕРАЦИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТАМИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ, ПРОИЗВЕДЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Егор РЯДИНСКИЙ,

начальник отдела противодействия преступлениям
в топливно-энергетическом комплексе, сфере природных ресурсов, экологии и фондового рынка
Департамента защиты экономики Национальной полиции Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается правовой механизм акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольной продукции, изготовленной в Украине, его плательщики, объект, база налогообложения, ставка, налоговый период, срок и порядок оплаты, срок и порядок предоставления отчетности о начислении и уплате налога, а также налоговые льготы и порядок их применения. Автор исследует реализацию с помощью этого налога двух функций налогообложения – фискальной и регулирующей в системе налогообложения Украины, и приходит к выводу о неверности использования акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольной продукции, изготовленной в Украине, поскольку такое использование обусловлено исключительно фискальными стремлениями к пополнению бюджета. Доказано, что обложение акцизным налогом операции по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, является двойным налогообложением одного объекта – алкогольных напитков, так как производитель алкогольных напитков также платит акцизный налог на них.

Ключевые слова: акцизный налог, операции по реализации, субъекты розничной торговли, алкогольные напитки.

THE LEGAL MECHANISM OF THE EXCISE TAX ON OPERATIONS ON THE SALE BY RETAILERS OF ALCOHOLIC BEVERAGES PRODUCED ON THE TERRITORY OF UKRAINE

Egor RIADINSKIY,

Head of Anti-crime Office in the Fuel and Energy Complex,
Natural Resources, Ecology and Stock Market of the Department of Defense
of the National Police of Ukraine

SUMMARY

The article considers the legal mechanism of the excise tax on the sale operations of alcohol products manufactured in Ukraine by the subjects of retail trade. The author reveals the payers of the said tax, the object and the tax base. The article pays attention to the rate, the tax period, the terms and the tax payment procedure, the time and order of reporting on the calculation and payment of tax. The author also discloses the tax breaks and the procedure for their application. The author examines the implementation of this tax with two functions of taxation - fiscal and regulatory in the taxation system of Ukraine and comes to the conclusion that it is incorrect to use excise tax from operations on retail sale of alcohol products manufactured in Ukraine, because such use is determined solely by fiscal aspirations to replenish the budget. It is proved that the excise tax on the sale of alcoholic beverages produced by the retail trade entities in the customs territory of Ukraine is a double taxation of one object - alcoholic beverages, since the producer of alcoholic beverages also pays an excise tax on them.

Key words: excise tax, sale operations, retailers, alcoholic beverages.

Постановка проблемы. Акцизный налог с алкогольных напитков имеет древние исторические корни и, исходя из теоретического обоснования его применения, предложенного еще классиками финансового права – А. Смитом, П. Самуэльсоном, Д. Рикардо, Дж. Стиглицем, Л. Эрхардом, С. Витте и другими, должен органично реализовывать две основные функции налогообложения: фискальную и регулирующую. Фискальная функция акцизного налога заключается в том, что его установление обеспечивает поступление средств в бюджет, а регулирую-

щая – в попытке государства ограничить употребление населением определенных товаров, в данном случае – алкогольных напитков.

Налогообложение алкогольных напитков в Украине акцизным налогом (до 2011 года – акцизным сбором) стало применяться с 1991 года (было введено Законом Украины «Про акцизный сбор» от 18.12.1991 № 1996-ХІІ) [1] и неоднократно изменялось, при этом основным изменениям подвергались объекты налогообложения (как алкогольные напитки в разное время определялись спирт

питьевой и этиловый, ликеро-водочные изделия, вина и виноматериалы, пиво и т.д.), ставки налогообложения (устанавливались то в экю, то в евро, то в гривнах на литр алкогольных напитков, то в процентах, при этом размеры значительно менялись) и плательщики данного налога (сбора). Как верно указывает в своем исследовании Е.В. Костяная, в периоды экономического спада в Украине акцизный налог с алкогольной продукции в доходах бюджета имеет стабильную тенденцию к росту [2, с. 260], что сказывается на стоимости такой

продукции для населения, поскольку цена акцизного налога, в конце концов, включается в конечную стоимость товара, то есть уплачивается конечным потребителем, который приобретает алкогольную продукцию для личного некоммерческого использования. Так, если в 2008 году минимальная цена на бутылку водки объемом 0,5 л крепостью 40% составляла 14 грн., то на протяжении 2012–2014 годов средняя цена на водку выросла на 31,7%, а на протяжении 2014 актуальность – 2017 годов – еще на 15,9% и в 2018 году составляет 69,78 грн. При этом статистика фиксирует официальное сокращение объемов реализации алкогольной продукции и одновременно стабильный, а иногда и увеличивающийся уровень их потребления населением. Единственный вывод, который возможен из этой ситуации, – реализация незаконно изготовленного или везенного на таможенную территорию Украины алкоголя. Таким образом, существует прямая связь между желанием государства увеличить доходы бюджета и изменением правового механизма акцизного налога на алкогольные напитки, между повышением цен на алкогольные напитки и ростом оборота нелегального алкоголя.

Анализ правового механизма акцизного налога (акцизного сбора) в Украине, существующий на протяжении 27 лет, свидетельствует о том, что украинский законодатель использовал этот налог исключительно в фискальных целях, игнорируя его регулирующую функцию. Эта тенденция не только сохранилась сегодня, но и усугубилась. Законом Украины «О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины и некоторых законодательных актов Украины относительно налоговой реформы» от 28.12.2014 № 71-VIII были внесены существенные изменения в правовой механизм акцизного налога: к объектам налогообложения были отнесены операции по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли подакцизных товаров [3]. То есть законодатель, в силу социально-экономических причин, сложившихся в государстве, прибег к беспрецедентному шагу: обложил акцизным налогом продукцию, с которой уже один раз был уплачен акцизный налог – его производителем.

Состояние исследования. Акцизный налог, его правовая природа и элементы правового механизма исследовались в работах В. Андрущенко,

В. Буряковського, Г. Беха, О. Василика, В. Вишневецького, О. Данилова, А. Дрыги, О. Голенко, Т. Ефименко, Ю. Иванова, А. Крысоватого, В. Коротуна, С. Кузнецова, М.П. Кучерявенка, И. Луниной, И. Лютого, В. Мельника, В. Опарина, А. Соколовської, А. Саленкова, В. Федосова, С. Юрия, І. Якушика и других ученых, однако исследование правового механизма акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, осталось без внимания со стороны научной общественности, не в последнюю очередь потому, что правовой механизм этого налога с указанных выше операций искусственно «распылен» в нормах статей 212 – 239 Налогового кодекса Украины (далее – НК Украины), что усложняет его анализ, в то время как такой анализ имеет особую **актуальность**, поскольку использовать акцизный налог исключительно для пополнения государственного бюджета недопустимо, тем более искусственно раздувая объекты налогообложения.

Поэтому **целью** нашей статьи является исследование правового механизма акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины.

Изложение основного материала. К элементам правового механизма налога, которые обязательно устанавливаются НК Украины, в соответствии со ст. 7 этого нормативного акта относятся: плательщики, объект, база налогообложения, ставка, налоговый период, срок и порядок оплаты, срок и порядок предоставления отчетности о начислении и уплате налога, а также налоговые льготы и порядок их применения [4].

Элементы акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольной продукции, изготовленной в Украине, закреплены в разделе VI ст. 212 – 239 НК Украины, где урегулирован правовой механизм акцизного налога в целом.

В соответствии со ст. 212 НК Украины к плательщикам акцизного налога отнесены лица – субъекты хозяйствования розничной торговли, которые осуществляют реализацию подакцизных товаров.

Субъектами хозяйствования в соответствии со ст. 55 Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХК Украины)

признаются участники хозяйственных отношений, которые осуществляют хозяйственную деятельность, реализуя хозяйственную компетенцию (совокупность хозяйственных прав и обязанностей), имеют обособленное имущество и несут ответственность по своим обязательствам в пределах этого имущества, кроме случаев, предусмотренных законодательством [5]. Субъекты хозяйствования для того, чтобы осуществлять хозяйственную деятельность, в том числе деятельность по розничной торговле алкогольными напитками, должны соответствовать ряду признаков: иметь определенную организационно-правовую форму, юридически обособленное имущество и т.д., среди которых важное значение имеет нормативно закрепленное требование о государственной регистрации, предусмотренное ст. 58 ХК Украины, Законом Украины «О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований» от 15.05.2003 № 755-IV [6].

Реализацией подакцизных товаров в соответствии с пп. 14.1.212 п. 14.1 ст. 14 ПК Украины являются любые операции на таможенной территории Украины, предусматривающие отгрузку подакцизных товаров (продукции) согласно договорам купли-продажи, мены, поставки и другим хозяйственным/гражданско-правовым договорам с передачей прав собственности или без таковой, за плату (компенсацию) или без таковой, независимо от сроков ее предоставления, а также бесплатной отгрузки товаров, в том числе из давальческого сырья, реализация субъектами хозяйствования розничной торговли подакцизных товаров; согласно ч. 3 этой же нормы реализацией субъектами хозяйствования розничной торговли подакцизных товаров является продажа пива, алкогольных напитков, табачных изделий, табака и промышленных заменителей табака непосредственно гражданам и другим конечным потребителям для их личного некоммерческого использования независимо от формы расчетов, в том числе на разлив в ресторанах, кафе, барах, других объектах общественного питания [4]. Учитывая направление нашего исследования, реализацией алкогольных напитков субъектами хозяйствования розничной торговли является продажа таких напитков непосредственно гражд-

данами и другим конечным потребителям для их личного некоммерческого использования независимо от формы расчетов, в том числе на разлив в ресторанах, кафе, барах, других объектах общественного питания.

В соответствии со ст. 15 Закона Украины «О государственном регулировании производства и учета спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий» от 19.12.1995 № 481/95-ВР розничная торговля алкогольными напитками может осуществляться субъектами хозяйствования всех форм собственности при наличии лицензий [7]. Аналогичным образом закрепляется понятие «розничная торговля алкогольными напитками» и в ст. 2 Правил розничной торговли, утвержденных Постановлением Кабинета Министров Украины от 30.07.1996 № 854, в которых также определены условия получения, размер оплаты и иные аспекты лицензирования розничной торговли алкогольными напитками [8]. Плата за лицензию на розничную торговлю алкогольными напитками колеблется от 8000 грн. до 500 грн. за каждый электронно-кассовый аппарат, что находится в месте торговли (в зависимости от территориального расположения).

Кроме государственной регистрации и лицензирования, к субъектам хозяйствования розничной торговли, которые осуществляют реализацию алкогольных напитков, как к плательщикам акцизного налога предъявляется дополнительно требование – регистрация как плательщика акцизного налога, предусмотренная в п. 212.3 ст. 212 НК Украины, в соответствии с которой субъекты хозяйствования розничной торговли, осуществляющие реализацию подакцизных товаров, подлежат обязательной регистрации как плательщики налога контролирующими органами по местонахождению пункта продажи товаров не позднее предельного срока представления декларации акцизного налога за месяц, в котором осуществляется хозяйственная деятельность [4].

Таким образом, *плательщиками акцизного налога* с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, изготовленных в Украине, являются субъекты хозяйствования розничной торговли, которые имеют свидетельство о государственной

регистрации, лицензию на осуществление розничной торговли алкогольными напитками, а также зарегистрированы как плательщики акцизного налога и осуществляют реализацию алкогольных напитков непосредственно гражданам и другим конечным потребителям для их личного некоммерческого использования независимо от формы расчетов, в том числе на разлив в ресторанах, кафе, барах, других объектах общественного питания.

Объектом налогообложения являются операции по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков (пп. 213.1.9 п. 213.1 ст. 213 НК Украины). При этом алкогольными напитками для целей налогообложения определяются полученные путем спиртового брожения сахаросодержащие материалы или изготовленные на основе пищевых спиртов с содержанием спирта этилового свыше 0,5 процента объемных единиц, указанные в товарных позициях 2203, 2204, 2205, 2206 (кроме кваса «живого» брожения), 2208 согласно УКТ ВЭД, а также с содержанием спирта этилового 8,5 процента объемных единиц и больше, указанные в товарных позициях 2103 90 30 00, 2106 90 согласно УКТ ВЭД (пп. 14.1.5 п. 14.1 ст. 14 НК Украины).

В соответствии с УКТ ВЭД код 2203 устанавливается для пива из солода, код 2204 – для вин виноградных, включая вина крапленые и сусло виноградное, кроме уксуса и его заменителей, полученные из уксусной кислоты; 2205 – для вермута и иного виноградного, с добавлением растительных или ароматических экстрактов, 2206 – для других сброженных напитков (например, сидра, перри (грушевого напитка), напитка медового); смеси из сброженных напитков и смеси сброженных напитков с безалкогольными напитками, в другом месте не указанных; 2208 – для спирта этилового неденатурированного с концентрацией спирта менее 80 об. %; спиртовых дистиллятов и спиртных напитков, полученных путем перегонки, ликеров и других напитков, содержащих спирт; 2103 90 30 00 – для настоек горьких ароматических с содержанием 44,2 - 49,2 об. % спирта и 1,5 – 6 мас. % тирлича (генциана), пряностей и различных ингредиентов с содержанием 4 – 10% сахара, в сосудах емкостью не более 0,5 л; 2106 90 – для составных спиртовых

полуфабрикатов, кроме продуктов на основе душистых веществ, используемых в производстве напитков [9].

Ставка акцизного налога для операций по реализации алкогольных напитков, реализованных субъектами хозяйствования розничной торговли в соответствии с пп. 213.1.9 п. 213.1 ст. 213 НК Украины, составляет 5% базы налогообложения (пп. 215.3.10 п. 215.3 ст. 215 НК Украины), а *базой налогообложения* стоимость (с налогом на добавленную стоимость и без учета акцизного налога по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли подакцизных товаров) алкогольных напитков, реализованных в соответствии с подпунктом пп. 213.1.9 п. 213.1 ст. 213 НК Украины (пп. 214.1.4 п. 214.1 ст. 214 НК Украины).

Базовый налоговый период уплаты акцизного налога по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, соответствует календарному месяцу (п. 223.1 ст. 223 НК Украины).

Срок и порядок оплаты. Суммы акцизного налога, подлежащие уплате, по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, определяются налогоплательщиком самостоятельно, исходя из объектов налогообложения, базы налогообложения и ставок этого налога, действующих на дату возникновения налоговых обязательств (пп. 217.1 п. 217.1 ст. 217 НК Украины). Датой возникновения налоговых обязательств по реализации субъектами хозяйствования розничной торговли подакцизных товаров является дата осуществления расчетной операции в соответствии с Законом Украины «О применении регистраторов расчетных операций в сфере торговли, общественного питания и услуг», для безналичных расчетов – дата оформления расчетного документа на сумму проведенной операции, подтверждающий факт продажи, а в случае реализации товаров физическими лицами – предпринимателями, которые платят единый налог, – дата поступления оплаты за проданный товар (п. 216.9 ст. 216 НК Украины). В соответствии со ст. 2 Закона Украины «О применении регистраторов расчетных операций в сфере торговли, общественного питания и услуг» от 06.07.1995 № 265/95-ВР расчетная операция – это прием от покупателя наличных

средств, платежных карточек, платежных чеков, жетонов и т.п. по месту реализации товаров (услуг), выдача наличных средств по возвращенному покупателем товару (предоставленной услуге), а в случае применения банковской платежной карточки – оформление соответствующего расчетного документа по оплате в безналичной форме товара (услуги) банком покупателя или, в случае возврата товара (отказа от услуги), оформление расчетных документов о перечислении средств в банк покупателя; расчетный документ – документ установленной формы и содержания (кассовый чек, товарный чек, расчетная квитанция, проездной документ и т.п.), подтверждающий факт продажи (возврата) товаров, предоставления услуг, получения (возврата) средств, купли-продажи иностранной валюты, напечатанный в случаях, предусмотренных этим Законом, и зарегистрированный в установленном порядке регистратором расчетных операций или заполненный вручную [10].

Суммы акцизного налога перечисляются в бюджет субъектами хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, которые осуществили реализацию алкогольных напитков в течение 10 календарных дней, следующих за последним днем соответствующего предельного срока, предусмотренного НК Украины для подачи налоговой декларации за месячный налоговый период по месту реализации таких товаров (пп. 222.3.1, 222.3.2 п. 221.3 ст. 223 НК Украины).

Срок и порядок предоставления отчетности о начислении и уплате налога. Субъекты хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, подают ежемесячно не позднее 20 числа следующего отчетного (налогового) периода контролирующему органу по месту регистрации декларацию по акцизному налогу по форме, утвержденной в порядке, установленном статьей 46 НК Украины (п. 223.2 ст. 223 НК Украины). Налоговая декларация – это документ, который подается субъектом хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, контролирующему органу не позднее 20 числа следующего отчетного (налогового) периода,

на основании которого осуществляется начисление и/или уплата налогового обязательства (п. 46.1 ст. 46 НК Украины).

Налоговых льгот для субъектов хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, налоговым законодательством не предусмотрено.

Выводы. Подводя итоги, констатируем, что введение законодателем акцизного налога с операций по реализации субъектами розничной торговли алкогольных напитков, произведенных на таможенной территории Украины, обусловлено исключительно стремлением пополнить бюджет за счет продукции, пользующейся спросом у населения, то есть направлен на реализацию исключительно фискальной функции налога. Кроме того, производитель алкогольных напитков, произведенных на территории Украины, также платит акцизный налог – на производство таких напитков, то есть один и тот же объект облагается налогом дважды. Кроме того, субъекты хозяйствования розничной торговли алкогольных напитков оплачивают лицензию. Подобный подход к использованию акцизного налога со стороны государства недопустим, особенно в отношении такого специфического продукта, как алкогольные напитки, производство и оборот которых в обязательном порядке подлежат государственному регулированию, одним из методов которого и является налогообложение.

Список использованной литературы:

1. Про акцизный сбор: Закон Украины от 18.12.1991 № 1996-XII. Відомості Верховної Ради України. 1992. № 12. Ст. 172.
2. Косяна О.В. Особливості розвитку акцизного оподаткування в Україні. Бізнес Інформ. 2017. С. 259–266.
3. О внесении изменений в Налоговый кодекс Украины и некоторых законодательных актов Украины относительно налоговой реформы: Закон Украины от 28.12.2014 № 71-VIII. Відомості Верховної Ради. 2015. № 7-8, № 9. Ст. 55.
4. Налоговый кодекс Украины: Закон Украины от 02.12.2010 № 2755-VI. Відомості Верховної Ради України. 2011. № 13-14, № 15-16, № 17. Ст. 112.

5. Хозяйственный кодекс Украины: Закон Украины от 16.01.2003 № 436-IV. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 18, № 19-20, № 21-22. Ст. 144.

6. О государственной регистрации юридических лиц, физических лиц-предпринимателей и общественных формирований: Закон Украины от 15.05.2003 № 755-IV. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 31-32. Ст. 263.

7. О государственном регулировании производства и учета спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий: Закон Украины от 19.12.1995 № 481/95-ВР. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z950481.html.

8. Правила розничной торговли: Постановление Кабинета Министров Украины от 30.07.1996 № 854. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/854-96-%D0%BF>.

9. Український класифікатор товарів ЗЕД. URL: <http://www.diu.com.ua/page13>.

10. О применении регистраторов расчетных операций в сфере торговли, общественного питания и услуг: Закон Украины от 06.07.1995 № 265/95-ВР. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/265/95-%D0%B2%D1%80>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рядинский Егор Александрович – начальник отдела противодействия преступлениям в топливно-энергетическом комплексе, сфере природных ресурсов, экологии и фондового рынка Департамента защиты экономики Национальной полиции Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryadinskiy Egor Aleksandrovich – Head of Anti-crime Office in the Fuel and Energy Complex, Natural Resources, Ecology and Stock Market of the Department of Defense of the National Police of Ukraine

corbazol@ukr.net

УДК 349.422(477)

О ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Виталий СТАРОЖИЛОВ,

соискатель кафедры земельного и аграрного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано понятие принципов аграрного права, а также принципов формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий. Обосновывается необходимость выделения отдельной группы принципов, на основе которых формируются и функционируют органы управления сельскохозяйственных предприятий. Под принципами правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственными предприятиями предлагаем понимать основные идеи, которые определяют направления и характер деятельности органов управления сельскохозяйственных предприятий: высших органов управления, исполнительных органов управления, органов, которые наделены контрольно-ревизионными полномочиями и сельскохозяйственного предприятия в целом.

Ключевые слова: органы управления, сельскохозяйственные предприятия, фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы.

ON PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF FORMATION AND FUNCTIONING OF AGRICULTURAL ENTERPRISE MANAGEMENT BODIES

Vitaliy STAROZHILOV,

Applicant at the Department of Land and Agrarian Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the concept of principles of agrarian law, as well as the principles of the formation and functioning of the management bodies of agricultural enterprises. The necessity of singling out a separate group of principles on the basis of which the management bodies of agricultural enterprises are formed and functioning is substantiated.

Under the principles of legal regulation of the formation and functioning of the management bodies of agricultural enterprises, we offer to understand the main ideas that determine the direction and nature of the activities of the management bodies of agricultural enterprises: higher management bodies, executive management bodies, bodies that are endowed with control and auditing powers and the agricultural enterprise as a whole.

Key words: management bodies, agricultural enterprises, farms, agricultural cooperatives.

Постановка проблемы. Сельскохозяйственные предприятия являются новой формой хозяйственной деятельности. Однако до настоящего времени принципы правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий не были самостоятельным предметом исследования.

Актуальность темы исследования подтверждается нераскрытостью темы, недостаточным количеством научных исследований в данной области и необходимостью внесения рекомендаций по выделению и закреплению принципов правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий.

Состояние исследования. Принципы правового регулирования форми-

рования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий в Украине до настоящего времени исследованы недостаточно. Все изложенное указывает на новизну и актуальность темы предложенной статьи.

Целью и задачей статьи является исследование теоретического и законодательного обеспечения принципов правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий, их выделение в отдельную группу.

Изложение основного материала. При исследовании правового положения органов управления сельскохозяйственного предприятия важное значение имеет характеристика принципов их формирования и функционирования. Эти принципы являются исход-

ными, определяющими направления воздействия на соответствующие общественные отношения.

Согласно общетеоретическим представлениям принципами права являются ведущие принципы, идеи права, в конкретном виде характеризующие его содержание, определяющие направленность правового регулирования. Они обусловлены объективными закономерностями существования и развития человека и общества [1, с. 106].

По нашему мнению, исследование любых отраслевых принципов права должно осуществляться с точки зрения их происхождения, эволюции, правовой природы, значения и практической реализации.

Очень часто принципы рассматриваются как основное начало, на кото-

ром основывается любая научная теория, определенная методологическая или нормативная установка, правило, постулат; гносеологический феномен, который не существует в природе; и как закон используется как организатор эмпирического материала или как функция средства объяснения какого-либо факта [2, с. 81].

Понятие «принцип» берет свое начало от латинского слова «*principium*», что означает начало, основу. В то же время принцип – это то, что лежит в основе определенной теории науки, внутреннее убеждение человека, основное правило поведения [3, с. 547]. Согласно словарю Даля слово «принцип» означает научное или нравственное начало, основание, правило, от которого не отступают [4, с. 431].

Принципами права следует считать наиболее общие и стабильные требования, которые способствуют утверждению и защите общественных ценностей, определяют характер права и направления его дальнейшего развития [5, с. 124]. Это система требований, в которых воплощаются наиболее стабильные выходные руководящие нормативные основы, закрепленные в праве, которые являются концентрированным выражением присущих ей важнейших сущностных черт и ценностей [6, с. 7]. С точки зрения С.С. Алексеева, принципы права можно толковать как выраженные в последнем исходные принципы, характеризующие его содержание, основы и закрепленные в нем закономерности общественной жизни. Принципы – это то, что пронизывает право, определяет его содержание в виде начальных, сквозных идей, главных нормативно-руководящих принципов и положений [7, с. 100].

Р.З. Лившиц, подчеркивая практическое значение принципов права, отмечал, что они пронизывают процесс реализации права, а потому и в случае применения законов, и в случае заполнения пробелов в правовом регулировании они служат векторами правоприменительной деятельности. Принципы права концентрируют результат развития права, в них воплощается неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего [8, с. 200].

С.П. Погребняк определял, что принципами права является система

наиболее общих и стабильных императивных требований, закрепленных в праве, которые являются концентрированным выражением важнейших сущностных черт и ценностей, присущих этой системе права и определяющих его характер и направления дальнейшего развития [9].

Таким образом, можно утверждать, что в отечественной литературе отсутствует единство мнений относительно определения понятия принципов права, что дает возможность утверждать об актуальности этой проблемы. По этому поводу поддерживаем точку зрения А.М. Колодия, который считает, что, несмотря на различие во взглядах на природу принципов права, юридическая наука была единой в признании определенных положений и идей как принципов права [10, с. 41].

К наиболее существенным признакам принципов права следует отнести, прежде всего, их регулятивность. Нормативно-регулятивный характер принципов права видится в том, что принципы, зафиксированные в праве, приобретают значение общих правил поведения, которые имеют общеобязательный, властный характер. Указанный характер становится присущим как непосредственно нормам-принципам, так и принципам, которые выводятся из норм. Кроме того, важное значение имеет способ материализации в праве принципов права. Речь идет о двух основных способах их выражения в праве, таких как непосредственное формулирование их в нормах права (текстуальное закрепление) и вывод принципов права по содержанию нормативно-правовых актов (содержательное закрепление). В первой группе указанные принципы содержатся в кодифицированных и инкорпорированных актах, а принципы юридического института – в актах, касающихся этого института. Вторую группу составляют принципы, содержание которых выводится из норм права. Такие принципы являются более абстрактными и с их помощью можно урегулировать наиболее общие общественные отношения. Следующим, но не менее важным, по мнению А.М. Колодия, признаком принципов права является их историчность. Речь идет о том, что принципы права являются результатом развития общества и государства, а потому

и трансформируются в зависимости от возникновения новых видов отношений [11].

При исследовании принципов правового регулирования и формирования органов управления сельскохозяйственным предприятием, по нашему мнению, нельзя обойти вниманием принципы отрасли аграрного права. Исследуя эти принципы, ученые предлагают рассматривать их как ведущие идеи, основополагающие принципы, научные положения, отраженные в нормах этой правовой отрасли, которые в комплексе регулируют аграрные отношения [12, с. 14]. Эти основные руководящие идеи определяют направления и характер правового регулирования аграрных отношений [13, с. 13], они определяют содержание отрасли аграрного права [14, с. 11].

Учитывая специфику сельскохозяйственного производства и его роль в обеспечении продовольственной безопасности, к принципам аграрно-правовых институтов можно отнести также: принцип органического производства [15, с. 4, 16, с. 59]; товарного сельскохозяйственного производства [17, с. 117]; государственной политики по обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов и продовольственного сырья [18, с. 237]; обеспечения продовольственной безопасности Украины [19, с. 22]; производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий [12, с. 169; 20, с. 166]; государственного регулирования сельского хозяйства [12, с. 63; 20, с. 150] и др.

Итак, под принципами правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственными предприятиями предлагаем понимать основные руководящие идеи, которые определяют направления и характер деятельности органов управления сельскохозяйственных предприятий: высших органов управления, исполнительных органов управления, органов, которые наделены контрольно-ревизионными полномочиями и сельскохозяйственного предприятия в целом.

Согласно действующему аграрному законодательству отношения по поводу формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственным предприятием базируются на принципах самоуправления и демократии.

Самоуправлением является такая организация деятельности коллектива, которая путем собственного волеизъявления решает вопросы деятельности сельскохозяйственного предприятия в пределах своей правоспособности. На предприятиях кооперативного типа, в сельскохозяйственных акционерных и других обществах оно проявляется в праве всех членов, участников и акционеров участвовать в решении всех вопросов деятельности этих предприятий, выборности и подотчетности высших, исполнительных и контрольно-ревизионных органов, обязательности выполнения решений, принятых большинством. Коллективное самоуправление – это совокупность управленческих и имущественных отношений, возникающих в процессе осуществления функций соответствующими органами управления сельскохозяйственным предприятием. Именно поэтому абсолютно оправдано то, что организационной основой самоуправления является членский характер связей, возникающих в сельскохозяйственных предприятиях. То есть самоуправление является не иначе как гарантией каждого члена сельскохозяйственного предприятия принимать участие в решении всех вопросов его деятельности, избирать и быть избранным, обязательность решений, принятых большинством голосов на общем собрании и заседаниях правления сельскохозяйственного предприятия. Вместе с самоуправлением в таких сельскохозяйственных предприятиях деятельность осуществляется на принципах демократии, то есть речь идет об участии всех его членов, акционеров, участников в открытом обсуждении ими всех вопросов, возникающих в производственных, организационно-бытовых и других отношениях.

Однако мы считаем, что формирование и функционирование органов управления сельскохозяйственным предприятием не ограничивается только существованием принципов самоуправления и демократии. Точнее, на указанных принципах функционируют не только органы управления сельскохозяйственного предприятия, но на них основан процесс создания и функционирования таких предприятий в целом.

Из вышеизложенного следует, что принципы в аграрном праве являются

довольно распространенными, и на их основе осуществляется создание и функционирование аграрного сектора, его участников. Однако для каждого из видов правоотношений, возникающих в процессе производства, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции, характерно существование самостоятельных, присущих каждому конкретному виду отношений принципов. То есть стоит учитывать, что отношениям по поводу правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственными предприятиями присущи свои принципы. Исследование многообразия точек зрения позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день в теории права не выделяется единого подхода к определению принципов правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий. Таким образом, предлагаем к принципам правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий относить следующие: 1) самоуправления и демократии, 2) коллегиальности, 3) учета специфики сельскохозяйственного товарного производства, 4) определения целей предприятия и ориентации на потребности рынка, 5) эффективного использования земли и других природных ресурсов в процессе производства, 6) оптимального соотношения централизации и децентрализации управления, 7) заинтересованности органов управления сельскохозяйственным предприятием в результате хозяйственной деятельности, 8) ответственности органов управления сельскохозяйственным предприятием за результаты хозяйственной деятельности, 9) модернизации процесса производства, 10) материального и морального стимулирования труда, 11) научности и т.д.

По нашему мнению, соблюдение вышеперечисленных принципов является обязательным при создании и осуществлении своих полномочий органами управления сельскохозяйственного предприятия, что, в свою очередь, обеспечивает эффективную хозяйственную деятельность последнего. Конечно, перечень этих принципов не является исчерпывающим, и они могут допол-

няться или изменяться по требованию современности.

Предложенные нами принципы правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственными предприятиями требуют более детального толкования.

Самоуправление и демократия являются основными принципами, проявлением которых является наличие органов управления в сельскохозяйственных предприятиях. Организационным основанием самоуправления является членский характер связей, возникающих в сельскохозяйственном предприятии (речь идет о сельскохозяйственных предприятиях, функционирующих на основе членства). Демократия в сельскохозяйственном предприятии находит свое выражение в принятии коллегиальных решений и автономности. То есть рабочая группа или собрание представителей принимают решения на основе обсуждения различных вариантов, или путем голосования, или путем достижения консенсуса. Целесообразно отметить, что самоуправление и демократия как принципы организационно-управленческих правоотношений в полной мере раскрываются в сельскохозяйственных предприятиях частной формы собственности, где обычно все участники, члены наделяются равными имущественными и организационно-управленческими правами и обязанностями. Зато в государственных сельскохозяйственных предприятиях наблюдается сосуществование самоуправления владельца и демократии рабочего коллектива.

Согласно принципу коллегиальности решения в сельскохозяйственном предприятии должны приниматься путем коллективного обсуждения. Коллегиальные решения обладают большим потенциалом, чем единоличные, так как при их принятии используется жизненный опыт и знания более чем одного человека. Кроме того, при принятии коллективного решения может наблюдаться групповая мотивация, которая заключается не только в общем принятии решений, но и в общем стремлении к достижению результатов производства.

Осуществление управления сельскохозяйственным предприятием должно учитывать специфику сель-

ского хозяйства как вида хозяйственной деятельности. Речь идет об учете при планировании и распределении обязанностей между членами сельскохозяйственного предприятия сезонности сельскохозяйственного производства, отсутствия нормированного рабочего дня для некоторых категорий работников (доярки, комбайнеры в периоды жатвы), а также значительной разорванности во времени между проделанной работой и полученным результатом (разделение доходов между членами фермерского хозяйства в конце сельскохозяйственного цикла).

Что касается определения целей предприятия и ориентации на потребности рынка, то стоит отметить, что от соблюдения этого принципа напрямую зависит эффективность хозяйственной деятельности предприятия. То есть органы управления и должностные лица сельскохозяйственного предприятия должны следить за рынком сельскохозяйственной продукции и культивировать те сельскохозяйственные культуры, производство которых является рентабельным. То же самое касается и сельскохозяйственных животноводческих предприятий, продукция которых должна соответствовать потребностям общества.

Еще одной идеей, которую мы предлагаем относить к принципам функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий, является эффективное использование земли и других природных ресурсов в процессе производства. Общеизвестно, что земля является основным средством производства для растениеводческих сельскохозяйственных предприятий, а потому ее эффективное использование имеет важное значение для дальнейшего использования в аналогичных целях. Поскольку в процессе производства сельскохозяйственной продукции качество земли может ухудшаться, эффективное использование земли должно предусматривать в себе мероприятия по ее восстановлению. По мнению В.В. Петрова, воспроизведением охватывается не естественный объект (земля, недра, воды, леса и т.п.), а только его отдельные компоненты, входящие в состав данного природного объекта [21, с. 25].

Если говорить об эффективности использования других природных объ-

ектов (недра, воды, леса), то, как нами отмечалось, стоит говорить об использовании по целевому назначению с такой интенсивностью, которая позволяла их естественное воспроизводство.

Под оптимальным соотношением централизации и децентрализации управления как одним из принципов функционирования органов управления сельскохозяйственным предприятием предлагаем понимать такой порядок организации производства, который не является перегруженным в своей структуре и в то же время максимально эффективным. На соотношение централизации и децентрализации процесса управления сельскохозяйственным предприятием влияют: размеры организации, технология производства и услуг, окружающая деловая среда [22, с. 159]. При этом на сегодняшний день для рациональной организации структуры характерен высокий уровень децентрализации управления [23, с. 57]. Однако децентрализация не может рассматриваться вне связи с централизацией: не может существовать ни полностью децентрализованная структура (она теряет свою целостность), ни подразделение, полностью лишенное децентрализации (с потерей автономности он потеряет свою структурность). Таким образом, существенное значение имеет именно степень децентрализации, которая выражается соотношением между централизацией и децентрализацией управления на данном предприятии [23, с. 57]. По мнению некоторых ученых, жесткая централизация деактивизирует работников подразделений и ведет к падению результативности деятельности предприятия; с другой стороны, чрезмерная децентрализация создает разрыв между целями подразделений и организации, и активность, положительная на уровне подразделений, может приобретать негативную направленность на уровне предприятия в целом, что, соответственно, также будет вести к снижению общей эффективности предприятия [24; 25, с. 332].

Достаточно необходимым среди исследуемых принципов является принцип заинтересованности органов управления сельскохозяйственным предприятием в результате хозяйственной деятельности. Имеем в виду, что от результатов деятельности органов

управления сельскохозяйственным предприятием зависит рентабельность всей хозяйственной деятельности. Иными словами, в качестве примера, чем эффективнее члены фермерского хозяйства будут управлять фермерским хозяйством, тем больше прибыли они получат от его деятельности.

Ответственность органов управления сельскохозяйственным предприятием за результаты хозяйственной деятельности – тоже один из важных принципов функционирования органов управления сельскохозяйственного предприятия. Стоит учитывать, что данный принцип прямо вытекает из предыдущего. Речь идет об отчетности органов управления перед членами, акционерами или участниками сельскохозяйственного предприятия за результаты хозяйственной деятельности. Кроме того, при заключении трудового договора (контракта) с директором государственного (коммунального) предприятия на такое лицо может быть возложена имущественная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Модернизация производства как принцип деятельности органов управления сельскохозяйственным предприятием является требованием современности. Несмотря на быстрое развитие научно-технического прогресса, не исключено является сельское хозяйство. Именно поэтому для эффективного его ведения органы управления должны использовать современные технологии и способы при производстве сельскохозяйственной продукции, при ее хранении, транспортировке и реализации.

В материальном и моральном стимулировании труда усматривается распределение материальных благ и удовлетворение потребностей членов, акционеров и участников сельскохозяйственных предприятий в зависимости от количества и качества затраченного ими труда путем материальных и моральных поощрений (премии, благодарности, грамоты) и др.

Последним из предложенных нами принципов деятельности органов управления сельскохозяйственными предприятиями является принцип научности. То есть при осуществлении своей деятельности органы управления сельскохозяйственного предприятия используют законы экономики, дости-

жения по управлению и менеджменту предприятия, а также статистические данные при осуществлении планирования хозяйственной деятельности.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что под принципами правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственными предприятиями стоит понимать основные идеи, которые определяют направления и характер деятельности органов управления сельскохозяйственных предприятий: высших органов управления, исполнительных органов управления, органов, которые наделены контрольно-ревизионными полномочиями и сельскохозяйственного предприятия в целом.

К принципам правового регулирования формирования и функционирования органов управления сельскохозяйственных предприятий предлагаем относить следующие: 1) самоуправления и демократии; 2) коллегиальности; 3) учета специфики сельскохозяйственного товарного производства; 4) определения целей предприятия и ориентация на потребности рынка; 5) эффективного использования земли и других природных ресурсов в процессе производства; 6) оптимального соотношения централизации и децентрализации управления; 7) заинтересованности органов управления сельскохозяйственным предприятием в результате хозяйственной деятельности; 8) ответственности органов управления сельскохозяйственным предприятием за результаты хозяйственной деятельности; 9) модернизации процесса производства; 10) материального и морального стимулирования труда; 11) научности и тому подобное.

Список использованной литературы:

1. Кравчук М.В. Теория держави і права. Проблеми теорії держави і права: Навчальний посібник. 3-є вид., змін. і доп. Тернопіль: Карт-бланш, 2002. 247 с.
2. Голованов В.Н. Законы в системе научного знания. М.: Мысль, 1970. 231 с.
3. Словарь иностранных слов / А.С. Мельничук; под ред. А.С. Мельничук. М., 1974. 776 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. / Даль В.И. М.: Гос. изд-во. иностр. и нац. слов., 1955. 1782 с.

5. Теория держави і права: підруч. [для студ. вищ. навч. закл.] / [О. В. Петришин, С. П. Погребняк, В. С. Смородинский та ін.; за ред. О. В. Петришина]. Х.: Право, 2014. 368 с.

6. Погребняк С.П. Поняття принципів права // Актуальні проблеми правознавства: тези доп. і наук. повідом. учасн. наук. конф. мол. учен. та здоб. / за заг. ред. М. І. Панова. Х.: Нац. юрид. акад. України, 2006. С. 5.

7. Алексеев С.С. Собрание сочинений В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 495 с.

8. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М.: БЕК, 1994. 224 с.

9. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика). Х.: Право, 2008. 240 с.

10. Старчук О.В. Щодо поняття принципів права. Теорія та історія держави та права. Філософія права. URL: http://kul.kiev.ua/images/chasop/2012_2/40.pdf.

11. Колодій А.М. Принципи права: генеза, поняття, класифікація та реалізація. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/63807/08-Kolodiy.pdf>.

12. Аграрне право: [підруч. для студ. вищ. навч. закл.] / [В.П. Жушман, В.М. Корнієнко та ін.; за ред. В.П. Жушмана та А.М. Статівки]. Х.: Право, 2010. 296 с.

13. Статівка А.М. Аграрне право (оглядові лекції, нормативно-правові акти): навч. посіб. Х.: Юрайт, 2014. 352 с.

14. Гаєцька-Колотило Я.З. Аграрне право України: навч. посіб. К.: Істина, 2008. 184 с.

15. Піддубна Д.С. Правовий захист органічної продукції від генетично модифікованих організмів в Україні: автореф. дис. на здоб. наук. ступ. канд. юрид. наук: спец. 12.00.06 – земельне право; аграрне право; екологічне право; природоресурсне право; Нац. ун-т біоресурсів і природокористування України. К., 2015. 20 с.

16. Уркевич В.Ю. Пропринципиви виробництва органічної сільськогосподарської продукції в Україні. Наук. вісн. Нац. ун-ту біоресурсів і природокористування України: Серія «Право» / голова редкол. Д.О. Мельничук. 2014. Вип. 197. Ч. 1. С. 56–63.

17. Марченко С.І. Організаційно-правові питання товарного сільськогосподарського виробництва

в Україні: моногр. К.: ВГЛ «Обрії», 2010. 200 с.

18. Корнієнко Г.С. Правові засади виробництва безпечних та якісних сільськогосподарської продукції та продуктів харчування // Актуальні проблеми правового забезпечення продовольчої безпеки України: моногр. / [О.М. Батигіна, В.П. Жушман, В.М. Корнієнко та ін.; за ред. В.Ю. Уркевича та М.В. Шульги]. Х.: ФОП Шевченко С.О., 2013. С. 235–255.

19. Курман Т.В. Правовое обеспечение хозяйственной деятельности государственных специализированных сельскохозяйственных предприятий. Х.: СПД-ФЛ Чальцев А.В., 2007. 208 с.

20. Аграрне право України: підруч. / за ред. О. О. Погрібного. К.: Істина, 2007. 448 с.

21. Петров В.В. Экология и право: [монография] / В.В. Петров. М.: Юрид. лит., 1981. 224 с.

22. Ivakhnenkov S. Information Technologies in Accounting and Auditing: A Post-Soviet Approach / S. Ivakhnenkov // Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller GmbH & Co, 2010. 159 p.

23. Куликов В.И. Оценка централизации / децентрализации управления предприятием. Российское предпринимательство. 2012. № 12(210). С. 56–62.

24. Куликов В.И. Системный анализ управления. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 138 с.

25. Сокольська Р.Б., Зелікман В.Д. Двокритеріальний підхід до оцінювання рівня централізації системи обліку на підприємстві. Науковий вісник ужгородського університету. 2016. URL: http://www.visnyk-ekon.uzhnu.edu.ua/images/pubs/48/48_50.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Старожилів Віталій Владимирович – соискатель кафедры земельного и аграрного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Starozhilov Vitaliy Vladimirovich – Applicant at the Department of Land and Agrarian Law of Yaroslav Mudryi National Law University

limashyn@mail.ru

УДК 343.9 (477)

ОСНОВНЫЕ ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ И ИНУЮ АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СТ. 304 УК УКРАИНЫ)

Елена СЫТНИК,

аспирант

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу виктимогенных факторов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Доказывается, что дисфункции института семьи оказывают наиболее мощное деструктивное влияние, эффекты которого могут иметь как криминогенный, так и виктимогенный характер. Основными проявлениями дисфункции института семьи следует считать девальвацию семейных ценностей, домашнее насилие. Приведены дополнительные аргументы в пользу криминогенности дисфункций института среднего общего образования. Акцентируется внимание на виктимогенной роли распространения субкультуры «АУЕ». Выделены и описаны основные её признаки и криминологически значимые последствия вовлечения в неё несовершеннолетних.

Ключевые слова: вовлечение, преступная деятельность, антиобщественная деятельность, несовершеннолетний, виктимогенный фактор, дисфункция.

BASIC VICTIMOGENIC FACTORS OF INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMINAL AND OTHER ANTI-SOCIAL ACTIVITIES (THE ART. 304 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE)

Elena SYTNIK,

Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on the analysis of victimogenic factors of involving minors in criminal and other anti-social activities. It is proved that the dysfunctions of the family institution have the most powerful destructive influence, the effects of which can have both criminogenic and victimogenic nature. The devaluation of family values, domestic violence should be considered as the main manifestations of the dysfunction of the family institution. The author has provided additional arguments in favor of the criminality of the dysfunctions in the institution of secondary general education. Special attention is focused on the victimogenic role of the distribution of the "Single Prisoner's Structure" subculture. Its main features and criminologically significant consequences of involving minors in it have been outlined and described.

Key words: involvement, criminal activity, anti-social activity, a minor, victimogenic factor, dysfunction.

Постановка проблемы. Вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную, предусмотренную ст. 304 УК Украины деятельность (попрошайничество, пьянство, занятие азартными играми) является крайне опасным проявлением дегуманизации социальных отношений. Общество, в котором ребёнок переходит в разряд вещи, рассматривается не как самоценный субъект, но как объект, инструмент достижения целей, в котором дети страдают от криминальной эксплуатации, – общество нравственной стагнации и сингулярности. Распространение же преступлений, предусмотренных ст. 304 УК Украины, составляет угрозу цивилизованному развитию такого общества, способствует прерыванию связей поколений. В связи с этим, полагаем, углублённое

исследование детерминации этой разновидности криминальной активности, в том числе и в разрезе виктимизации несовершеннолетних, является крайне актуальным и важным направлением развития криминологической науки и практики.

Актуальность исследования. Проблемы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность неоднократно становились предметом изучения таких ученых, как: Ю.В. Александров, И.А. Бандурка, В.В. Витвицкая, С.Ф. Денисов, В.В. Дзундза, В.П. Емельянов, В. Н. Кудрявцев В.В. Кузнецов, Л.С. Кучанская, И.П. Лановенко, И.В. Однолько, И.А. Топольскова, Н.С. Юзикова и др. Вместе с тем виктимогенные факторы, как правило, не попадали в фокус внимания исследова-

телей, в связи с чем образовалась свободная зона научного поиска.

Цель статьи заключается в выявлении, описании и объяснении основных виктимогенных факторов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Изложение основного материала. Основные виктимогенные факторы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность представлены институциональными дисфункциями, искажающими нормальный процесс социализации ребёнка, вызывают дополнительные риски его социопатизации, в том числе и криминализации. В наибольшей степени несовершеннолетний оказывается зависимым от функционирования институтов семьи и школы (общего среднего образо-

вания). Следовательно, и самое виктимогенное влияние на несовершеннолетних формируется как результат дисфункции этих социальных институтов.

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что семья является базовым, основным жизненным пространством ребёнка. Поэтому и дисфункции института семьи оказывают наиболее мощное деструктивное влияние, эффекты которого могут иметь как криминогенный, так и виктимогенный характер, в том числе и в контексте исследуемой проблематики. Основным проявлением дисфункции института семьи следует считать девальвацию семейных ценностей.

Правильным в этом контексте следует признать мнение В.Н. Кудрявцева, который полагал, что главным образом через характер ценностных ориентаций определяется антиобщественная направленность личности, ее склонность к решению своих жизненных проблем наиболее опасным для общества, преступным путём [1, с. 116–117]. При этом, отмечают С.Ф. Денисов и А.Н. Тогочинский, именно сквозь призму семейных ценностей воспринимается весь остальной мир, а также определяется место каждого члена семьи в этом мире. Ценностные ориентации играют триединую роль: закрепляют базовую мотивацию в типичных ситуациях; уменьшают антиобщественную направленность личности; служат основанием для социально приемлемого нормирования жизнедеятельности человека [2, с. 117].

Эмоционально-ценностный потенциал семьи, как подчеркивает А.В. Дидковская, имеет большие возможности воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. В сочетании с идейными установками родителей эмоциональные факторы выступают основной причиной развития нравственного достоинства ребёнка. На основе положительного оценочного отношения родителей формируется эмоционально-ценностное отношение несовершеннолетнего как к себе, так и к окружающим [3, с. 135].

Таким образом, следует согласиться с мнением, что среди основных детерминант преступности среди молодежи важное место занимает характер отношений между супругами, их роди-

телями и родственниками. Отсутствие взаимоуважения, взаимопонимания, заботы в семье, культивирование примитивных интересов, низкий культурный, образовательный уровень родителей, отношение к детям как к родительской собственности негативно влияет на формирование девиантного поведения несовершеннолетних [2, с. 118]. Пока же в Украине около 90 тыс. украинских семей не выполняют воспитательных функций; почти 70% беспризорных детей происходит из неполных или многодетных семей [3, с. 133]. В этой связи логичными и закономерными представляются результаты проведенного С.Ф. Денисовым исследования личности молодого преступника, среди криминологические значимых черт которого преобладает пренебрежение к морально-правовым ценностям общества, правовой нигилизм, морально-этический максимализм [4, с. 5].

Действительно, наиболее гуманистический, позитивный творческий потенциал каждой личности формируется и раскрывается, прежде всего, в недрах определяющих для семьи жизненных ориентиров, стратегий, принципов, которые принято объединять синтетической категорией «ценности». В то же время недостатки, системные искажения в аксиологических установках функционирования современного института семьи в украинском обществе закладывают такие же фундаментальные, но с противоположным значением, потенции в развитии личности. Экономизация основ взаимодействия между членами семьи, рационализация затрат времени и энергии (как результат развития рыночного типа характера, согласно классификации Э. Фромма), отчужденность, ослабление эмоциональной связи с детьми – вот далеко не полный перечень основных отрицательных черт ценностной сферы семейных отношений, имеющих виктимогенное значение для ребенка в контексте его вовлечение в преступную или иную антиобщественную деятельность.

Доминирование категорий меновой стоимости вместо бесценности, конкуренции, соперничества вместо взаимопомощи и самопожертвования, соотношение совокупных затрат и выгод вместо категоричного внутреннего императива, принципа, убежденности – те

классические гносеологические, постмодернистские связи, которые ещё Г. Беккер и его последователи в теории неинституционализма ставили во главу угла при определении вероятности социально рискованного поведения. В разрезе предмета нашего исследования – вероятности принятия несовершеннолетним предложения о его участии в совершении преступления или иной антиобщественной деятельности. И здесь не может быть никаких критериев формализации, пригодных для измерения указанной вероятности. Однако, тем не менее, не может, думается, быть серьезных контраргументов против того, что именно девальвация семейных ценностей, их экономизация, дегуманизация является весомыми факторами как криминализации, так и виктимизации личности несовершеннолетнего, которые значительно облегчают его вовлечения в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Крайним проявлением девальвации семейных ценностей, симптомом их вырождения является *домашнее насилие*. Последнее, как общественно опасная форма дисфункции института семьи, имеет непосредственное виктимогенное значение в аспекте детерминации преступлений, предусмотренных ст. 304 УК Украины.

Ю.М. Антонян и Е.Г. Самовычев по результатам исследования психологической генезиса становления насильственного преступника пришли к выводу, что закрепляемая в детстве эмоция страха является травмирующей для ребенка, порождает в нём тревогу и реакцию избегания. Если в ранней социативный период развития личности реакция страха активизируется еще на досознательном уровне, то в процессе дальнейшего развития она подвергается неизбежной трансформации, лишается внешних атрибутов непосредственности и очевидности [5, с. 27]. Таким образом, влияние на несовершеннолетнего фактора домашнего насилия как непосредственно к нему, так и к другим членам семьи с объективной необходимостью влечет за собой формирование и закрепление комплексов тревожности, производных от состояния страха. В зависимости от частоты, интенсивности насильственных действий тревожность

может иметь различную степень выраженности, однако непременно остаётся мощной субъективной детерминантой агрессии. При этом последняя, имея защитную этиологию, в ситуации трансформированной реакции перманентного страха (по Ю.М. Антоняну – дефектов социализации эмоции страха), лишённого внешних атрибутов очевидности, разворачивается через механизмы замещения. Ребёнку свойственно в таких состояниях искать во внешней среде объекты, которые гипотетически, субъективно возможно связать с источником угрозы для неё и причинить им вред. Тревожность временно исчезает, наступает непродолжительный период психологического покоя, который, впрочем, сменяется новой волной тревожности. И чем акты домашнего насилия чаще, тем меньше интервал между этими волнами.

Совершенно ясно, что тревожная личность несовершеннолетнего – достаточно легкий объект для манипулирования. Не представляет существенной трудности такого несовершеннолетнего ненавязчивым предложением вовлечь в преступную деятельность, особенно если последняя имеет агрессивно-насильственную природу: хулиганство, умышленные телесные повреждения, вандализм и т.п.

Однако описанный в наиболее общих контурах механизм виктимизации несовершеннолетнего под влиянием домашнего насилия является таковым, который находится, так сказать, «на поверхности», является наиболее выраженным и очевидным. Менее очевидными в краткосрочной перспективе, однако не менее деструктивными являются глубинные психотравмы и искажения ценностной сферы мировоззрения, установок несовершеннолетнего, который подвергается домашнему насилию. Ребёнок фактически против своей воли «исключается» из ценностно-смыслового ядра семьи как ячейки защиты, любви, заботы, доверия и доброжелательности – необходимого фона нормальной социализации. Закладываются фундаментальные факторы социопатогенеза. Прогнозирование её возможных вариаций, пожалуй, – прерогатива Всевышнего. Любые конкретные утверждения по этому поводу будут иметь слишком большую

погрешность, чтобы считаться научно обоснованными. Тем не менее, возможными представляются выводы высокой степени обобщения.

В частности, лишение личности в процессе социализации основного природного очага её нормальной психоэмоциональной, физической жизнедеятельности, или формирования в ней источников психических и физических угроз (в результате домашнего насилия) является экзистенциальной катастрофой, ставит под сомнение целесообразность продолжения существования такой личности как неотъемлемого (прежде всего, на чувственном, подсознательном уровне) элемента такой ячейки, семьи. Отсюда – интенсивные реакции эскапизма, агрессии и аутоагрессии. По результатам нашего исследования более чем 90% случаев доведение несовершеннолетних до самоубийства – результат домашнего насилия. Около 84,5% всех несовершеннолетних, осужденных за хулиганство, умышленные убийства, изнасилования в социально предикатных состояниях, были жертвами домашнего насилия. Приблизительно 93% из тех несовершеннолетних, которых вовлекли в совершение указанных преступлений, а также 61% из тех, которых вовлекли в совершение общеуголовных корыстных преступлений, – жертвы домашнего насилия; 98,2% беспризорных – жертвы домашнего насилия. Из них – 100% тех, кто на момент оставления места жительства находились в составе семьи.

Таким образом, между интенсивностью домашнего насилия в отношении несовершеннолетнего и вероятностью достижения успеха по вовлечению его в преступную или иную антиобщественную деятельность существует тесная связь. Кроме того, дети, как жертвы домашнего насилия, претерпевают непоправимые социализационные потери в части ценностных ориентаций, что также следует признать мощным фактором социопатизации, криминализации личности.

Дисфункция института школьного (общего среднего) образования как виктимогенный фактор вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность оканчивается в следующем: снижении профессионального мастерства педагогов

(не в последнюю очередь – из-за снижения качества высшего педагогического образования), падении их авторитета как среди учащейся молодежи, так и в обществе в целом; отсутствии реального личностно ориентированного подхода в обучении; хроническом недофинансировании, особенно в сельской местности, где ощущается нехватка самого необходимого – современных учебников, пособий; неудовлетворительном, крайне низком уровне оплаты труда учителей. Это побуждает их к поиску дополнительных источников заработка, что не может не сказываться на качестве основной работы. Как следствие – образовательная составляющая оторвана от воспитательной. Последняя оказывается в значительной степени формализованной; социализационные функции и функции общего контроля, взаимодействия в треугольнике «школа – ребенок – семья» существенно минимизированы.

Отдельным проявлением дисфункции школьного образования является неразвитость института инклюзивности для детей-инвалидов, которые нередко, в том числе и вследствие своей исключённости из социокультурного пространства сверстников, становятся жертвами вовлечения в занятие попрошайничеством, совершение преступлений. Речь идет как о недостатках в психическом, так и физическом развитии. К этому добавляется крайне острая проблема так называемого буллинга, школьной травли, которая способствует закреплению состояний психологической отчужденности детей с особыми потребностями, подталкивает их к поиску контактов, коммуникации в другой среде, в том числе и асоциальной, облегчает возможности их вовлечения в преступную и иную антиобщественную деятельность.

В этом же русле криминологически значимых социальных процессов следует рассматривать и *распространения деструктивных молодежных субкультур* как функциональных альтернатив общепринятым, материнским культурным нормам, институтам. Наиболее опасным в этом отношении в современном украинском обществе является молодежное «отпочкование» криминальной субкультуры – субкультура «АУЕ».

Субкультура «АУЕ» (аббревиатура «арестантский уклад един» или

«арестантско-уркаганское единство») сегодня находится только лишь в состоянии своей институционализации, формируются первичные мощные очаги на территории нашего государства. Здесь не лишним будет указать на то, что «АУЕ» – «изобретение» российской профессионально-криминальной среды и наибольшего своего развития закономерно достигло именно на территории Российской Федерации, в её восточной и средней географической полосе с тенденцией к продвижению на Запад. По состоянию на начало 2018 г., по данным СМИ, её проявления фиксируются уже непосредственно у границ Украины – на территории Брянской, Белгородской областей.

Даже беглое ознакомление с материалами журналистских расследований, отдельными публикациями на уровне тезисов докладов и научных статей в Российской Федерации, контент-анализ их СМИ дает возможность наиболее пунктирно, в общих чертах, кратко описать важнейшие криминологические значимые характеристики субкультуры «АУЕ»: 1) романтизация криминального образа жизни, тюремное и криминально-субкультурное идолопоклонство; 2) использование в среде несовершеннолетних тюремного арго; 3) имплементация в среду несовершеннолетних социально-стратификационных принципов, норм преступной среды, «воровского закона», его «понятий» вообще; 4) отрицание ценности образования, легальных институтов власти, семьи, социально приемлемого образа жизни; 5) совершение преступлений в качестве основы для существования, источника доходов; 6) поддержка связей со взрослыми представителями преступной среды, в основном с теми, кто отбывает наказание в виде лишения свободы. Эти связи налаживаются, как правило, для вовлечения несовершеннолетних в общеуголовные корыстные промыслы с последующей передачей полученных от них доходов в места лишения свободы (с тем, чтобы «греть зону»); 7) распространение влияния на учащихся общеобразовательных учебных заведений по пирамидальному принципу с целью обложения данью учеников, систематического вымогательства денег, других материальных ценностей.

По данным же проведенного нами экспертного опроса работников под-

разделений ювенальной превенции Национальной полиции в Украине фиксируются лишь «единичные случаи» осведомленности несовершеннолетних в категориях и ценностях «АУЕ» на территории Днепропетровской, Киевской, Харьковской и Херсонской областей. Впрочем, «единичные случаи» в данном контексте – это «раковые клетки». Их диагностирование не оставляет сомнений в том, что без надлежащего и своевременного реагирования уже сегодня последствия для детской среды будут катастрофическими (между тем отдельные отечественные интернет-магазины уже предлагают образцы одежды с атрибутикой «АУЕ»).

Выводы. Виктимогенные факторы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность выявляют себя, прежде всего, в дисфункциях института семьи и образования. Существенным воздействием в этом отношении отличается домашнее насилие. Кроме этого, отмечается возрастание виктимизирующей роли субкультуры «АУЕ». По сути, это экспансия криминальной среды на молодое поколение, несовершеннолетних, радикальная попытка профессионального криминала создать постоянные и мощные функциональные ячейки рекрутирования новых членов, а также усилить финансовую составляющую устойчивости традиционной воровской структуры. Поэтому распространение в Украине субкультуры «АУЕ», очевидно, является существенным как криминогенным, так и виктимогенным фактором вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Список использованной литературы:

1. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества М.: Гардарики, 2002. 238 с.
2. Денисов С. Ф., Тогочинский А. Н. Семейные ценности как важнейший человеческий капитал и их роль в предупреждении преступлений среди молодежи. Вестник Криминологической ассоциации Украины: сб. науч. труд. [редкол. А.М. Бандурка (глав. ред.) и др.]. Х.: ХНУВД, 2017. № 3(17). С. 112–122.
3. Дидкивская А.В. Криминогенность семьи как фактор преступности

несовершеннолетних. К.: Центр учебной литературы, 2016. 204 с.

4. Денисов С.Ф. Преступность криминально активной части молодежи и её предупреждение в Украине: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Запорожье, 2011. 39 с.

5. Антонян Ю.М., Самовычев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений (Психологические механизмы насильственного преступного поведения). М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 80 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытник Елена Николаевна – аспирант Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sytnik Elena Nikolayevna – Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

UDC 343.21

RULES OF CRIMINAL AND LEGAL ESTIMATION OF COMMITTED ACT

Olga US,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal Law № 1
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article is devoted to the rules of criminal and legal estimation (qualifications) of committed act by a person. Set types of such rules and their classification, found out sources of origin of rules, subjects of their regulation and application domain. The expounded suggestions in relation to expediency to foresee general (common) and special rules of criminal and legal estimation of committed an act in General part of penal law.

Key words: criminal and legal estimation of committed an act, qualification of crime, rule of criminal and legal estimation, penal law.

ПРАВИЛА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ СОВЕРШЕННОГО ДЕЯНИЯ

Ольга УС,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правилам уголовно-правовой оценки (квалификации) совершенного лицом деяния. Установлены виды таких правил и их классификации, выявлены источники происхождения правил, субъекты их регламентации и сфера применения. Высказаны предложения о целесообразности предусмотреть общие (универсальные) и специальные правила уголовно-правовой оценки совершенного деяния в Общей части уголовного закона.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка совершенного деяния, квалификация преступления, правила уголовно-правовой оценки, уголовный закон.

Problem setting. A large value is given in the doctrine of criminal law and investigational-judicial practice to the question of criminal and legal estimation of committed act by a person, as correct legal opinion of behaviour of person is the necessary condition of achievement of legality at administering law in connection with realization of criminal realization (investigation).

The basic setting of criminal and legal estimation of committed act (it's aim) is establishment of that, or such act behaves to one of the crimes foreseen in the articles of Special part of the Criminal code (further is CC). The result of such estimation is qualification of crime, namely an exact and complete reflection of committed act is in the formula of qualification (reference is in a corresponding judicial document on digital denotation (number) of the article (parts of the article, point) of Special part of CC, and on occasion – and on the article (part of the article) of General part of CC that foresee the accomplished act). The use of pointing on a corresponding criminal and legal norm the internal,

rich in content aspect of criminal and legal estimation of committed act allows representing.

The **purpose of the article** is to study the rules of the criminal assessment of an act, ascertaining the content, classifications, and criminal effect.

Basic material. For the criminal and legal estimation of certain situation on the whole it is necessary on the basis of criminal and legal norms to estimate all complex of actual circumstances, in other words every structural element of legal fact. The ideal model of legal fact is given by a legal construction that finds the recreation in legislation. The legal construction of legal fact of criminal and legal estimation is a corpus delict, under that in science of criminal law and investigational-judicial practice understand totality of the legal signs (objective and subjective) that determine a committed act as crime set in a penal law. A corpus delict has such name, as it consists of component parts, that have the name of elements, which, in turn, are characterized corresponding signs. For this reason, be-

fore to give a legal estimation to the legal fact on the whole, it is necessary to set all it's separate structural elements. In other words the process of qualification consists in a successive exposure in committed by a person publicly dangerous act of all elements (their signs) of corpus delict.

A search of criminal and legal norm at the estimation of behaviour of person is a task of considerable complication. The object of such estimation actually and is a committed person act that is examined from the point of view of criminal illegality, in other words foreseen of it in a penal law as a crime. The types of illegal behaviour are described in corresponding criminal and legal norms that is contained in Special part of CC, and compositions of crimes have the name. A corpus delict is the normative, legislative founding (necessary component, pre-condition, condition) for the criminal and legal estimation of actually committed by a person act, actually, for qualification of crime. For this reason, at the criminal and legal estimation of value gets to all individual not circumstances (to the signs) that take place at the com-

mitted of particular act, but only those that have a legal value, in other words present a certain corpus delict. From all totality of signs that characterize a committed act, a subject that carries out such criminal and legal estimation elects those that is marked in the norm of penal law only, as signs of certain corpus delict.

In totality of elements of certain corpus delict a negative estimation consists by society, state and right for corresponding behaviour, in other words a corpus delict is an anti-norm of behaviour of member of society. A corpus delict represents the legal structure of any certain corpus and conformity to law of construction of both these corpus delicts and each of its elements and signs.

It should be noted that the object of criminal and legal estimation of committed act is not only criminal offence but also legitimate acts (acts and behaviour). In addition, the criminal and legal estimation of act comes true only in relation to facts that came already, unlike other types of legal opinion, that take place both in relation to facts (events) that came and in relation to facts present and future.

Remind, that qualification of crimes – it is the formalized process, that must be based on certain rules (requirements), that determine order of electing of criminal and legal norm at the criminal and legal estimation of committed by a person act, and also fixing of this estimation.

Rules of criminal and legal estimation of committed act are normative binding overs or universally recognized doctrine positions that provide the order of electing of norm of penal law for the estimation of behaviour of person. In other words these rules explain how to apply a penal law, and provide the correct criminal and legal estimation (qualification) of committed act the same. These rules must be based in turn on: a) wholly legal principles (principles of supremacy of right, legality, justice, equality before a law, realization of justice on the basis of competitive spirit of parties and freedom in a grant by them to the court of the proofs, humanism, presumption of nonguiltiness, impossibility twice to appeal to legal responsibility of one kind for the same offence, and others like that); b) principles of criminal law (principles of responsibility for a committed publicly of dangerous act that is confessed by a penal law as a crime, to responsibility

only at presence of guilt, personal (own) character of responsibility, individualization of criminal responsibility, and others like that) and c) the special principles of criminal and legal estimation (qualifications) of committed act (principles of officialness of qualification, exactness, stability, steadiness, unanimity, plenitude and individuality of qualification of act, and others like that). As right marks L. D. Gauchman, rules of qualification are a link that binds criminal and legal norms to the actual circumstances of committed act, and the same get a dynamics, bringing them over to the action, that answers an and letter, and spirit of law, specifying the static norms of CC and going into detail the idea of legislator [1, p. 275-276].

Rules of criminal and legal estimation of committed act are methods and facilities applications of penal law, that is foreseen in it, in resolutions (elucidations) of the Higher judicial instance of Ukraine – Supreme Court of Ukraine, and also worked out other judicial practice and doctrine of criminal law. These rules determine both general and special requirements that is produced to application of penal law, and own decision of question, about a presence or absence of grounds for bringing in of person to criminal responsibility. The feature of such rules consists in that they are not concentrated only in CC, but examined in relation to separate positions and institutes of criminal law [2, p. 34].

The rules of criminal and legal estimation of committed act must provide only approaches in investigational-judicial practice in relation to the criminal and legal estimation of behaviour of person, definiteness and authenticity of results of such estimation (qualifications of act), minimize the risks of wrong criminal and legal estimation (incorrect application of criminal and legal norms). Thus, the marked rules have a fundamental value for application of criminal and legal norms in case of estimation of behaviour of person. For this reason in scientific literature the expounded suggestion in relation to expediency of regulation of rules of criminal and legal estimation of committed act directly at normative level, in other words in a penal law. In this connection in the doctrine of criminal law it offers to foresee the independent division (chapter) «Rule of qualification of crimes» or «Rule of criminal and legal

estimation of committed act» in General part of CC, what to limit or even eliminate possibility of judicial interpretation of questions of criminal and legal estimation of behaviour of person.

It should be noted that the rules of criminal and legal estimation of committed act are various enough and numerous. They can touch both application of penal law in all without an exception cases and in separate individual situations. These rules can behave both to application of institutes of General part of CC (for example, institute of the stages of commission of crime) and complex institutes of criminal law (for example, institute of criminal participation), and also institutes of Special part of CC (dissociation and qualifications of the separate crimes foreseen by the articles of Special part of CC).

Taking into account the great number of the marked rules, they can be classified on different classification criteria.

1. On the quantitative and quality criterion of rule of criminal and legal estimation of act divided into: a) those, that distribute operating on the corresponding circle of acts that is subject to qualification, and used for law application; b) those that behave to the that or other division (to the institute) of criminal law and used in scientific researches and at the study of criminal law, as educational discipline.

2. Depending on the external form (sources) of expression (to the display) of rule of criminal and legal estimation of committed act it is possible to divide into: a) normative – those that is foreseen in normatively-legal acts, namely in a penal law; b) non-normative – those that did not get normative (formalized) expression in a penal law are however used for the criminal and legal estimation of act.

At the same time, as it is right marked in the doctrine of criminal law, such division of rules is sufficiently conditional, as a certain rule of criminal and legal estimation of committed act can consist of a few binding overs that is contained in different sources, one of that have normative, and other is non-normative character [3, p. 77]. For example, according to parts 1 and 2 Article 29 CC a performer is subject to criminal responsibility after the article of Special part of CC; an organizer, instigator and accomplice, is subject to criminal responsibility after corresponding part of Article 27 and by the that article

(by part of the article) of Special part of CC, that foresees a crime committed a performer. However, on occasion qualification of acts of accessories can come true and not after that the article, that foresees a crime committed a performer, as accessories, for example, can commit crime, following different reasons and pursuing different aims. For this reason the legislative rule of criminal and legal estimation of acts of accessories is specified by doctrine rules and corresponding interpretations (by elucidations) of Session of Supreme Court of Ukraine.

In addition, in investigational-judicial practice a question remains unsolved about the criminal and legal estimation of act of person that at the commission of general crime carried out a few roles. The session of Supreme Court of Ukraine gave its elucidation only in relation to separate crimes. Certainly, in accordance with sub. 20 of resolution «About practice of application of legislation courts about criminal responsibility for legalization (washing) of the incomes, got a criminal way» from April, 15, 2005 in № 5, actions of persons, that participated in legalization (washing) of the incomes got a criminal way, as organizers, instigators or accomplice, if they are not simultaneously accessories of this crime, it is required to characterize after corresponding parts of the Articles 27 and 209 CC. Alike approach is driven to p. 1 sub. 3 resolutions of Session of Supreme Court of Ukraine «About judicial practice in cases about crimes against life and health of person» from February, 7, 2003 in № 2 and p. 5 sub. 3 resolutions of Session of Supreme Court of Ukraine «About practice of consideration of criminal cases courts about crimes, committed proof criminal associations» from Decembers, 23, 2005 in № 13.

The unsolved at normative (legislative) level is remained by the rule of criminal and legal estimation of act of accessories, if a person at the commission of one crime was a performer (accessory), and at a committed other by an organizer, instigator or accomplice. Such the rules forced to set forth Session of Supreme Court of Ukraine. Certainly, according to p. 2 sub. 21 resolution «About judicial practice in cases about crimes against property» from November, 6, 2009 in № 10, if a guilty person at the committed of one crimes was a performer, and other –

by an organizer, instigator or accomplice, then such crimes it follows also to characterize separately with reference to corresponding part of the Article 27 CC. Alike approach is contained in paragraph 5 sub. 3 resolutions «About practice of consideration of criminal cases courts about crimes, committed proof criminal associations» from Decembers, 23, 2005 in № 13, where it is marked that if a person participated in the commission of one crime as an organizer, and other – as a performer, accomplice or instigator, its actions in every case must be characterized independently.

3. Depending on sources in that the rules of criminal are set forth and of legal estimation of committed act, they are divided into those that is contained in: a) norms of penal law; b) methodical researches of scientists, in relation to application of criminal and of legal norms at criminal and to the legal estimation of committed act; c) elucidations (resolutions) of Session of Supreme Court of Ukraine, devoted to both application of corresponding institutes of criminal law and interpretation of separate questions in relation to bringing in to criminal responsibility for a certainly committed crime; d) court decisions in relation to certain criminal cases (realizations).

It should be noted that only the separate rules of criminal and legal estimation of committed by a person act, that set forth in science of criminal law and worked out in investigational-judicial practice, called the recreation in a criminal legislation. Majority from such rules for today remain the article of research and suggestions of scientists. Situation in relation to that in CC foreseen only the separate (minimum) general rules of criminal and legal estimation of committed by a person act in science of criminal law got the name as regulative insufficiency of penal law [4, p. 68].

It is possible to assert with the certain chance of convention, that and separate positions of Constitution of Ukraine matter for the criminal and legal estimation of committed act. Certainly, in accordance with the Article 58 of Constitution of Ukraine, nobody can be responsible for acts that in a time of their committed did not confess a law as offence. According to Article 62 of Constitutions of Ukraine a person is considered nonguilty in the commission of crime and can not be

exposed to criminal punishment, while it's guilt will not be well-proven in the legal order and set by the accusatory sentence of court. A prosecution can not be base on the proofs got an illegal way, and also on suppositions. All doubts in relation to well-proven of guilt of person are interpreted on it's benefit. For the correct criminal and legal estimation of committed act such principle of subjective relation in guilt (responsibility is only at presence of guilt) has a fundamental value.

At the same time mostly absence of the legislative fixing of rules of criminal and legal estimation of committed act is compensated by elucidations (by interpretations) of Session of Supreme Court of Ukraine, that contained in corresponding resolutions. In such resolutions decide both general rules criminal and legal estimation act and special rules of qualification of separate crimes. In spite of the fact that elucidations of the Higher judicial instance of Ukraine carry recommendation (officially recommendation) character, they are based on an analysis and generalizations of judicial practice and, in majority, are scientifically reasonable. It is in addition, necessary to pay attention and on generalization of judicial practice that comes true by Supreme Court of Ukraine, that contain both general and special rules of criminal and legal estimation of committed act also.

It should be noted that row of rules of criminal and legal estimation for today exist in the type of doctrine suggestions (although the most universally recognized scientific positions found a reflection in CC, resolutions (elucidations) of the Higher judicial instance of Ukraine, legal positions of Supreme Court of Ukraine and county courts in relation to certain criminal realizations). Those doctrine positions, that is set forth in relation to the short stories of criminal legislation, in relation to that yet the absent withstands investigational-judicial practice, have most meaningfulness for law applicable activity, or that are the result of analysis and generalization of judicial practice in relation to the separate questions of criminal and legal estimation acts of person, that does not have an unanimous decision.

4. Depending on subjects that set forth the rules of criminal and legal estimation of committed act, they can be divided into: a) to the duty – those that is set forth by a legislator (Supreme Counsel

of Ukraine) and foreseen in a penal law; b) officially recommended – those that is driven to corresponding elucidations of Plenum of Supreme Court of Ukraine; c) officially orienting – those that is contained in the certain court decisions of courts of corresponding instances (legal precedents); d) unofficially recommended – those that is worked-out in the doctrine of criminal law, if they did not find a recreation in resolutions (elucidations) of the Higher judicial instance of Ukraine and corresponding legal precedents [1, p. 275-276].

5. Depending on an application of rules of criminal and legal estimation of committed act domain they can be divided into: a) general (universal), b) special, c) single (particular, separate) rules.

General rules of criminal and legal estimation of act – it those, that is used for qualification of any crime foreseen in a penal law. These rules have universal character. To them it follows to take such: a) act can be skilled as a crime, only if it is foreseen in CC; b) qualification by analogy is forbidden; c) qualification of crime comes true on a law that operated in a time of committed of corresponding act (sometimes the commission of crime admits time of committed the person of foreseen by the penal law of action or inactivity (P. 3 Article 4 CC); d) qualification comes true taking into account the rules (principles) of action of penal law in space; e) qualification comes true after the elements of corpus delict; f) result of qualification is subject to the judicial fixing in the order and form, statutory; g) founding and order of change of qualification must come true exceptionally in accordance with the requirements of legislation, and others like that.

Special rules of criminal and legal estimation of committed act – it those that is used in relation to the separate typical cases of committed of criminal offence (the crime). To them it follows to take: a) rule of qualification of crimes within the limits of one composition (rules are the qualifications, related to the features of certain corpus delict, features of its elements and their signs; rules of qualification of unfinished crime; rules of qualification of crime committed in participation, and others like that); b) rule of qualification of multiplicity of crimes (of rule of qualification of repeated, totality or relapse of crimes; rules of qual-

ification at the competition of criminal and legal norms (competition of general and special norms, competition of part and unit, and others like that).

The single (particular, separate) rules of criminal and legal estimation of committed by a person act are used for differentiation of certain crimes and expose the features of qualification exactly of separate crimes.

Undertaken study testifies to the variety of sources, that contain the rules of criminal and legal estimation of act by a person, subjects of their formulation, application of such rules domain, and others like that. It should be noted that such multiplicity of rules of criminal and legal estimation of act it is objective conditioned and appropriate. It is in addition, expedient to mark, that the obvious rules are not unchanging and depend on changes and additions of penal law.

In this connection in scientific literature two speak out opposite positions in relation to regulation of rules of criminal and legal estimation of committed act. Certainly, row of scientists, as marked already, suggest to foresee such rules (their separate kinds) in the norms of General part of penal law. Other researchers assert that in a penal law it is impossible to foresee all rules of criminal and legal estimation of committed act, as, firstly, a codified penal law must not contain the special (separate) rules of qualification of crimes that have limit area of application, because positions of CC are characterized the high degree of abstraction. Secondly, most rules of criminal and legal estimation of act have multilevel maintenance that shows up in different sources.

At the same time, as separate scientists, system of sources, that contain the rules of criminal and legal estimation of committed act that exists for today hardly is optimal, mark right, as maintenance of corresponding rules in many cases obviously does not answer external forms of their expression [5, p. 91].

It touches the rules of criminal and legal estimation of committed act first of all, that driven to elucidations (resolutions) of Session of Supreme Court of Ukraine. In a criminal and legal doctrine and investigation-judicial practice the most widespread position in relation to functions on

the value of elucidations (resolutions) of the Higher judicial instance and their place in the system of sources of criminal legislation consists in that they carry recommendation character, or provide a specification and interpretation of criminal law provisions. It is predefined by that the legislation of Ukraine does not contain binding overs, that would foresee obligation of application of elucidations that formulate the rules of criminal and legal estimation of act of person. Consider that elucidations (resolutions) of the Higher judicial instance of Ukraine can and must develop and specify the legislative rules of criminal and legal estimation of committed act, but not set the new own rules of such estimation.

However in the real actuality there are both general (universal) and special rules of criminal and legal estimation of committed act (for example, unfinished crime; crimes committed in participation; to multiplicity of crimes, and others like that) in resolutions of Session of Supreme Court of Ukraine. Maybe it is predefined by the necessity of removal, as be indicated before, regulative insufficiency of penal law.

Conclusions. On the basis of the study, it can be argued that general and special rules of criminal and legal estimation of committed act must find legislative regulation in separate or in the corresponding divisions of penal law. A foresight their correlation, system, will allow in CC of such rules to provide, to provide unity of law applicable activity and more rich in content definiteness of the criminal and legal adjusting. By the way, normative regulation of rules of criminal and legal estimation of committed act does not eliminate in future possibility of their specification in elucidations (resolutions) of the Higher judicial instance of Ukraine.

References:

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. 576 с.
2. Ус О.В. Теорія та практика кримінально-правової кваліфікації: лекції. Харків: Право, 2018. 368 с.
3. Квалификация преступлений: учеб. пособие / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 352 с.
4. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы

преодоления. М.: Юрлитинформ, 2007. 304 с.

5. Ображиев К.В. Правила квалификации преступлений и внешние формы (источники их выражения). Общество и право. 2015. № 4(54). С. 85–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ус Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права № 1 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Us Olga Vladimirovna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law № 1 of Yaroslav Mudryi National Law University

olga.us@ukt.net

УДК 343.148:338.982

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОЛЬШИ

Виоллета ФЕДЧИШИНА,

кандидат экономических наук,

профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности
Университета Государственной фискальной службы Украины

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование организационно-правовых аспектов системного анализа использования специальных экономических знаний в уголовном процессе Польши, характера нарушений процессуального законодательства при рассмотрении экономических правонарушений. Статья посвящена анализу законодательной базы, процессуальных правил и решений судов Польши, научных взглядов ученых, что является положительным аргументом правовой регламентации использования специальных экономических знаний в гармонизации исследования экономических правонарушений с международным законодательством.

Ключевые слова: налоговые, экономические правонарушения, эксперт, специалист, заключение эксперта, права, обязанности.

SPECIAL ECONOMIC KNOWLEDGE: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS AND JUDICIAL PRACTICE OF WOODWORKING OF POLAND

Viолleta FEDCHYSHYNA,

Candidate of Economic Sciences,

Professor at the Department of the Operative-Search Activity
of the University of the State Fiscal Service of Ukraine

SUMMARY

The article deals with theoretical research of the organizational and legal aspects of the system analysis of the use of special economic knowledge in the criminal process in Poland, the nature of violations of procedural legislation when considering economic offenses. The article is devoted to the analysis of the legal framework, procedural rules and decisions of the courts of Poland, scientific views of scientists, which is a positive argument for the legal regulation of the use of special economic knowledge in harmonizing the study of economic offenses with international law.

Key words: tax, economic offenses, expert, expert, expert's conclusion, rights, duties.

Постановка проблемы. Анализ криминалистической литературы свидетельствует, что на протяжении всей истории развития криминалистики проблематика использования специальных знаний была предметом исследования ученых. Основатель криминалистики Ганс Гросс большую роль уделял специальным знаниям в становлении объективной истины, в возможностях исследования «реальных доказательств» [1]. Сегодня, стремясь к дальнейшему продвижению страны

к рыночной экономике европейского образца, практика уголовного судопроизводства Украины расширяет возможности использования специальных экономических знаний в расследовании экономических правонарушений.

Позитивной новеллизации эффективного совершенствования уровня специальных экономических знаний способствуют современные исследования изучения новых тенденций и перспективных подходов, практического опыта других стран.

Целью статьи является анализ современных исследований теоретического и практического опыта использования специальных знаний и специальных экономических знаний при расследовании уголовных преступлений Польши.

В соответствии с международными правовыми и профессиональными стандартами в процессе поиска критериев усовершенствования путей гармонизации национальных принципов судебно-экспертной деятельности в Украине целесообразно максимально учитывать возможный диапазон потенциала отдельных европейских стран. Международные стандарты функционирования правовых институтов нуждаются во взаимосвязанных глобализированных специальных экономических знаниях.

Раньше этому не уделялось всеобъемлющее и сплоченное внимание. Международная политика евроинтеграции обязывает Украину внедрять в практику судопроизводства положительный опыт использования специальных экономических знаний в выявлении и расследовании уголовных правонарушений. Современная криминалистическая проблематика борьбы с экономическими преступлениями, по мнению польского исследователя экономической преступности Х. Колецкого, почти полностью не учитывается.

Сегодня некоторые технические средства, применяемые исполнителями преступлений, дают возможность осуществлять огромные финансово-экономические мошенничества в течение нескольких секунд, например, при помощи электронных переводов денег, осуществляемых при помощи банковской системы SWIFT (SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications, англ.) [2, с. 97]. Учитывая это, возникает интерес к современным исследованиям теоретического и практического международного опыта, например, использования специальных экономических знаний в судопроизводстве Польши.

Работы зарубежных ученых Т.В. Аверьяновой, И.А. Алиева, Л.Е., Белкина, С.Б. Бычковой, Т.С. Волчецкой, А.В. Дулова, А.А. Эйсмана, Е.И. Зуева, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, М.С. Строговича, О.Р. Шляхова, А.П. Удовенко, В.И. Шиканова и дру-

гих определили понятие науки судебной экспертологии как учение о закономерностях формирования и развития судебных экспертиз в судебно-экспертную деятельность, раскрыли ее систему и структуру, учения, предмет, субъекты, методы и многое другое.

В Украине исследованию этих проблем посвящены работы: Р.С. Арокцера, В.П. Бахина, А.И. Винберга, А.Ф. Волобуева, В.И. Галагана, В.И. Гончаренко, А.М. Денисюка, В.А. Журавля, А.В. Ищенко, Н.И. Клименко, В.Е. Коноваловой, М.В. Костицкого, В.К. Лисиченко, Н.Т. Малаховской, Р.П. Марчука, Г.А. Матусовского, Б.В. Романюка, М.В. Перебитюк, М.В. Салтевского, М.Я. Сегая, Е.Б. Симаковой-Ефремян, В.В. Тищенко, И.Я. Фридмана, В.В. Циркаля, В.Ю. Шепитько, М.Г. Щербаковского и других ученых.

Изложение основного материала. Соглашаясь с известным польским ученым Х. Колецким, однозначно можно утверждать, что целый ряд «классических» криминалистических следов (напр.: следы папиллярных линий, следы рукавиц, трасологические следы, механоскопические следы, следы оружия, микроследы, следы ДНК, осмолгические следы и т. д.) почти полностью непригодны для раскрытия современных экономических правонарушений.

100-летний опыт достижения «классической» криминалистической техники почти невозможно адаптировать для раскрытия высокоорганизованных (неоднократно глобального масштаба) финансово-экономических преступлений. Пригодность традиционной (конвенциональной) криминалистики для раскрытия современных экономических преступлений ограничена. В обучении на вузовских юридических факультетах она часто сводится к криминалистической технике раскрытия и доказывания и только по отношению к традиционной «уголовной» преступности. На самом деле большинство следов финансово-экономической преступности имеет совсем другую природу, чем традиционные криминалистические следы. Это, прежде всего, функционально-организационные следы [2, с. 97], как считает Х. Колецки.

Однако в украинской криминалистике отечественные ученые комплексно не исследовали проблематику

использования специальных знаний и специальных экономических знаний в судопроизводстве Польши.

Изучение достижений передового уровня проведения судебных экспертиз в Польше и соответствия качества их проведения международным стандартам способствует обмену опытом в новациях, формированию единых общих принципов оказания международной правовой помощи [3].

Методологическую основу исследования составили публикации О.М. Дуфенюка и польских ученых С. Брейера, Д. Вилка, Ю. Вуйцикевича, А.Габерие, П. Гирдвойня, Т. Грегорчика, К. Згрихека, З. Доды, М. Калы, В. Киндзерского, Ф. Прусака, Е. Садзик, С. Сливинского, И. Стоер-Поляньской, П. Хофманьского, М. Цалкевич и других.

Использование специальных экономических знаний – это использование знаний (savoir, savoir-faire, savoir-être) для создания материальных и нематериальных ценностей [4]. Экономические знания могут использоваться при принятии решений во всех видах судопроизводства. В современной практике использования специальных экономических знаний ключевым компонентом является большая зависимость не от физических ресурсов или природных ресурсов, а исключительно от интеллектуальных возможностей [5].

В разных странах статус эксперта может варьироваться от категории «свидетель», «специфический свидетель» в «судья фактов», «звуковой судья», о чем пишет О.М. Дуфенюк [6, с. 179].

Аналогичные дилеммы также появились в польской криминалистике [2; 3].

Это способствует интересу Украины к изучению международного опыта.

Учеными-криминалистами использование специальных экономических знаний признано как наукоемкая деятельность. Однако в Европе не существует единой позиции относительно целого ряда существенных вопросов, касающихся привлечения эксперта, порядка и формы предоставления заключения, ключевой проблемой формализации и моделирования специальных экономических знаний является неопределенная терминология.

Польский процессуальный закон, обеспечивая более полную реализацию

основных принципов польского судопроизводства, в стремлении достижения истины обязывает учитывать все обстоятельства. То есть роль материальных доказательств, полученных на основании их исследований, систематически растет. Нормы процессуального законодательства Польши возлагает на правоохранительные и судебные органы обязанность поиска истины (арт. 2 § 4 УПК Польши), учитывая все обстоятельства, как в пользу, так и против обвиняемого (статья 4 УПК Польши) [7].

Формируется позиция органов судопроизводства Польши на основании всех собранных в уголовном производстве доказательств, свободно оцененных, но с учетом принципов правильного понимания, научных знаний и жизненного опыта (арт. 7 УПК Польши) [7].

Убежденность сторон уголовного процесса формируется на основании всех доказательств, проводимых уголовным производством, которые оцениваются свободно, но с учетом принципов правильного рассуждения и признаков знания и жизненного опыта (ст. 7 УПК Польши) [7]. В современном уголовном процессе в эпоху высокой специализации во всех сферах человеческой деятельности общепринятым стало использование специальных знаний.

Возрастает роль и значение статуса эксперта, особенно в ситуациях, когда современные преступники для достижения своих целей используют последние, новейшие достижения науки и техники. Достоверные знания истины требуют привлечения процессуальным органом лиц, обладающих специальными знаниями в области определенной области науки, техники, искусства, ремесла, профессии, но также других навыков (например, увлечений). Такая помощь может быть оказана квалифицированным специалистом – лицом с особой квалификацией в конкретной области, то есть специальными знаниями. Мнение эксперта обогащает знания судебного органа об исследуемых фактах и дает возможность лучше понять реальность [8, с. 40], как пишет Глава департамента криминалистики Высшей Школы полиции в Щитно В. Кендзерски. И независимо от того, имеет соответствующие знания судья, или даже

если понятно, что он имеет знания специалиста, которые бы предоставили возможность самостоятельно определить условия данных обстоятельствах [9].

Эксперт (судебный эксперт, специалист) назначается судебным органом для изучения и объяснения, по его мнению, обстоятельств, имеющих значение для разрешения конкретного дела, знание которого требует специальных знаний. В уголовном процессе использования заключения эксперта (*Dowód z opinii biegłego*) является одним из наиболее часто используемых средств доказательств. На практике иногда трактуется как «коронное доказательство» («*dowód koronny*») [8, с. 26].

Порядок назначения и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, если необходимо знать все обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, консультации эксперта или экспертов определены ст. 193 УПК [7], в сфере гражданского процесса ст. 278 Гражданского процессуального кодекса [10] и ст. 84 Административного процессуального кодекса Польши [11]. В разделе 22 «Эксперты, переводчики, специалисты» УПК Польши определено: если для решения обстоятельства, имеющего значение для дела, необходимо использование специальных знаний, используются выводы эксперта или экспертов (Art.193.§1), научных или специализированных институтов (Art. 193. § 2) [7].

Подтверждена такая позиция решением Верховного суда Польши 13.06.1996 г. [12], где определено: если для решения дела требуются специальные знания, а такое доказательство судебному органу не предоставлено, и не приняты меры для их обеспечения, то это является нарушением норм артикула 193 § 1 УПК. Уголовное процессуальное законодательство Польши значение понятия «эксперт» не определяет. Единственное, что фрагментарно можно определить из законодательных норм, – это кто может быть экспертом, а кто не может, – так считает Моника Цалкевич [13, с. 27].

Чтобы понять термин «эксперт», сначала надо понять дефиницию термина «специальные знания», который законодательно тоже не определен. Дефиниция сочетания слов «специальные

знания» требует необходимость правильной интерпретации определения отдельных фактов, и этим подчеркивает динамизм значения. Например, по мнению Станислава Сливинского, понятие «специальные знания» означает, что знание, которое не останавливается в определенном времени и месте, – это профессиональные знания, которые не известны широкому кругу» [14]. Научные взгляды и позиции относительно определения дефиниции «специальных знаний» разные, и широкий спектр понятий иногда вызывает серьезные проблемы и с научной, и с практической точки зрения, как считает польский ученый Моника Цалкевич, которая исследовала эту проблематику. Дополняя, она определяет их «на основе IDEM PER IDEM (специальные знания = профессиональные знания)» [13, с. 29]. Анджей Крите определяет специальные знания как «профессиональные сведения из всех областей профессионального и человеческой жизни и окружающего мира» [15]. Томаш Грегорчик считает, что термин «специальные знания» означает знания, которые выходят за рамки обычных, сферы общих знаний общества, находящихся в постоянном процессе и развития, постоянно происходит и в области общих знаний [16].

Петр Хофманьски, Элизабет Садзик и Казимеж Згрихек в своем комментарии «специальные знания» определяют как то, что (...) выходит за рамки обычных знаний, которые способствуют органу судопроизводства, и является мнением осведомленного лица с соответствующим жизненным опытом [17]. По мнению Збигнева Доди и Анджея Габерие, это знания, которые превышают пределы нормальных, универсальных в данных социальных условиях знаний (в области науки, техники, искусства и других навыков [19]. Феликс Прусак выводит определение из очевидных проблем, утверждения, что термин «специальные знания» очень широк, и заявляет, что они охватывают знания конкретных научных дисциплин, а также практические знания, полученные при освоении профессии. Но невозможно урегулировать законодательно и предвидеть на практике различные обстоятельства, которые могут потребовать специальной информации [19].

В Польше традиционно цитируются судебные решения Верховного суда от 17.10.1979 г. В связи с продвижением знаний и развитием науки в ее различных областях продолжают направляться прогресса и развития специальных знаний для нужд судебной власти и правоохранительных органов [22], от 23.11.1982 г. и 15.04.1976 г.; к специальным знаниям относятся все сведения и навыки, которые выходят за пределы базовых доступных практических знаний и навыков [20; 21; 22].

Характерно, что практический опыт, который на самом деле является важным элементом, часто остается без внимания многих авторов, хотя на практике при использовании мнения эксперта имеет наибольшее преимущество. По мнению польского ученого В. Кендзерского, термин «знающий человек, опытный» (польск. «biegły») в настоящее время охватывает такие категории: профессиональных специалистов (экспертов): работников специализированных учреждений, например, криминалистическая лаборатория полиции (Centralne Laboratorium Kryminalistyczne Komendy Głównej Policji, laboratoria kryminalistyczne komend wojewódzkich policji) и в Институте судебных экспертиз им. профессора Ян Сехна Министерства юстиции Польши (Instytut Ekspertyz Sądowych im. Prof. Jana Sehna), лаборатории военной жандармерии, пограничной службы (Zandarmerii Wojskowej, Straży Granicznej) и др. [8]. Т. Томашевский и В. Киндзерский выделяют три категории частных экспертов: - судебных экспертов, зарегистрированных при областных судах; - специалистов (специалистов), которые работают в специализированных частных компаниях (по контрактам – заказами); - специальных экспертов (biegłych «ad hoc»), которые составляют единый письменный вывод, и при этом не предусмотрено привлечение их к присяге [23; 8, с. 41]. Использование этих категорий частных экспертов, учитывая, что требования к привлечению кандидатов для специалистов к использованию специальных экономических знаний очень высоки, является положительным явлением в судопроизводстве Польши. Приступая к исполнению своих обязанностей, эксперт перед председателем областного суда принимает присягу

(przysiężenie): «Осознанное значение моих слов следует из ответственности перед законом. Торжественно обещаю выполнять возложенные на меня обязанности с большой добросовестностью и беспристрастностью (Ст. 197. §1)» [7]. Эксперты несут уголовную ответственность в случае выявления ложного заключения, что является доказательством в уголовном производстве, гражданском или ином деле согласно ст. 233 Уголовного кодекса Польши.

Порядок и размер получения вознаграждения определен Распоряжением Министра юстиции от 18 декабря 1975 года.

Поддерживая научную позицию Хуберта. Колецкого, элементы криминалистической проблематики экономических правонарушений отличаются совершенством от традиционной «уголовной» преступности, например:

1) тактики совершения экономических правонарушений – подход со стороны преступника;

2) тактики борьбы (противодействия) с экономическими правонарушениями – подход со стороны органов преследования;

3) использования технических средств, применяемых преступниками, – использования технических средств при совершении экономических правонарушений;

4) технических средств, применяемых правоохранительными органами, – технические средства, используемые в борьбе с экономическими правонарушениями;

5) методики совершения экономических правонарушений – подход со стороны преступника (алгоритм эффективного поведения преступника);

6) методики борьбы с экономическими правонарушениями – подход со стороны органов преследования (алгоритм эффективных действий по установлению, профилактике, раскрытию и доказыванию правоохранительными органами) [2, с. 95].

Получение участниками уголовного процесса обоснованных выводов с использованием специальных экономических знаний действительно является важным детерминантом этого процесса. Большинство следов финансово-экономической преступности имеет совсем другую природу, чем традиционные криминалистические сле-

ды. Это, прежде всего, функционально-организационные следы. Традиционно исследованию подлежат следы в документах.

В Польше действует Уголовный налоговый кодекс (Kodeks karny skarbowy), гл. 6-9 которого определено наказание за: налоговые правонарушения и экономические правонарушения по налоговым обязательствам и расчетам за счет субсидий или субсидий; фискальные правонарушения и налоговые правонарушения против таможенных пошлин и правила внешней торговли товарами и услугами; фискальные правонарушения и фискальные преступления против валютных операций; фискальные правонарушения и фискальные преступления против организации игр и взаимных пари. В соответствии с арт. 1. § 1 уголовная ответственность за фискальные правонарушения и фискальные преступления предусматривается каждому, кто совершает социально опасное действие [24]. Уголовный налоговый кодекс является правовым актом, всесторонне регулирующим материальные и процедурные вопросы, связанные с ответственностью за налоговые преступления и налоговые правонарушения. Это самостоятельный правовой акт, где определены правила, традиционно включаемые в уголовное фискальное законодательство: каталог штрафов, обширные положения уголовной ответственности за фискальные нарушения и меры наказания.

Активизация потенциала специальных экономических знаний как эффективного инструмента решения в Польше наиболее ответственных правовых экономических проблем и ситуаций привлекает внимание всего научного юридического сообщества.

Наука должна использоваться для нужд уголовного процесса в понятном и полном объеме, однако чрезмерная абсолютизация может оказать негативное влияние на реализацию основы свободной оценки доказательств [81, с. 59].

По мнению судьи Верховного Суда США Стивена Брейера, между наукой и правом существует неразрывная связь: «Научные проблемы пронизывают право, и это верно. Закон должен искать решения, которые подпадают под действие научных знаний и отражают его научный

статус. Я считаю, что в современную эпоху науки мы должны строить правовые основы, надежные, научно и законодательно обоснованы. Ученые предлагают свою помощь, и законодатели такие предложения должны принимать. Результат такого сотрудничества будет плодотворным не только для истины, но и для справедливости» [25, с. 537].

Выводы. Концептуальные основы необходимости привлечения специальных экономических знаний составляют:

1) прагматические цели и прагматическое значение криминалистического анализа способов совершения и раскрытия отдельных категорий, групп, видов и способов экономических правонарушений;

2) определение способов совершения и раскрытия отдельных видов (категорий, групп, типов) финансово-экономических преступлений; его прагматические и будущие цели;

3) определение способов совершения экономических преступлений как основы оптимального формирования профилактики и эффективного расследования;

4) достижение эффективности раскрытия экономических преступлений как основы для корректировки отдельных элементов и процессов по раскрытию и доказыванию.

Список использованной литературы:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Перев. с нем. с 4 доп. изд. Л. Дудкина и Б. Зиллера. СПб. 1908. XXVII. 1040 с.
2. Колецки Х. О некоторых реалиях преступности, криминалистической практики и науки криминалистики в Польше (основные исследовательские вопросы по криминалистическим проблемам современной организованной финансово-экономической преступности в Польше). Сибирский юридический вестник. 2008. № 3(42). С. 92–97.
3. Girdwoyń, Opiniabiegłego w sprawachkarnych w europejskimsystemieprawnym. Perspektywiharmonizacji, Warszawa 2011, s. 71.
4. Simandan D. 2010. Roads to perdition in the knowledge economy. Environment and Planning A 42(7), pp. 1519-1520. <https://doi.org/10.1068/a4324>.
5. Powell, Walter W.; Snellman, Kaisa (2004). «The Knowledge Economy» (PDF). Annual Review of Sociology. Annual Reviews. doi:10.1146/annurev.soc.29.010202.100037. Retrieved 24 March 2014.
6. Дуфенюк О.М. Процессуальный статус судебного эксперта у кримінальному провадженні: польський досвід. Порівняльно-аналітичне право. № 2. 2017. С. 179–182.
7. Kodeks postępowania karnego, (Dz. U . 1997, nr 89 poz. 555zezm.07.03.2018r.),KancelariaSejmu S. 62/315.
8. Kędzierski W. BIEGLI PRYWATNI W POLSCE , Jurisprudencija, 2000, t. 18(10); 4055, с. 40-56.
9. Wyrok Sądu Najwyższego z 3 maja 1982 r. , I KR 319/81, OSNPG 1982, nr 22, poz. 149.
10. Kodeks postępowania cywilnego (Dz. U. 1964, nr 43 poz.296 ze zm.).
11. Kodeks postępowania administracyjnego (Dz.U. 1960, nr 30 poz.168 ze zm.).
12. IV KKN 3896, opublikowane OSNKW 1996, nr 9-10. Poz. 56.
13. Calkiewicz M. Wykorzystanie opinii biegłego w polskim procesie karnym, Problemy krminalistyki 259 (styczen-marzec) 2008, с. 26-37.
14. Śliwiński S. Weki proce® kamy przed sądem powszechnym, Zasady ogólne, Wyd. Gebethner i Wolff, Warszawa IM#, s. 666.
15. Kryte A., Nledzlelak P., Petryna K., Wirzman T.E.: Kodeks postępowano karnego. Praktyczny komentarz z orzecnictwem, Wyd. Zrzeszeń* Prawników Pcrsktch, Warszawa 2001. S. 359.
16. Grzegorzczuk T.: Kodeks postępowania karnego. Komentarz. Kantor Wydawniczy Zakamycze. Kraków 1998. S. 392.
17. Hofmański P., e. Sadlik, K, Zgryżek: Kodeks postępowania karnego. Komentarz., Wyd. C.H, Beck. Warszawa 1299. tom I. S. 735.
18. Doda Z., Caberfe A.: Orzecznictwo Sądu Niższego. Komentarz, tom I, Dowody w procesie karnym. Dom Wydawniczy ABC, Warszawa 1975. S. 79.
19. Prusak P.: Komentarz de Kodeksu pestępowenta karnego, Wydawnictwo© Prawnicze. Warszawa 1993, & 536.
20. KR 140/79, Opublikowany OSMPG 1230. Nr. 6, poz. 36.
21. I I KR 186/82. Opublikowany OSMPG 1983, nr 6, poz. 59.
22. I KR 48/76, Opublikowany OSNKW 1976. nr 10 – 11, poz. 133.
23. Tomaszewski T. Biegły i jego opinia w nowym kodeksie postępowania karnego. Państwo i Prawo. 1396. nr 5, s. 38.
24. Kodeks karny skarbowy.Ustawa z dnia 10 września 1999 r. Dz.U. 1999 nr 83 poz. 930.
25. Breyer S. The Interdependence of Science and Law , Science 1998, vol. 280, s. 537–538.
26. Stojer J., Kryminalistyczne środki techniczne w mediach – Poznań : Wydawnictwo Naukowe «Silva Rerum», 2016. С. 345.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федчишина Виолета Витальевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Университета Государственной фискальной службы Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedchyshyna Violeta Vitalievna – Candidate of Economic Sciences, Professor at the Department of the Operative-Search Activity of the University of the State Fiscal Service of Ukraine

Viолета@meta.ua

УДК 344.13

ЛИШЕНИЕ ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Сергей ХАРИТОНОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права № 2
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирован специальный вид наказания, применяемый к военнослужащим, – лишение воинского звания. Рассмотрена специфика этого вида наказания, предложены пути усовершенствования действующего уголовного законодательства Украины.

Ключевые слова: военнослужащий, воинское преступление, воинское звание, наказание.

DEPRIVATION OF MILITARY RANK ACCORDING TO THE CRIMINAL LEGISLATION OF UKRAINE

Sergey KHARITONOV,

Candidate of Law, Associate Professor
at the Department of Criminal Law № 2
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

A special type of punishment applied to servicemen is analyzed in this article – deprivation of military rank. The specifics of this type of punishment are considered, the ways of improving the current criminal legislation of Ukraine are suggested.

Key words: serviceman, military crime, military rank, punishment.

Постановка проблемы. Реформа уголовной юстиции в Украине и многочисленные изменения, которые коснулись действующего уголовного законодательства Украины, требует тщательной правовой оценки такого специального вида наказания для военнослужащих, как лишение воинского звания.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости применения вопросов применения специального вида наказания в виде лишения военнослужащего воинского звания.

Состояние исследования. Вопросам, которые касаются применения наказания, в том числе и к военнослужащим, в период независимости Украины уделяли внимание следующие ученые: К.А. Бордюгова, М.В. Вьюник, Р.В. Гринько, Б.О. Кириш, В.А. Левочкин, І. Б. Медицкий, Ю.А. Пономаренко, М.О. Сарнавский, Ю.В. Сокоринский, М.С. Туркот, О.О. Шкута и другие.

Целью исследования является анализ специального вида наказания – лишения воинского звания.

Изложение основного материала исследования. Согласно ч. 2 ст. 52 и ст. 54 УК Украины наказание в виде лишения воинского звания является

дополнительным наказанием и назначается только тем лицам, которые имеют эти звания в случае совершения ими тяжкого или особо тяжкого преступления. Среди ученых звучало мнение, что этот вид наказания по своей сути вообще не наказание, а иная мера уголовно-правового воздействия, и поэтому его вообще необходимо исключить из системы наказаний [1, с. 274]. Мы не можем согласиться с этой позицией ученых, потому что по своей правовой природе этот вид наказания не отличается от других, хотя ему присущи некоторые специфические черты.

Во-первых, это единственный вид наказания, который не предусмотрен в санкциях статей Особенной части УК, и поэтому суд по каждому конкретному делу должен рассматривать вопрос о целесообразности назначения этого наказания.

Во-вторых, этот вид дополнительного наказания назначается только за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

В-третьих, назначение наказания в виде лишения воинского звания является не обязанностью, а правом суда.

В-четвертых, этот вид наказания влияет на ограничение и даже прекращение возможности заниматься профессиональной деятельностью в дальнейшем. Как отмечал А.А. Пинаев, карательная сторона этого наказания заключается в профессиональном ограничении осужденного, поскольку вследствие этого он может лишиться работы или права на дальнейшую соответствующую работу, доплат к зарплате, профессиональной пенсии и т.д. [2, с. 358]

Наказание в виде лишения воинского звания является бессрочным, так как время его применения не ограничено в законе никакими пределами и даже после погашения или снятия судимости осужденный не имеет права претендовать на автоматическое восстановление его в том звании, которого он был лишен по приговору суда. Это означает, что осужденный теряет свои знаки различия по прошлой деятельности, которые, как правило, являются значимыми для него и теряет право на дальнейшую профессиональную деятельность после снятия или погашения судимости. Поэтому невозможно согласиться с мнением некоторых ученых, этот вид наказания преимущественно имеет характер «позора» [3, с. 198].

Механизм восстановления права на утраченное звание не предусмотрен в УК Украины, что является, по нашему мнению, существенным недостатком действующего законодательства. Кроме этого, закон не указывает на то, в качестве дополнения к какому основному наказанию может быть назначен рассматриваемый вид наказания. В санкциях статей Особенной части УК Украины отсутствует данный вид наказания, что дает возможность судам применять его по своему усмотрению, а это также, по нашему мнению, является недопустимым и требует законодательной регламентации.

Постановление пленума ВСУ от 24.10.2003 р. «О практике назначения судами уголовного наказания» также не дает ответа относительно критериев назначения этого вида наказания.

В п.15 указанного постановления Пленум Верховного Суда Украины отмечает: лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса как вид наказания не указывается в санкциях норм Особенной части УК и применяется по решению суда. Согласно ч. 2 ст. 52 и ст. 54 УК это наказание является дополнительным и может быть применено судом лишь в отношении лица, осужденного за тяжкое или особо тяжкое преступление, с указанием в приговоре соответствующих мотивов.

С учетом УК Украины и Постановления Пленума ВСУ «О практике назначения судами уголовного наказания» можно сделать вывод, что ни закон, ни толкование его высшим органом судебной власти Украины не дает четкого ответа о критериях, которыми должен руководствоваться суд при назначении дополнительного наказания в виде лишения воинского звания.

По нашему мнению, когда речь идет о назначении наказания в виде лишения воинского звания нужно руководствоваться, прежде всего, характером и степенью общественной опасности преступления и тем, каким образом повлияло наличие воинского звания на совершение преступления. Это, в определенной степени, даст намек суду на правильное назначения данного вида дополнительного наказания.

Действующее уголовное законодательство не раскрывает понятие характера и степени общественной опасности преступления и не определяет их крите-

риев. О характере общественной опасности существует две распространенные точки зрения. Согласно первой из них характер общественной опасности определяется отнесением преступного деяния к тому или иному разделу Уголовного кодекса или к группе преступлений того или иного вида. Так, М.И. Бажанов считает, что характер общественной опасности – это признак, характеризующий все преступления соответствующей группы или соответствующего вида [4, с. 33]. По мнению А.Д. Соловьева, под характером общественной опасности следует понимать общественную опасность, которая присуща не отдельному преступлению, а всем преступлениям данного вида, и определяется, в первую очередь, значением и важностью объекта преступления [5, с. 85].

Согласно второй точке зрения характер общественной опасности преступления означает отличительное свойство, специфику, качество общественной опасности как отдельного преступления, так и группы преступлений [6, с. 69].

Назначение наказания в виде лишения воинского звания по действующему УК возможно только за тяжкие и особо тяжкие преступления, однако достаточно сложно понять, на чем основывается эта позиция законодателя. Следует отметить, что карательное содержание наказания в виде лишения воинского звания аккумулирует в себе два самостоятельных бессрочных последствия: во-первых, это лишение всех льгот и привилегий, во-вторых, это невозможность в дальнейшем осуществлять профессиональную деятельность военнослужащего. То есть лицо, которое отбыло основное наказание и с которого в законодательном порядке снята или погашена судимость, пожизненно находится под влиянием ограничений как имущественного, так и личного характера. Некоторые ученые считают, что невозможно считать этот вид наказания бессрочным и оно равно по своей правовой природе одноактным наказаниям подобно штрафу и конфискации имущества, но при этом отмечают, что суд не устанавливает какого-либо срока, по окончании которого лицо будет восстановлено в звании.

Иначе говоря, лицо, отбывшее основное наказание и судимость за которое была снята или погашена, де-юре считается несудимым, а де-факто ее правовое положение схоже с лицом в состоянии

судимости. На наш взгляд, это не соотносится с одним из основных принципов уголовного права – принципом справедливости.

По нашему мнению, если законодатель не желает закреплять в санкциях статей Особенной части УК наказание в виде лишения воинского звания, учитывая принцип справедливости уголовного закона, следует выработать больше оснований для его назначения.

Первое и единственное основание, которое предусмотрено ст. 54 УК – осуждение лица за тяжкое или особо тяжкое преступление – было подвергнуто критике со стороны многих ученых. Так, В.П. Шульпенков считает, что степень тяжести совершенного преступления не должна влиять на назначение этого наказания, и, по его мнению, было бы более целесообразным разрешить суду назначать наказания в виде лишения воинского звания, если виновный своим поведением показал, что не достоин его иметь [7, с. 86].

По нашему мнению, такое оценочное понятие, как «достоин или не достоин виновный в совершении преступления иметь воинское звание» не может быть определяющим критерием назначения наказания в виде лишения воинского звания, слишком туманны пределы этого определения. Это означает, что пределы назначения наказания будут зависеть не от законодателя, а в многим от интерпретатора. Такой подход неприемлем и приведет к судебскому произволу. Кроме этого, не стоит забывать о принципе экономии уголовно-правовой репрессии. Законодатель должен устанавливать виды и размеры наказания, адекватные посягательству и которые не должны быть безусловно суровыми.

Поэтому мы согласны с законодателем и считаем, что лишение воинского звания возможно лишь за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, но с некоторыми уточнениями.

Во-первых, по нашему мнению, такой вид уголовно-правового воздействия возможен только в тех случаях, когда воинское звание способствовало совершению преступления или оно было существенным условием совершения преступления. Речь идет о случаях, когда военнослужащий совершает преступление с использованием или воинского звания, или своего положения военнослужащего. Решающим значением при принятии судом решения о назначении или не назначе-

ние этого вида наказания имеет характер и конкретные обстоятельства соответствующего преступного деяния. Нецелесообразно лишать военнослужащего воинского звания, если он нарушил правила дорожного движения, управляя собственным транспортным средством, причинив смерть потерпевшему. Другое дело, когда речь идет о воинских преступлениях или о государственной измене путем перехода на сторону врага. В этом случае именно воинское звание является или обязательным признаком субъекта преступления, либо существенно повышает степень общественной опасности совершенного деяния. При других обстоятельствах применение этого вида наказания считаем нецелесообразным.

В качестве еще одного аргумента выступает смысл ст. 55 УК, в которой законодатель определил, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (а лишение воинского звания по своему уголовным содержанием именно делает невозможным в дальнейшем лицу занимать воинские должности и заниматься деятельностью в сфере военной службы) в качестве дополнительного наказания может быть назначено и в случаях, когда оно не предусмотрено в санкции статьи (санкции части статьи) Особенной части настоящего Кодекса при условии, что с учетом характера преступления, совершенного в связи с должностным положением или в связи с занятием определенной деятельностью, личности осужденного и иных обстоятельств дела суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Во-вторых, Постановление Пленума Верховного Суда Украины от 24.10.2003 р. «О практике назначения судами уголовного наказания» в п. 3 гласит: определяя степень тяжести совершенного преступления, суды должны исходить из классификации преступлений (ст. 12 УК), а также из особенностей конкретного преступления и обстоятельств его совершения (форма вины, мотив и цель, способ, стадия совершения, количество эпизодов преступной деятельности, роль каждого из соучастников, если преступление совершено группой лиц, характер и степень тяжести наступивших последствий и т.д.).

Ответственность за некоторые преступления, предусмотренные в уголовном

законе, дифференцируется в зависимости от того, с какой формой вины совершено деяние. Так, например, за умышленное убийство, нанесение тяжких телесных повреждений или телесных повреждений средней тяжести, за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества предусмотрена достаточно строгая ответственность, а за эти же деяния, совершенные по неосторожности, назначается менее суровое наказание.

Если обратиться к ст. 422 УК Украины «Разглашение сведений военного характера, составляющих государственную тайну, или потеря документов или материалов, содержащих такие сведения», то можно сделать вывод, что субъективная сторона этого преступления может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины. Психическое отношение субъекта к тяжелым последствиям, которые являются квалифицирующим признаком части 3 соответствующей статьи, может характеризоваться только неосторожностью. Однако законодатель не установил дифференциацию наказания в зависимости от формы вины по этой статье уголовного закона. Суд, согласно действующему законодательству, вправе назначить военнослужащему, признанному виновным в совершении этого преступления, дополнительное наказание в виде лишения воинского звания. По нашему мнению, это не соответствует принципу справедливости уголовного закона, так как при тождественности объективных признаков преступления общественная опасность неосторожных преступлений значительно ниже, поэтому следствием справедливой дифференциации наказания в этом случае должно быть отсутствие возможности применения дополнительного наказания в виде лишения воинского звания.

Исходя из этого, следует ограничить на законодательном уровне возможность применения судами дополнительного наказания в виде лишения воинского звания за неосторожные тяжкие и особо тяжкие преступления.

В-третьих, как уже было отмечено выше, наказание в виде лишения воинского звания является бессрочным. Лицо, осужденное к этому виду наказания, лишается возможности в дальнейшем профессионально заниматься деятельностью в военной сфере. Это своего рода поражения в правах, которые еще были предусмотрены в качестве меры социальной

защиты в общих началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. и могли применяться в качестве самостоятельной или дополнительной меры социальной защиты. Данный вид социальной защиты (по сути наказания) перекочевал в уголовное законодательство республик СССР и предусматривал возможность поражения в следующих видах прав: избирательные права, права занимать ответственные государственные должности, выполнять общественные обязанности и носить почетные звания, права занимать выборные должности в промышленных или торговых организациях и обществах, родительские права. Поражение в правах не могло назначаться на срок более 5 лет. В дальнейшем меры социальной защиты трансформировались в соответствующие виды наказания. Действующее уголовное законодательство предусматривает два таких вида наказания: это лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса, которое может применяться в качестве дополнительного наказания при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое может быть применено как в качестве основного вида наказания, так и в качестве дополнительного. И если наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью ограничено соответствующими сроками от двух до пяти лет, если применяется в качестве основного и от одного до трех лет, если назначается в дополнение к основному наказанию, то лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса не ограничено никакими сроками.

Уголовная ответственность не может быть пожизненной, за исключением одного вида наказания – пожизненного лишения свободы. Поэтому мы считаем целесообразным ограничить наказание в виде лишения воинского звания пятью годами.

Выводы. В качестве *De lege ferenda* предлагается следующая редакция статьи 54 УК Украины:

1. Осужденное за тяжкое или особо тяжкое умышленное преступление, лицо, имеющее воинское, специальное звание, ранг, чин или квалификационный класс, может быть лишено по при-

говору суда этого звания, ранга, чина или квалификационного класса на срок пять лет.

2. Лишение воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса как дополнительное наказание может быть назначено судом при условии, что с учетом характера преступления, совершенного лицом в связи с его должностью или деятельностью, суд определяет невозможным сохранение за ним воинского, специального звания, ранга, чина или квалификационного класса.

3. Срок дополнительного наказания исчисляется с момента отбытия основного наказания.

Список использованной литературы:

1. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России (история

и современность): дис. ...канд. юрид. наук. Казань. 1999.

2. Пинаев А.А. Курс лекций по Общей части уголовного права Украины. Х.: Харьков юридический, 2002.

3. Милоков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб: Знание, 2000.

4. Бажанов М.И. Назначения наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980.

5. Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву (законодательство и судебная практика). М., 1958. С. 85.

6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

7. Щупленков В.П. Лишение воинских и других званий, а также орденов, медалей и почетных званий. Наказания, не связанные с лишением свободы. М.: Юридлит, 1972.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харитонов Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права № 2 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharitonov Sergey Aleksandrovich – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law № 2 of Yaroslav Mudryi National Law University

kharitonovs@ukr.net

УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪКТОВ С ДЕЛЕГИРОВАННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ростислав ЩОКИН,
кандидат юридических наук,
докторант Межрегиональной Академии управления персоналом

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным проблемам административно-правового статуса субъектов с делегированными возможностями в области образования. В статье автором исследуется понятие «делегирование полномочий» в науке и законодательстве Украины. Делается вывод, что сегодня в современной юридической науке актуальной является проблема разработки единого понимания содержания понятия «делегирование полномочий», закрепление его в законодательстве. Обосновывается необходимость усовершенствования законодательства, которое определяет административно-правовой статус субъектов с делегированными возможностями.

Ключевые слова: статус, административно-правовой статус, Делегирование полномочий, субъекты, образование.

PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF SUBJECTS WITH DELEGATED AUTHORITIES IN THE SPHERE OF EDUCATION

Rostislav SHCHOKIN,
Candidate of Law Sciences,
Doctoral Student of the Interregional Academy of Personnel Management

SUMMARY

The article is devoted to topical problems of the administrative and legal status of subjects with delegated powers in the field of education. In the article the author studies the concept of «delegation of authority» in the science and legislation of Ukraine. It is concluded that today in modern legal science the problem of developing a unified understanding of the content of the concept of «delegation of authority» and fixing it in legislation is topical. The necessity of improvement of the legislation that determines the administrative and legal status of subjects with delegated powers is substantiated.

Key words: status, administrative and legal status, delegation of authority, subjects, education.

Постановка проблемы. Одной из форм правового определения прав, обязанностей и компетенции между центральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и другими субъектами, которые осуществляют и реализуют полномочия публичной администрации в сфере образования, является распределение полномочий. Основной целью такого распределения является установление такого соотношения прав и обязанностей, благодаря которому достигается их необходимое разграничение, устанавливаются четкие границы сфер ведения, в целом улучшается публичное администрирование в сфере образования.

Актуальность темы исследования. Нельзя не обратить внимание на то, что в Украине создается система, при которой часть полномочий органов публичной администрации делегируется целому ряду субъектов, которые наделяются властно-управленческими

функциями. Однако институт делегирования полномочий в сфере образования требует надлежащего правового регулирования, изучения его механизмов в научной среде. Сегодня фундаментального комплексного исследования проблемы делегирования полномочий в сфере образования в юридической науке не проводилось, административно-правовой статус субъектов с делегированными полномочиями в сфере образования не изучался.

Состояние исследования. Административно-правовой статус органов публичной администрации исследовался такими учеными, как: В.Б. Аверьянов, В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, А.Т. Комзюк, Т.О. Коломоец, Р.С. Мельник, которые на страницах учебников и учебных пособий освещали понятийный аппарат, касающийся административно-правового статуса и его составляющих элементов. Отдельные проблемные вопросы, касающиеся

механизма делегирования полномочий органами публичной администрации, исследовались такими учеными, как М.А. Баймуратова, А.В. Батанова, В.И. Борденюк, Ю.В. Георгиевский, И.А. Грицяк, Т.А. Карабин, И.В. Яковлюк и др.

Целью и задачей статьи является анализ научных разработок понимания делегирования полномочий в административном праве и административно-правового статуса субъектов, наделенных делегированными полномочиями в сфере образования.

Изложение основного материала. Изучение особенностей административно-правового статуса субъектов с делегированными полномочиями невозможно без всестороннего понимания содержания такого понятия, как делегированные полномочия.

Необходимость исследования понятия «делегирование полномочий» обосновывается отсутствием его единого

определения как в научных источниках, так и в юридической литературе. Использование указанного термина находим в нормативных актах различной юридической силы. Например, недавно принятая Концепция реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине [1], а также Стратегия реформирования государственного управления Украины на 2016–2020 годы [2] пользуются понятием «делегирование полномочий». Однако ни один из указанных актов не дает его определения.

Термин «делегирование» происходит из латинского языка от «delegare» – уполномочивать. В англоязычных словарях «delegate» определяется как «давать». В юридической энциклопедии этот термин объясняется как передача полномочий определенным субъектом управленческих отношений (органом, должностным лицом) другому, сопровождающаяся изменением их компетенции [3; 4].

В юридической науке было предложено рассматривать делегирование как специфический способ предоставления полномочий, вследствие которого один орган возлагает дополнительные обязанности на другой и предоставляет последнему на определенный или неопределенный срок право решать вопросы, отнесенные к компетенции первого органа. Поэтому делегированные от одного органа другому полномочия обычно связаны с его «собственной» компетенцией [5, с. 252]. Нельзя делегировать те полномочия, которыми законодательно не наделен субъект, который их делегирует.

Следует согласиться с А. Ткачук, что делегирование полномочий следует понимать как административно-правовой институт, содержание которого составляет процесс (правоотношения) передачи публично-административных полномочий субъекта делегирования другому участнику (органу публичной администрации, физическому лицу или юридическим лицам частного / публичного права) на определенный срок с обязательным ресурсным обеспечением (финансовым/имущественным), соответствующими контрольно-надзорными ограничениями и ответственностью, осуществляемой в форме договора или акта [6, с. 128].

В соответствии с Законом Украины «Об образовании» [7] отдельные функ-

ции публичной администрации в сфере образования переданы таким субъектам, которые не являются органами публичной администрации, как Национальное агентство квалификаций и Национальное агентство обеспечения качества образования.

Как следует из Закона Украины «Об образовании», Национальное агентство квалификаций не относится к публичной администрации. Этот субъект является коллегиальным органом, которому государство делегировало часть полномочий в сфере образования и который формируется на паритетных началах из представителей центральных органов исполнительной власти в сфере образования и науки, социальной политики, экономического развития, совместного представительского органа всеукраинских объединений организаций работодателей и совместного представительского органа репрезентативных всеукраинских объединений профсоюзов [7].

Согласно ст. 17 Закона Украины «О высшем образовании» от 01.07.2014 г. [8] Национальное агентство по обеспечению качества высшего образования является постоянно действующим коллегиальным органом, уполномоченным настоящим Законом на реализацию государственной политики в сфере обеспечения качества высшего образования. Национальное агентство по обеспечению качества высшего образования состоит из двадцати трех человек, которые назначаются Кабинетом Министров Украины на основании решения Конкурсной комиссии по результатам конкурсного отбора, что происходит с соблюдением принципов гендерного баланса и отраслевого представительства.

Национальное агентство квалификаций и Национальное агентство качества высшего образования являются неприбыльными организациями и имеют статус юридических лиц публичного права.

В науке административного права среди инструментов, с помощью которых осуществляется распределение полномочий публичной администрации, выделяют административный договор и акт. При исследовании инструментов делегирования полномочий публичной администрации в сфере образования можно прийти к выводу, что

такое делегирование осуществляется путем составления договора, или по закону.

Так, делегирование полномочий публичной администрации в сфере образования Национальному агентству квалификаций и Национальному агентству качества образования осуществляется в соответствии с законом. При этом имеет место делегирование полномочий в отношениях между центральными органами администрирования в сфере образования и учреждениями (юридическими лицами публичного права).

Так, согласно Закону Украины «Об образовании» [7] Национальное агентство квалификаций наделено рядом правотворческих, координационных, организационных полномочий, а именно:

- 1) участвует в разработке нормативно-правовых актов в сфере квалификаций;
- 2) обеспечивает взаимодействие, координацию и повышение эффективности деятельности заинтересованных сторон в сфере квалификаций;
- 3) сопровождает внедрение Национальной рамки квалификаций с соблюдением требований настоящего Закона;
- 4) координирует оценки эффективности государственной политики в сфере квалификаций;
- 5) обеспечивает прогнозирование потребностей рынка труда в квалификациях;
- 6) осуществляет сопровождение информационного обеспечения Национальной системы квалификаций и Национальной рамки квалификаций;
- 7) создает и ведет Реестр квалификаций;
- 8) готовит проект порядка разработки, введения в действие и просмотра профессиональных стандартов и подает его на утверждение Кабинета Министров Украины;
- 9) регистрирует профессиональные стандарты и обеспечивает открытый доступ к стандартам;
- 10) координирует разработку профессиональных стандартов;
- 11) участвует в разработке стандартов образования;
- 12) осуществляет международное сотрудничество в сфере квалификаций, в том числе с целью гармонизации Национальной рамки квалификаций

с аналогичными международными документами и тому подобное.

Согласно ст. 18 Закона Украины «О высшем образовании» Национальное агентство по обеспечению качества высшего образования имеет значительные делегированные полномочия по осуществлению правотворческой, учредительной, контрольной, регистрационной функций органа публичной администрации в сфере высшего образования, а именно:

1) формирует требования к системе обеспечения качества высшего образования, разрабатывает положение об аккредитации образовательных программ и представляет его на утверждение центральному органу исполнительной власти в сфере образования и науки;

2) анализирует качество образовательной деятельности высших учебных заведений;

3) проводит институциональную аккредитацию;

4) формирует по представлению высших учебных заведений (научных учреждений) предложения, в том числе с целью внедрения междисциплинарной подготовки, о перечне специальностей, по которым осуществляется подготовка соискателей высшего образования на соответствующих уровнях высшего образования, и подает его центральному органу исполнительной власти в сфере образования и науки;

5) формирует единую базу данных введенных вузами специализаций, по которым осуществляется подготовка соискателей высшего образования на каждом уровне высшего образования;

6) проводит аккредитацию образовательных программ, по которым осуществляется подготовка соискателей высшего образования;

7) формирует критерии оценки качества образовательной деятельности,

в том числе научных достижений, высших учебных заведений Украины, по которым могут определяться рейтинги высших учебных заведений Украины и др.[8].

Как мы видим, государство делегировало Национальному агентству качества образования и Национальному агентству квалификаций ряд организационных, учредительных, контрольных, правовых функций.

Выводы. Итак, делегирование отдельных полномочий органа публичной администрации в сфере образования отдельным субъектам – это основанные на законе Украины «Об образовании» правоотношения по поводу полномочия Национального агентства качества образования и Национального агентства квалификаций осуществлять в рамках законодательства Украины об образовании отдельные полномочия органа публичной администрации в сфере образования.

Как форма взаимодействия Министерства образования и науки Украины в сфере образования и Национального агентства качества образования и Национального агентства квалификаций в сфере образования составляет сложную систему процедур и деятельности правового, организационного, координационного, информационного, материального характера, направленного на обеспечение осуществления последним делегированных и других полномочий в сфере образования.

Список использованной литературы:

1. Концепція реформування місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні, схвалена розпорядженням Кабінету Міністрів України від 01.04.2014 № 333-р. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/333-2014-p>.

2. Стратегія реформування державного управління України на 2016–2020 роки, схвалена по порядженню Кабінету Міністрів України від 24.06.2016 № 474-р. URL: <http://www.kmu.gov.ua/control/ru/cardnpd?docid=249175778>.

3. Юридична енциклопедія. Т. 2. К.: Вид-во «Укр.енциклопедія», 199. 744 с.

4. Карабін Т.О. Розподіл повноважень публічною адміністрацією (доктринальний адміністративно-правовий аналіз): дис. д-ра юрид. наук 12.00.07. С. 442.

5. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. Москва: Юрид. лит., 1972. 280 с.

6. Ткачук О. До питання розуміння делегування повноважень в адміністративно-правовій науці та судовій практиці. Підприємництво, господарство і право. № 8. 2016. С. 126–129.

7. Закон України «Про освіту» від 05.09.2017 р. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2145-19/print1509866724105386>.

8. Закон України «Про вищу освіту» від 01.07.2014 р. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1556-18>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шокин Ростислав Георгиевич – кандидат юридических наук, докторант Межрегиональной академии управления персоналом

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shchokin Rostislav Georgievich – Candidate of Law Sciences, Doctoral Student of Interregional Academy of Personnel Management

mtp2705@i.ua

NOTIȚE

NOTIȚE

Culegere și paginare computerizată. Bun de tipar 05.07.2018. Formatul 60x84-1/8. Tipar ofset.
Coli tipar conv. 14,50 Tiraj-1020 ex. Imprimat la SRL «Tipocart Print», mun. Chișinău.